

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2019

№ 4 (51)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ПЕРСПЕКТИВЫ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ: ИНТЕРЕСЫ ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВ И СИНЕРГИЯ РАЗВИТИЯ С ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ РОССИИ

От редактора рубрики 5

Севастьянов С. В., Кравчук А. А.
Ускоренное развитие Арктики и Дальнего Востока:
синергия проектов 7

Соколова Е. Б., Журавель Ю. Г. Развитие
высокотехнологических судостроительных кластеров
на Дальнем Востоке для производства
арктических судов 21

Еремина Н. В. Арктическая политика
Европейского союза: задачи и проблемы 30

Лексютина Я. В. Китай и Индия в Арктике:
интересы, стратегии и сотрудничество с Россией 40

Золотухин И. Н., Туманов Ю. В., Веселов И. Р.
Сингапур в меняющейся Арктике:
проблемы сотрудничества и безопасности 49

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Се Фэнлин, Еланцева О. П. Институт Конфуция
ДВФУ и его деятельность по распространению
китайского языка и знаний о Китае 61

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Тарангул Р. В. Транспортные проекты РФ, РК и КНР
как способ продвижения своих интересов
в Северной Корее 71

Золотухин И. Н., Журбей Е. В., Куква Н. М.
Опыт экологической политики Индонезии:
уроки, проблемы и решения 83

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Маклашова Е. Г. Трансформация этнической
структуры населения Якутии (территориальный срез) .. 98

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

**Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г.,
Левченко А. В.** Историко-культурные ландшафты
Амура в современной нанайской культуре
(по материалам полевого исследования 2019 г.) 106

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Ващук А. С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.) **122**

Лёвушкина А. О. Российские акторы политики развития российского Дальнего Востока: цели и интересы **135**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Журбей Е. В., Гарусова Л. Н. Проблемы адаптации и интеграции латиноамериканских иммигрантов в США во второй половине XX – начале XXI вв. **147**

РЕГИОН В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ И ДОКУМЕНТАХ

Минчик С. С. Д. С. Полянский – штрихи к портрету (по воспоминаниям крымчан) **166**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Филипова А. Г. О международной летней школе, наследии Януша Корчака, научных конференциях и межкультурных коммуникациях **173**

Редакционная коллегия:

Т. Г. Римская (главный редактор), Я. А. Барбенко, В. А. Бурлаков, А. В. Винокурова, С. М. Дударенок, Г. Кристофферсен, М. Г. Ганопольский, К. В. Григоричев, А. Н. Демьяненко, Е. В. Журбей (ответственный редактор), И. Н. Золотухин, В. Н. Караман, А. А. Киреев, В. В. Кожевников, А. М. Кузнецов, Ю. В. Латушко, М. М. Лебедева, Д. А. Литошенко, А. Л. Лукин, Ю. А. Наумов, Н. П. Рыжова, С. В. Севастьянов, А. Г. Филипова, О. И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С. Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: Е. В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

**THE THEME: PROSPECTS FOR THE ARCTIC EXPLORATION:
INTERESTS OF THE LEADING STATES AND DEVELOPMENT SYNERGY
WITH THE RUSSIAN FAR EAST**

From the editor of the heading 5

Sevastyanov S. V., Kravchuk A. A.

Accelerated development of the Arctic and the Far East:
synergy of projects 7

Sokolova E. B., Zhuravel' Yu. G. Development
of high-tech shipbuilding clusters in the Far East
for the production of Arctic vessels 21

Eremina N. V. European Union Arctic policy:
tasks and problems 30

Leksyutina Y. V. China and India in the Arctic:
interests, strategies, and cooperation with Russia 40

Zolotukhin I. N., Tumanov Yu. V., Veselov I. R.
Singapore and Changing Arctic:
the issues of cooperation and security 49

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Se Fehnlin, Elantseva O. P. Confucius Institute
FEFU and its activities to promote Chinese language
and knowledge about China 61

ECONOMY AND NATURE

Tarantul R. V. Transport projects of the Russian
Federation, the Republic of Korea and China as a way
to promote their economic interests in North Korea 71

Zolotukhin I. N., Zhurbey E. V., Kukva N. M.
The experience of Indonesian environmental policy:
implications, problems and solutions 83

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Maklashova E. G. Ethnic structure's transformation
of the population of Yakutia (territorial view) 98

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

**Latushko Yu. V., Samar A. P., Belaya E. G.,
Levchenko A. V.** The historical and cultural landscapes
of the Amur River in modern Nanai culture
(based on field study materials, 2019) 106

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF THE REGION

Vashchuk A. S. The policy of attracting foreign
labor migrants to the Russian Far East:
between the pragmatic course and the security strategy
(late XX – early XXI centuries) 122

Lyovushkina A. O. Russian actors of the Russian Far East development policy: goals and interests **135**

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

Zhurbey E. V., Garusova L. N. Problems of adaptation and integration of Latin American immigrants in the United States in the second half of the XX – early XXI centuries **147**

REGION IN THE DOCUMENTS AND TESTIMONIES

Minchik S. S. Dmitry Polyansky in the Memories of Crimeans **166**

SCIENTIFIC LIFE

Filipova A. G. About the international summer school, the heritage of Janusz Korczak, scientific conferences and intercultural communications **173**

Editorial board:

T. G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V. A. Burlakov, A. V. Vinokurova, S. M. Dudaryonok, G. Christoffersen, M. G. Ganopolskij, K. V. Grigorichev, A. N. Demyanenko, E. V. Zhurbey (Editor), I. N. Zolotukhin, V. N. Karaman, A. A. Kireev, V. V. Kozhevnikov, A. M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, M. M. Lebedeva, D. A. Litoshenko, A. L. Lukin, Yu.A. Naumov, N. P. Ryzhova, S. V. Sevastyanov, A. G. Filipova, O. I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S. E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education "Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: J. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Corrector E. V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Решение проблем и разработка планов развития Арктической зоны РФ являются одним из высших международно-политических и экономических приоритетов руководства страны. Наша активизация в Арктике во многом обусловлена военно-политическим фактором, который проявляется в обострении отношений с США и другими странами блока НАТО и требует немедленных конкретных действий по укреплению северных рубежей России. В то же время данная проблематика, раскрытая во многих работах, рассматривается в данной рубрике в меньшей степени, а её основу составляют материалы, посвященные рассмотрению преимущественно экономических интересов и стратегий России и ряда других государств по освоению Арктики.

Одновременно одной из "прорывных" для сегодняшней России стратегических задач стало оперативное обоснование и последующая реализация проектов, обеспечивающих синергию развития двух малоосвоенных российских регионов (Арктики и Дальнего Востока). Развернутую программу перехода РФ к интенсивному развитию этих регионов в своей монографии "Арктика и Дальний Восток. Величие проектов" недавно представил известный российский политик В. А. Штыров. В соответствии с ней центрами развития отраслей, ориентированных на промышленное и инфраструктурное развитие Арктики, в том числе на создание в этих интересах продукции отраслей шестого технологического уклада, должны стать традиционные сибирские и дальневосточные промышленные районы.

С учетом этих идей две статьи рубрики посвящены исследованию потенциала и конкретных путей соразвития Арктики и Дальнего Востока. Открывает её работа С. В. Севастьянова и А. А. Кравчука, в которой представлены варианты сопряжения проектов добывающей и обрабатывающей промышленности двух регионов; оценены возможности развития инфраструктурных проектов, связанных с освоением Северного морского пути; раскрыты перспективы развития судостроительной отрасли Дальнего Востока за счёт реализации заказов в интересах арктических проектов. Статья Е. Б. Соколовой и Ю. Г. Журавля, в свою очередь, выдвигает аргументы, что, с учетом высокой стоимости изготовления судов на судовой верфи "Звезда" в Приморском крае, вместо стремления к занятию "классической" ниши по строительству судов, целесообразнее вкладывать средства в создание на Дальнем Востоке нового международного морского арктического инжинирингового центра. Масштабное освоение Арктики обеспечит рост потребностей в композитных материалах и высокотехнологичном оборудовании (подводных аппаратах, судовых двигателях и т.п.), новых средствах связи и управления, что и обеспечит будущее судостроения в этом регионе РФ.

В трех других статьях рубрики проанализированы формы проявления растущего интереса к Арктике со стороны как традиционных центров мировой экономики (Евросоюз), так и быстро развивающихся новых (Китай, Индия и Сингапур), которые зачастую склонны рассматривать Арктику как "ничейные зоны", являющиеся весьма привлекательными с точки зрения создания новых транспортных путей и освоения богатых природных ресурсов. В статьях также рассмотрены возникающие в этой связи для России новые вызовы в экономике и безопасности и, вместе с тем, возможности установления сотрудничества с иностранными государствами.

Арктической политике ЕС посвящена статья Н. В. Ереминой, в которой охарактеризованы его цели и задачи в регионе, а также проблемы и ограничения, с которыми страны Евросоюза сталкиваются при их реализации. Исследование показало, что ключевые акторы пока не видят в ЕС важного партнера, поскольку его полноценное участие в арктической политике ограничено финансовыми и другими возможностями. С учетом того, что так называемая "российская угроза" используется руководством ЕС для обоснования

своего присутствия в Арктике, его взаимодействие с Москвой в регионе также не будет эффективным.

В последние годы активизировался интерес к Арктике со стороны ряда государств, расположенных на значительном удалении от этого региона, таких как Китай, Япония, РК, Сингапур, Индия и другие. Они развернули в арктическом регионе интенсивную практическую деятельность: организуются полярные экспедиции, создаются полярные станции, проводятся многообразные исследования атмосферы и ледового покрытия, строятся специальные типы судов и оборудование ледового класса для геологоразведки и добычи полезных ископаемых. Наибольший интерес в этом контексте вызывает арктическая политика Пекина, которая характеризуется как резко возросшей практической активностью по всем направлениям, так и подведением под эти действия новой теоретико-концептуальной базы. Так, в своей недавней монографии "China as a Polar Great Power" новозеландский профессор Анне-Мари Брэди отметила, что Китай вошел в немногочисленный клуб великих полярных держав, имеющих существенное влияние на обоих мировых полюсах. Концепция "великой полярной державы" пока мало известна в науке о международных отношениях, но Пекин уже широко использует этот термин для обозначения своих устремлений и подчеркивания значимости полярных регионов для национальных интересов Китая. В свете этой китайской концепции, весьма важной является статья Я. В. Лексютинной, в которой исследованы арктические стратегии двух крупнейших неарктических, быстро развивающихся государств (Китая и Индии), выявлены их общие черты и существенные различия. В работе подробно охарактеризованы направления и возросший масштаб деятельности Пекина в Арктике и его сотрудничества с Россией, а также обоснован важный тезис о "реактивном" характере арктической политики Дели (в которой преобладают геополитические аспекты) и определены факторы, сдерживающие индийскую активность в регионе.

Завершает рубрику статья И. Н. Золотухина, Ю. В. Туманова и И. Р. Веселова об арктической политике Сингапура, который, не обладая политико-экономическим потенциалом Китая или Индии, концентрируется не на геополитических интересах в регионе, а на решении экологических проблем и участии в многосторонних проектах сотрудничества в Арктике. В целом, технологические преимущества дают Сингапуру возможность находиться не на последних ролях в освоении арктического пространства, и его пример способен повысить интерес других стран ЮВА к арктической проблематике.

С. В. Севастьянов

УДК 327

Севастьянов С. В., Кравчук А. А.

Ускоренное развитие Арктики и Дальнего Востока: синергия проектов

Введение. После 2014 г. наметилась тенденция к ослабеванию старых политико-экономических связей России в Европе, обусловленная политическими разногласиями с западными странами по поводу "крымского вопроса". Отказ западных партнёров от дальнейшего сотрудничества с РФ оказал негативное влияние на развитие Арктики, где реализация большинства экономических проектов оказалась под угрозой срыва. Необходимость развития этого стратегически важного региона страны привела к закономерному стремлению российского руководства найти новых экономических партнёров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), что существенно повысило роль и значимость Дальнего Востока. В научном сообществе это явление получило наименование "политики российского поворота на Восток", хотя на деле он начался раньше. В целом же события "посткрымского периода" серьёзно затронули арктическую зону РФ (АЗРФ) и Дальний Восток (ДВРФ), предопределив вектор ускоренного развития двух макрорегионов России.

В отечественной научной литературе представлено много научных работ, посвящённых исследованиям проблем и перспектив развития этих макрорегионов. В исследовании АЗРФ существенный вклад внесли П. А. Гудев [4], В. П. Журавель [7], В. Н. Коньшев, А. А. Сергунин, С. В. Субботин [9], Ю. Ф. Лукин [12] и др. Значительное число работ посвящено и макрорегиону Дальнего Востока, в том числе таких ученых, как П. Я. Бакланов [2], П. А. Минакир [14], А. Н. Швецов [40] и др. При этом в вышеперечисленных работах оба макрорегиона, как правило, рассматриваются как самостоятельные и не связанные между собой объекты государственной политики, которым присущи уникальные географические, экономические, социальные, военно-политические и другие характеристики, а для их развития требуются те или иные меры господдержки. Так, по оценке академика РАН П. А. Минакира, российский Дальний Восток, с одной стороны, неконкурентоспособен с точки зрения стандартных рыночных процедур, а с другой – имеет высокую значимость с точки зрения национальных геостратегических и геоэкономических целей. В этой связи он выдвинул гипотезу о том, что его "приоритетное экономическое развитие возможно только в случае нахождения эффективной комбинации масштабов и источников инвестиционных ресурсов с адекватным для решения данной задачи типом институционального режима..." [14]. В то же время, когда П. А. Минакир обратился к проблематике развития совместных междисциплинарных арктических исследований, то в качестве объекта избрал Тихоокеанскую Арктику [13].

При этом тенденции развития макрорегионов АЗРФ и ДВРФ в последние годы свидетельствуют об их растущих взаимосвязи и взаимодополняемости. Во многом "точка невозврата" была пройдена в 2018–2019 гг., когда успешно заработал первый арктический проект Новатэка "Ямал СПГ" по добыче, переработке и транспортировке СПГ потребителям в страны Европы и АТР, что стало катализатором для комплексного практического развития Северного морского пути.

© Севастьянов С. В., Кравчук А. А., 2019

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич, д-р полит. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** sevastyanov.sv@dvfu.ru

КРАВЧУК Алексей Андреевич, канд. полит. наук, внештатный научный сотрудник научной лаборатории Международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** zkv3krava@mail.ru

АЗРФ обладает колоссальным ресурсным потенциалом и рассматривается российским руководством в качестве стратегической ресурсной базы страны. Вместе с тем сложные климатические условия и географическая удалённость региона (особенно его восточной части) от основных промышленных центров страны делают его менее привлекательным для развития высокотехнологичных отраслей производства, таких как приборостроение, судостроение, газо- и нефтехимия, и т.д. Производимая в АЗРФ продукция будет обладать большей себестоимостью в сравнении с произведённой в регионах с более мягким климатом и, следовательно, меньшей конкурентоспособностью. Это обусловлено появлением дополнительных издержек, связанных с более высоким уровнем заработной платы для специалистов в регионе, с необходимостью обогрева производственных помещений большую часть года, с отсутствием развитой электроэнергетической сети, со сложностями конструирования производственных мощностей в условиях вечной мерзлоты и т.д. То есть АЗРФ может рассматриваться в качестве привлекательного региона для развития добывающей промышленности, но никак не обрабатывающей.

В этих условиях существенно возрастает роль ДВРФ (особенно его южного побережья), чьи природно-климатические и географические характеристики позволяют создать современный промышленный кластер, обеспечивающий высокотехнологичную переработку ресурсов, добываемых в АЗРФ, Восточной Сибири и на самом Дальнем Востоке. Во-первых, географически ДВРФ занимает срединное положение между АЗРФ и АТР, страны которого являются основными потребителями добываемых в Арктике ресурсов, что увеличивает его транзитно-логистическую значимость для доставки арктических ресурсов на азиатские рынки сбыта. Во-вторых, созданные на ДВРФ режимы территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и порто-франко благоприятствуют привлечению инвесторов, в том числе и зарубежных.

При этом многие государства АТР проявляют интерес к реализуемым в АЗРФ и на ДВРФ экономическим проектам и выражают готовность к развитию сотрудничества с Россией в освоении обоих макрорегионов, однако зачастую выдвигаемые проекты остаются на уровне деклараций либо имеют незначительные масштабы. В этом контексте принципиально отличается арктическая политика Пекина, характеризующаяся как возросшей практической активностью по всем направлениям, так и подведением под неё новой теоретико-концептуальной базы. По оценке новозеландского эксперта, Пекин уже вошел в немногочисленный клуб великих полярных держав, имеющих существенное влияние на обоих мировых полюсах, и, начиная с 2014 г., использует концепцию "великой полярной державы" для обозначения своих устремлений и подчеркивания значимости полярных регионов для национальных интересов Китая [44]. В этой связи следует считать, что уже имеющие место существенные вложения Пекина в российские энергетические проекты в Арктике [11] не являются конъюнктурными, а являются частью долговременной стратегии, и в перспективе эти вложения, как и в обеспечивающие их деятельность промышленные и инфраструктурные проекты на Дальнем Востоке, будут только расти.

Таким образом, одной из "прорывных" для сегодняшней России проблем является оперативное обоснование и последующая реализация проектов, обеспечивающих синергию развития малоосвоенных российских макрорегионов Арктики и Дальнего Востока. Что касается методологии региональной политики правительства России, то оно сделало первый знаковый шаг в этом направлении, преобразовав в феврале 2019 г. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока в Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. За этим в ближайшее время должна последовать выработка руководством России стратегии и программ совместного развития этих макрорегионов с опорой на государственные институты развития, особые правовые режимы и выборочную финансовую поддержку проектов.

В силу быстрых происходящих, в первую очередь, в Арктике перемен, фундаментальных академических работ на тему сопряжения развития двух макрорегионов пока не появилось. В этой связи авторы в качестве отправной точки для исследования избрали развернутую программу перехода РФ к интенсивному развитию этих регионов, которую в своей монографии представил

известный российский политик с уникальным опытом руководящей работы в арктическом регионе В. А. Штыров [41]. В соответствии с этой, во многом публицистической, работой центрами развития отраслей, ориентированных на промышленное и инфраструктурное развитие Арктики, в том числе на создание в этих интересах продуктивных отраслей шестого технологического уклада, должны стать традиционные сибирские и дальневосточные промышленные районы.

В этой связи основными методами исследования для авторов станут системный и сравнительный, а его целью – поиск точек соприкосновения между реализуемыми в АЗРФ и на ДВРФ экономическими проектами, а также перспективных направлений соразвития двух макрорегионов. Очевидно, что процесс сопряжения проектов АЗРФ и ДВРФ будет связан со многими проблемами и рисками, детальное рассмотрение которых требует специального анализа крупных научных коллективов и останется за рамками данной статьи.

Для достижения цели исследования авторы намерены решить четыре исследовательские задачи: 1) изучить возможные пути сопряжения проектов добывающей промышленности АЗРФ и обрабатывающей промышленности ДВРФ, с целью выхода на рынки АТР с продукцией, имеющей большую добавленную стоимость; 2) определить возможности развития инфраструктурных проектов АЗРФ и ДВРФ, связанных с освоением Северного морского пути (СМП); 3) раскрыть перспективы развития судостроительной отрасли ДВРФ за счёт реализации заказов, формируемых в интересах АЗРФ; 4) оценить перспективы научно-технического сотрудничества ведущих вузов и предприятий АТР и ДВРФ в вопросах совместного исследования и реализации арктических проектов.

Перспективы развития дальневосточного нефтехимического кластера. Основную статью экспортных доходов РФ (более 54%) составляет экспорт углеводородного сырья – 234,9 млрд долл. США в 2018 г. [42]. В физическом выражении объёмы экспорта составили: нефти – 236,6 млн. т. (в сравнении с 2017 г. рост – 0,5%), трубопроводного газа – 202,2 млрд куб. м (рост – 5,9%), сниженного природного газа (СПГ) – 35,1 млрд куб. м (рост – 71,6%).

Руководство РФ планирует наращивать экспортные поставки углеводородного сырья с освоением месторождений континентального шельфа морей АЗРФ и ДВРФ, обладающих большими запасами углеводородов. Наиболее масштабные проекты, реализуемые в этих макрорегионах, связаны с добычей нефти и газа, в их числе "Сахалин-1", "Северное Чайво", "Приразломное", "Ямал-СПГ", "Арктик СПГ-2", "Сахалин-2" и др. Основные объёмы добываемых в АЗРФ и на ДВРФ углеводородов поставляются в страны АТР, испытывающие дефицит собственных энергоресурсов.

Руководство страны понимает, что в долгосрочной перспективе опора на экспортно-сырьевую модель экономического развития может оказаться губительной для российской экономики, и поэтому в Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г. "исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста" и "отсутствие российских несырьевых компаний среди глобальных лидеров мировой экономики" возведены в ранг угроз экономической безопасности [34].

На сегодняшний день наиболее быстрорастущим считается глобальный рынок продуктов нефтехимической отрасли. Его общий объём в 2015 г. составил 1,464 млрд т. По оценкам экспертов, рынок нефтехимии сохранит высокие темпы роста, и к 2020 г. его объём составит 1,708 млрд т, а к 2026 г. он может подняться до 1,932 млрд т. Указанный процесс обусловлен увеличением спроса на нефтехимическую продукцию, прежде всего, со стороны азиатских государств, в первую очередь, Китая [43]. Доля нефтехимии в российской экспортной корзине существенно уступает экспорту сырья и составляет около 5,8% (26,65 млрд долл. США) [42]. При этом большинство нефтеперерабатывающих предприятий сосредоточены в западной части РФ [17].

Таким образом, учитывая, что планируется существенный рост поставок углеводородного сырья АЗРФ и ДВРФ в страны АТР, а основные нефтехимические предприятия сосредоточены на западе страны, напрашивается вывод о необходимости создания на территории ДВРФ современного нефтехимиче-

ского кластера для обеспечения роста экспорта в АТР нефтехимической продукции с высокой добавленной стоимостью, а не сырья. Первые шаги на этом пути уже сделаны, чему в большой степени способствуют предпринятые меры, направленные на повышение инвестиционной привлекательности ДВРФ (создание режимов ТОСЭР и порто-франко).

В 2015 г. в г. Свободный Амурской области начато строительство Амурского газоперерабатывающего завода (АГПЗ), который должен стать одним из крупнейших газоперерабатывающих предприятий в мире (проектная мощность завода – 42 млрд куб. м. газа в год). Этот проект реализуется на базе ТОСЭР "Свободный". Собственник АГПЗ – ООО "Газпром переработка Благовещенск" (дочернее предприятие ПАО "Газпром"). Проектированием, координацией поставок оборудования, материалов и управлением строительством АГПЗ занимается ОАО "НИПИГАЗ" (дочернее предприятие ПАО "СИБУР Холдинг") [1]. Завод обеспечит производство ценных для газохимической и других отраслей промышленности компонентов – пропана, этана, бутана, пентан-гексановой фракции и гелия. Основным потребителем производимой АГПЗ продукции будет Китай. При этом запуск первой очереди предприятия (из двух технологических линий) запланирован на май 2021 г., а всех шести технологических линий – на 2025 г. [30].

В 2018 г. ПАО "СИБУР Холдинг" заявило о планах начать строительство в г. Свободном Амурского газохимического комплекса (АГХК) по производству полиэтилена (проектная мощность – 1,5 млн. т. в год). Сырьё для завода будет поставлять АГПЗ. В прошлом году компании договорились о поставках 2 млн т. этановой фракции в год [30]. Планируемый запуск АГХК синхронизирован с запуском четвертой очереди АГПЗ и намечен на 2024 г. [23].

Другим крупным проектом нефтехимической отрасли на ДВРФ должен стать масштабный проект ПАО "Роснефть" "Восточная нефтехимическая компания" (ВНХК) по строительству современного нефтехимического комплекса в г. Находка Приморского края на базе ТОСЭР "Нефтехимический". По данным на 2018 г. компания планировала построить две очереди: нефтехимическую – к 2026 г., и нефтеперегонный завод (НПЗ) – к 2029 г. Общая мощность проекта оценивалась более чем в 12 млн. т. перерабатываемой нефти в год, с производством около 8 млн. т. топлива и 4,5 млн. т. нефтехимической продукции. При этом стоимость проекта оценивалась на уровне 0,8–1,3 трлн руб. [22]. В июне 2016 г. ПАО "НК "Роснефть" и Китайская национальная химическая корпорация ChemChina подписали Соглашение об основных условиях совместного проведения технико-экономического обоснования проекта ВНХК, которое предусматривало вхождение китайской компании в капитал проекта с долей 40% [26].

Однако в мае 2019 г. стало известно, что ПАО "НК "Роснефть" отказывается от реализации проекта ВНХК из-за предпринятого Правительством РФ т.н. большого налогового маневра, который предполагает рост НДС и постепенное обнуление экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты, а также мер ручного регулирования нефтеперерабатывающего бизнеса (речь идет о заморозке цен на топливо). Тем не менее, уже в июне 2019 г. "Роснефть" выступила с заявлением о готовности продолжить "диалог с органами исполнительной власти с тем, чтобы попытаться найти эффективную экономическую модель проекта", а также о том, что "при наличии привлекательных и гарантированно стабильных фискальных и регуляторных условий, "Роснефть" и её партнеры будут готовы вернуться к реализации проекта ВНХК" [27].

Согласно принятой в 2017 г. стратегии ПАО "НК "Роснефть", компания рассматривает нефтехимическую отрасль в качестве одного из приоритетных направлений дальнейшего развития, связывая это с необходимостью укрепления позиций на быстрорастущих рынках Азии [18]. В этих условиях отказ от реализации проекта ВНХК выглядит скорее, как попытка добиться более выгодных условий его реализации. И она может увенчаться успехом, так как Правительство РФ выразило готовность предоставить проекту ВНХК дополнительные льготы, о чем в июне 2019 г. на Петербургском экономическом форуме заявил глава Министерства энергетики РФ Александр Новак [39]. Учитывая вышесказанное, есть основания предполагать, что проект ВНХК всё же

Таблица 1. Статистика грузоперевозок по СМП

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Объём перевезённых грузов (млн. т.)	–	–	2,9	3,8	5,4	7,48	10,7	19,689
Количество транзитных проходов	41	46	71	31	18	19	27	27

Источник: составлено на основе [19; 45].

будет реализован, поскольку в его успехе заинтересованы как "Роснефть", так и правительство РФ.

На площадках ТОСЭР "Нефтехимический" (п. Козьмино) также реализуется проект строительства Находкинского завода минеральных удобрений и метанола (НЗМУ) для поставок продукции, преимущественно, в страны АТР. Начало строительства завода намечено на конец 2019 г., а окончание и выход на полную мощность: первой линии (по производству 1,8 млн. т. метанола в год) – на 2022 г., второй линии (по производству 1,8 млн. т. аммиака в год) – на 2024 г. Площадка под строительство завода расположена близко к трубопроводной системе ПАО "Газпром", с которым в 2015 г. НЗМУ заключил договор на поставки природного газа в объеме до 3,15 млрд куб. м газа в год на 20 лет. Общее количество рабочих мест на предприятии превысит 1,5 тыс. [16].

Успешная реализация вышеуказанных проектов позволит РФ поставлять на азиатские рынки не только добываемые в АЗРФ и на ДВРФ углеводородные ресурсы, но и продукцию нефтехимической отрасли с высокой добавленной стоимостью, обеспечивая планируемый правительством РФ переход от экспортно-сырьевой к инновационной экономике.

Комплексное развитие инфраструктуры портов АЗРФ и ДВРФ в рамках проекта СМП. Официальная статистика грузоперевозок по СМП указывает на ежегодное увеличение общего тоннажа перевозимых в АЗРФ грузов (см. таблицу 1). Этот рост обусловлен в первую очередь нарастанием деятельности самой России по освоению ресурсов АЗРФ в рамках реализации крупных региональных проектов (таких как "Ямал-СПГ", "Новый порт", "Арктик СПГ-2" и т. д.), то есть интенсификацией внутриарктических перевозок.

Вместе с тем, количество трансарктических перевозок по СМП не имеет подобных темпов роста, что, по мнению авторов, во многом связано с отсутствием концепции (логистической схемы) эффективного использования маршрута. Учитывая, что количество судов ледового класса ограничено, их длительное пребывание на свободных ото льда участках вод экономически нецелесообразно, особенно в период зимней и весенней навигации. Возможным решением этой проблемы может стать внедрение логистической схемы с опорой на два крупных логистических хаба при входе на СМП в его восточной и западной частях. Наиболее подходящими для этих целей считаются морские порты Мурманск и Петропавловск-Камчатский, являющиеся незамерзающими портами с круглогодичной навигацией. Принцип работы указанной логистической схемы представлен на рисунке 1.

Для эффективного применения концепции челночных перевозок по СМП оба логистических хаба должны обладать примерно равными транспортно-логистическими возможностями. На деле же Петропавловск-Камчатский уступает Мурманску: более чем в 11 раз – по пропускной способности грузовых терминалов, почти в два раза – по количеству причалов и по общей длине причального фронта, в 1,5–2 раза – по площади крытых и открытых складов, а также по ёмкости резервуаров для хранения нефтепродуктов. Кроме того, Мурманск способен принимать суда дедевтом до 300 тыс. т. в режиме круглогодичной навигации [25], а Петропавловск-Камчатский – лишь суда, дедевтом которых не превышает 50–60 тыс. т. Таким образом, переход к применению концепции челночных перевозок по СМП потребует от РФ обеспечить: на первом этапе – наращивание транспортно-логистических возможностей Петропавловска-Камчатского до уровня, сопоставимого с возможностями

Рис. 1. Схема реализации концепции челночных перевозок по СМП
 Источник: составлено на основе [10].

Мурманска; на втором этапе – поступательное соразвитие обоих логистических хабов, пропорционально фактическому росту объёмов трансарктических грузоперевозок.

Реализация этого масштабного проекта потребует солидных затрат, и, как отмечают российские эксперты, основная задача государственной политики в АЗРФ заключается в создании условий для притока инвестиций, обновления основных фондов и инфраструктуры [9]. На практике первый этап внедрения концепции челночных перевозок по СМП уже реализуется. Правительством РФ приняты меры по повышению инвестиционной привлекательности порта Петропавловск-Камчатский: во-первых, в Камчатском крае была создана ТОСЭР "Камчатка", в составе которой образованы 9 инвестиционных площадок, одна из которых – "Морской порт" – направлена на развитие транспортно-логистической инфраструктуры порта Петропавловск-Камчатский; во-вторых, на территории Петропавловска-Камчатского был введен режим порто-франко. Как результат, к концу 2018 г. на территории Камчатского края на разных стадиях реализации находилось 240 внебюджетных инвестиционных проектов, с общим объёмом частных инвестиций около 216 млрд руб. При этом, объёмы инвестиций по этим проектам существенно разнятся, от нескольких млн руб. в сферу бытового обслуживания до нескольких млрд руб. в развитие портовой инфраструктуры [8].

В октябре 2017 г. ПАО "Новатэк" и Правительство Камчатского края подписали соглашение о строительстве в регионе плавучего терминала по перевалке СПГ. Пропускная способность планируемого терминала (более 21 млн. т. в год) превышает максимальную мощность завода "Ямал-СПГ" (16,5 млн. т. в год), что указывает на его привязку не только к этому проекту, но и к проекту "Арктик СПГ-2". Как отметил председатель правления ПАО "Новатэк" Леонид Михельсон, "строительство терминала позволит оптимизировать транспортную логистику при доставке СПГ из АЗРФ потребителям в АТР, стимулировать использование СМП, а в дальнейшем – создать на базе перевалочного терминала независимый центр формирования цены СПГ в АТР" [15].

Перевалочный СПГ-терминал позволит уменьшить использование СПГ-танкеров ледового класса (Ямалмакс), которые будут выгружать СПГ на камчатский СПГ-терминал, откуда обычные СПГ-танкеры (не ледового класса) будут доставлять его потребителям в АТР. Эта схема, по сравнению с пря-

мой доставкой СПГ в АТР, позволит снизить стоимость транспортировки газа на 0,2 долл. США за один млн британских тепловых единиц. При перевалке 21,1 млн. т. СПГ экономия составит около 225 млн долл. США в год [35].

В марте 2019 г. Правительство РФ утвердило план по инвестиционному строительству СПГ-терминала в Камчатском крае общей стоимостью в 108 млрд руб. Проект будет реализовываться в границах ТОСЭР "Камчатка". Начало строительства СПГ-терминала намечено на 2020 г., а запуск первого пускового комплекса запланирован на 2022 г., второго – на 2023 г. "Новатэк" планирует построить аналогичный СПГ-терминал и в Мурманской области, распоряжение о строительстве которого подписано Председателем Правительства РФ в апреле 2019 г. Стоимость проекта оценивается в более 70 млрд руб. Начало работ намечено на 2020 г., а окончание – на 2023 г. Общая мощность Мурманского СПГ-терминала после запуска составит 41,4 млн т. в год [20].

Таким образом, более эффективная модель эксплуатации судов ледового класса на трассе СМП поддержана Правительством РФ, а ПАО "Новатэк" стало первой российской компанией, планирующей приступить к эксплуатации СМП с применением концепции челночных перевозок, о которой мы упоминали выше.

Перспективы развития дальневосточного судостроительного кластера. Другим условием успешной реализации концепции челночных перевозок по СМП выступает наличие достаточного количества судов ледового класса, способных обеспечивать круглогодичную транспортировку грузов. В этих целях РФ необходим собственный флот крупнотоннажных транспортных судов ледового класса, способных свободно действовать в арктических водах. Выполнение указанной задачи также потребует масштабных инвестиций и кооперации с зарубежными судостроительными компаниями.

Крупнейшей судостроительной компанией РФ является АО "Объединенная судостроительная корпорация" (ОСК), однако в обозримом будущем её предприятия не смогут обеспечить серийный выпуск гражданских судов ледового класса, поскольку большая часть их мощностей занята выполнением Гособоронзаказа для ВМФ РФ и экспортных заказов по линии военно-технического сотрудничества. В сложившихся условиях с целью реализации проектов в АЗРФ российские компании были вынуждены размещать свои заказы на строительство судов ледового класса на иностранных верфях (преимущественно в АТР).

Стремясь удовлетворить растущий спрос на строительство гражданских судов и обеспечить развитие промышленности ДВРФ, российское руководство предприняло ряд шагов, направленных на развитие гражданского судостроения на Дальнем Востоке [3]. Сегодня на базе ТОСЭР "Большой Камень" реализуется проект стоимостью более 92 млрд руб. по строительству судостроительного комплекса "Звезда". Реализацией проекта занимается совместное предприятие компаний АО "Газпромбанк", ПАО "НК "Роснефть" и АО "Роснефтегаз" – ЗАО "Современные технологии судостроения" [24]. Проект реализуется в два этапа: первый – введение в эксплуатацию блока корпусных производств и окрасочных камер (сданы в эксплуатацию в 2016 г.) с открытым тяжёлым стапелем и передаточным доком для строительства среднетоннажных судов и морской техники (срок – конец 2019 г.); второй – введение в эксплуатацию сухого дока, достроечных цехов и набережных (срок – 2024 г.) [36].

В рамках реализации проекта планируется создать полноценный судостроительный кластер при максимальной локализации производства необходимых для судостроения компонентов на территории Приморского края, где запланировано строительство заводов по производству дизельного оборудования, энергетических установок, полимерных материалов, крупноформатного стального листа и других материалов для нужд судоверфи [32]. По данным Министерства промышленности и торговли РФ, до 2030 г. суммарная заявленная потребность российской промышленности в морских судах составляет 237 единиц, 36 из которых – это объекты крупнотоннажного судостроения для разработки ресурсов шельфовых месторождений [31]. В условиях загруженности предприятий АО "ОСК" заказами МО РФ, большую часть заказов на гражданские суда может получить СК "Звезда".

По оценке представителей "Роснефти", вывод проекта СК "Звезда" на позитивные экономические показатели станет возможным при получении заказов на постройку до 2035 г. 178 судов [29]. На сегодняшний день судостроительная компания имеет заказы на строительство 36 судов от следующих компаний: ПАО "НК "Роснефть" – 10 танкеров ледового класса "Афрамекс", 10 арктических танкеров-челноков ледового класса "Арс7", четырех многофункциональных судов снабжения ледового класса и одного арктического танкера-челнока; ФГУП "Росморпорт" – на строительство головного мелкосидящего ледокола проекта 22740 (с дальнейшим выпуском ещё трёх судов этой серии); ПАО "Совкомфлот" – на строительство двух танкеров ледового класса "Афрамекс" (тем самым серия этих судов увеличена до 12 единиц), трёх танкеров-продуктовозов; ПАО "Газпром" – на строительство трёх судов снабжения, одного пассажирского судна для перевозки экипажей добывающих и буровых платформ, а также одного многофункционального ледокольного судна. Кроме того, в 2018 г. руководство страны приняло решение разместить заказ на строительство первого сверхтяжёлого ледокола "Лидер" на СК "Звезда" [21].

Таким образом, портфель заказов СК "Звезда" будет формироваться преимущественно за счёт крупных компаний, занимающихся разработкой шельфовых месторождений АЗРФ и ДВРФ. Пилотную загрузку верфи обеспечили ПАО "НК "Роснефть" и её дочерние предприятия, при этом ключевой проблемой дальневосточной судостроительной отрасли на данном этапе является отсутствие опыта строительства высокотехнологичных крупнотоннажных судов – СПГ-танкеров, контейнеровозов, морских буровых, разведочных и добывающих платформ ледового класса.

Перспективы развития научно-технического сотрудничества на ДВРФ в интересах реализации проектов в АЗРФ. Площадкой, обеспечивающей проведение комплексных научных исследований на ДВРФ, должен стать остров Русский (г. Владивосток), который включен в комплексный план социально-экономического развития Приморского края до 2025 г. Предполагается, что в рамках будущей ТОСЭР "Остров Русский" будет создан международный научно-образовательный и технологический кластер, в состав которого войдут конгрессно-выставочный комплекс, научно-исследовательский и лечебный центр, международный деловой центр, малоэтажный жилой комплекс, спортивный комплекс, туристические объекты. В общей сложности в строительство кластера планируется вложить 141,5 млрд руб. [28]. Основой научно-исследовательского центра станет Дальневосточный Федеральный Университет (ДФУ), который уже ведёт научные исследования, способствующие реализации российских арктических проектов.

В 2014 г. в ДФУ был запущен проект по созданию Центра превосходства в области арктических технологий освоения ресурсов Мирового океана "Дальневосточный Арктический инжиниринговый центр". Этим проектом предусматривается создание ряда научно-исследовательских лабораторий для оказания полного спектра инжиниринговых услуг и научного сопровождения проектов на арктическом шельфе. В ДФУ уже созданы несколько базовых лабораторий, среди которых: ледовая лаборатория, лаборатории подводной робототехники и новых материалов, Центр по разработке и конструированию морской техники, Центр по исследованию и конструированию инженерных сооружений для обустройства месторождений в Арктике и др. [6].

Имеется большой потенциал для дальнейшего роста научно-технического сотрудничества ДФУ с ведущими университетами стран АТР. В настоящее время в вузе работают "Российско-китайский полярный инжиниринговый и научно-исследовательский центр" и "Российско-австралийский центр исследований Арктики и Антарктики". В 2017 г. достигнуто соглашение о расширении сотрудничества по арктической проблематике между ДФУ, Национальным университетом Сингапура и Университетом Окленда (Новая Зеландия).

Накопленный опыт и знания позволяют ДФУ выстраивать конструктивное сотрудничество с предприятиями реального сектора экономики. Так, ДФУ является базовым партнёром "Роснефти" в сфере научных исследований и подготовки квалифицированных кадров для нефтегазовой отрасли. В 2017 г. учёные ДФУ по заказу компании провели исследование геокриологических условий на Хатангском участке недр (на шельфе моря Лапте-

вых). Полученные результаты помогли определить условия работы для поисково-разведочного бурения и дальнейшего обустройства месторождения, а также будут использоваться при проектировании морской инфраструктуры и системы транспортировки углеводородов [5]. В конце 2018 г. учёные ДВФУ получили заказ на научно-техническое сопровождение строительства сухого дока СК "Звезда", параметры которого должны обеспечить строительство сверхтяжёлых судов, таких, как ледокол "Лидер". В дальнейшем эти параметры позволят верфи выпускать арктические СПГ-танкеры, буровые платформы ледового класса и другую крупнотоннажную морскую технику [38].

В феврале 2019 г. дан старт исследованиям прочностных свойств ровного морского льда, которые проводятся в рамках заключенного на полях ВЭФ-2018 договора между ПАО "НК "Роснефть", ДВФУ и ООО "Арктический Научный Центр" (входит в Корпоративный научно-проектный комплекс "Роснефти"). Уникальность проекта заключается в том, что впервые в мировой науке ледоисследовательские работы ведутся одновременно на четырех полигонах (два – в АЗРФ, два – на ДВРФ), для которых характерны различные типы ровного льда [37].

Таким образом, необходимость расширения экономической деятельности России в АЗРФ будет способствовать углублению сотрудничества ДВФУ с ведущими российскими и иностранными вузами и предприятиями, закрепляя за ним статус одного из ведущих университетов АТР, занимающегося проведением комплексных исследований в Арктике.

Заключение. Одним из приоритетных направлений государственной политики России является ускоренное социально-экономическое развитие АЗРФ и ДВРФ [33], и проведённое исследование указывает на растущую степень взаимосвязи и взаимозависимости двух макрорегионов.

Необходимость осуществления Россией крупных арктических проектов открыла новые возможности для роста экономики ДВРФ, такие как: реализация инфраструктурных проектов, развитие наукоёмких и инновационных отраслей производства (судостроение и нефтехимия), повышение научно-технического потенциала дальневосточных вузов и предприятий, а также расширение их сотрудничества с зарубежными партнёрами. В свою очередь, успешность реализации дальневосточных проектов отразится на темпах и масштабах освоения АЗРФ – без развития инфраструктуры порта Петропавловск-Камчатский трудно обеспечить эффективное использование СМП, а без строительства судов ледового класса на СК "Звезда" не удастся расширить и активизировать деятельность различных направлений бизнеса в Арктике и т.д.

По мнению авторов, дальнейшая политика РФ в Арктике и на Дальнем Востоке будет определяться принципом планомерного соразвития двух макрорегионов, при котором АЗРФ будет отведена роль ресурсной, а ДВРФ – промышленной и научной базы страны. Предпринятые меры государственного стимулирования предпринимательской деятельности (введение режима ТОСЭР и порто-франко) позволяют создать на ДВРФ (особенно в его южной части) современный кластер, обеспечивающий высокотехнологичную переработку ресурсов, добываемых в Арктике, Сибири и Дальнем Востоке, и экспорт в страны АТР продукции с высокой добавленной стоимостью.

Кроме того, в ходе формирования на базе ДВФУ "Дальневосточного Арктического инжинирингового центра" предусмотрено создание научно-исследовательских лабораторий для оказания полного спектра инжиниринговых услуг и научного сопровождения проектов на арктическом шельфе. Реализация этих планов позволит РФ как повысить свой статус в системе международных отношений АТР, так и сделать важный шаг на пути от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического развития.

Литература

1. Амурский газоперерабатывающий завод [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/amur-gpp/> (дата обращения: 01.09.2019).
2. Бакланов П. Я., Новиков А. Н., Новикова М. С. Влияние трансграничности на территориальные структуры Приморского края России и сопредельных территорий // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естеств. науки. 2018. Т. 160, кн. 1. С. 162–177.
3. Гриванов Р. И., Гу Фанцзе. К вопросу о роли высокотехнологического производства в обеспечении ускоренного развития региона: судостроение на Дальнем Востоке России и реализация Закона о свободном порте Владивосток // Фундаментальные исследования. 2016. № 11. С. 166–170.
4. Гудев П. А. Арктика в исследованиях ИМЭМО (арктические соседи и экономический потенциал Арктики) // Мировая экономика и международные отношения. Том. 61. № 6. 2017. С. 103–113.
5. ДВФУ по заказу "Роснефти" проведет исследование нового месторождения в Арктике [Электронный ресурс]. URL: https://www.dvfu.ru/news/science_and_innovation/fefu_on_the_order_of_rosneft_will_conduct_a_study_of_the_new_field_in_the_arctic/ (дата обращения: 01.09.2019).
6. ДВФУ станет центром по освоению Арктики и ее Тихоокеанского побережья [Электронный ресурс]. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/dvfu-stanet-centrom-po-osvoeniu-arktiki-i-ee-tihookeanskogo-pobereza/?PAGEN_2=42 (дата обращения: 01.09.2019).
7. Журавель В. П. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики: итоги работы первых двух лет // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. № 1. С. 30–36.
8. Инвестиционная карта Дальневосточного федерального округа [Электронный ресурс]. URL: <https://investmap.erd.ru/app/tor/13057> (дата обращения: 01.09.2019).
9. Копышев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В. Государственный приоритет – устойчивое развитие российской Арктики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 13. № 3 (348). 2017. С. 416–430.
10. Кравчук А. А. Транспортно-логистические возможности российской Арктики: современное состояние и перспективы развития // Государственная служба. 2017. Т. 19. № 4 (108). С. 113–119.
11. Лексюткина Я. В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 40–48.
12. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. Ломоносова. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 281 с.
13. Минакир П. А., Краснопольский Б. Х. Междисциплинарные национальные и трансграничные исследования Тихоокеанской Арктики. Сборник статей "Ученые записки" под ред. П. А. Минакира. Хабаровск, 2017. С. 66–79.
14. Минакир П. А., Прокапало О. М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2. С. 146–155.
15. На Камчатке планируют построить морской терминал по перегрузке сжиженного газа [Электронный ресурс]. URL: <https://kam24.ru/news/main/20171024/53052.html#sthash.z7oDDQeF.Hx3tnVOy.dpuf> (дата обращения: 01.09.2019).
16. Находкинский завод минеральных удобрений [Электронный ресурс]. URL: <http://nzm.ru/project.html> (дата обращения: 01.09.2019).
17. Нефтехимические комплексы и предприятия в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.neftegaz-expo.ru/ru/ui/17139/> (дата обращения: 01.09.2019).
18. Новая Стратегия "Роснефть–2022" [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2017/ru/strategy.html#strategy.html#oil-refining-and-petroleum-chemistry> (дата обращения: 01.09.2019).
19. Объем перевозок по Северному морскому пути увеличился в 2018 году в 2 раза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/114988> (дата обращения: 01.09.2019).
20. Перегрузочный комплекс плавучих СПГ-терминалов НОВАТЭКа в Мурманской области будет достроен к 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/445215-spg-terminal-novateka-v-murmanskoy-oblasti-budet-dostroen-k-2023-g/> (дата обращения: 01.09.2019).
21. Портфель заказов СК "Звезда" во II полугодии 2018 года вырос на 42% [Электронный ресурс]. URL: <http://portnews.ru/news/270662/> (дата обращения: 01.09.2019).
22. Потеря в Находке: "Роснефть" отказалась от проекта ВХК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/05/14/5cd984b09a7947266d593ee4> (дата обращения: 01.09.2019).
23. Проект Амурского ГХК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sibur.ru/about/investments/16905/> (дата обращения: 01.09.2019).

24. Проекты трех этапов I очереди верфи "Звезда" одобрены Главгосэкспертизой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/proekty-trekh-etapov-i-ocheredi-verfi-zvezda-odobreny-glavgosekspertizoy/> (дата обращения: 01.09.2019).
25. Развитие Мурманского транспортного узла: планы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://transtec.transtec-neva.ru/files/File/2014/conference/doklad2.pdf> (дата обращения: 01.09.2019).
26. Роснефть и ChemChina подписали Соглашение об установлении этапов дальнейшей реализации проекта ВНХК [Электронный ресурс]. URL: <http://energybase.ru/news/companies/rosneft-i-chemchina-podpisali-soglasenie-ob-ustanovlenii-etapov-dalnejsiej-2016-09-05> (дата обращения: 01.09.2019).
27. России есть за что бороться в проекте ВНХК [Электронный ресурс]. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/20-06-2019/rossii-est-za-cto-borotsya-v-proekte-vnhk> (дата обращения: 01.09.2019).
28. Русский с китайцами братья на 20 млрд: развитием острова займутся инвесторы из КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3598873> (дата обращения: 01.09.2019).
29. Сечин: для улучшения показателей СК "Звезда" нужно больше заказов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infox.ru/news/277/economy/company/182992-secinda-ulucsenia-pokazatelej-sk-zvezda-nuzno-bolse-zakazov> (дата обращения: 01.09.2019).
30. Сибур готов покупать у Газпрома до 1,5 млн. т. СУГ в год для Амурского ГХК [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.reuters.com/article/russiaFeed/idRUKCN1RF1BD-ORUBS> (дата обращения: 01.09.2019).
31. СК "Звезда" станет главным центром судостроения [Электронный ресурс]. URL: http://dvkapital.ru/companies/primorskij-kraj_26.01.2016_7784_sk-zvezda-stanet-glavnym-tsentrrom-sudostroenija.html (дата обращения: 01.09.2019).
32. Создание судостроительного кластера на юге Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <http://dcss.ru/projects/sozдание-sudostroitel'nogo-klastera-na-yuge-primorskogo-kрая.html> (дата обращения: 01.09.2019).
33. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683).
34. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена указом Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208).
35. Строительство СПГ-терминала "Новатэка" на Камчатке начнется через год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/03/19/796814-spg-terminala-novateka> (дата обращения: 01.09.2019).
36. Строительство судостроительного комплекса "Звезда" [Электронный ресурс]. URL: <http://dcss.ru/projects/koc-oao-dvz-zvezda/> (дата обращения: 01.09.2019).
37. Ученые ДВФУ и "Роснефти" ведут уникальные исследования морского льда [Электронный ресурс]. URL: https://www.dvfu.ru/news/international_cooperation/scientists_fefu_and_rosneft_conduct_a_unique_study_of_sea_ice/ (дата обращения: 01.09.2019).
38. Ученые ДВФУ подключились к строительству сухого дока на верфи "Звезда" [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20181023/1531240007.html> (дата обращения: 01.09.2019).
39. Шантаж удался: "Роснефти" в Приморье пообещали дополнительные льготы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.au92.ru/msg/shantazh-udalsya-rosnefti-v-primore-roobeshchali-dopolnitelnye-lgoty.html> (дата обращения: 01.09.2019).
40. Швецов А. Н. Особые правовые режимы для привлечения частных инвестиций и современных технологий в развитие территорий // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 4. С. 49–63.
41. Штыров В. А. Арктика и Дальний Восток. Величие проектов. – М.: Книжный мир, 2018. 288 с.
42. Экспорт и импорт России по товарам и странам [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-stat.com/date-M201709-201901/RU/export/world> (дата обращения: 01.09.2019).
43. A Russian Pivot to Asia [Электронный ресурс]? URL: <https://nationalinterest.org/feature/russian-pivot-asia-34892> (дата обращения: 01.09.2019).
44. Brady A.-M. China as a Polar Great Power. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 273 p.
45. The NSR Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://arctic-lio.com/category/statistics/> (дата обращения: 01.09.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Amurskij gazopererabatyvayushhij zavod [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/amur-gpp/> (data obrashheniya: 01.09.2019).
2. Baklanov P. YA., Novikov A. N., Novikova M. S. Vliyanie transgranichnosti na territorial'nye struktury Primorskogo kraja Rossii i sopolredel'nykh territorij // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Estestv. nauki. 2018. T. 160, kn. 1. S. 162–177.
3. Grivanov R. I., Gu Fantsze. K voprosu o roli vysokotekhnologichnogo proizvodstva v obespechenii uskorenno go razvitiya regiona: sudostroenie na Dal'nem Vostoke Rossii i realizatsiya Zakona o svobodnom porte Vladivostok // Fundamental'nye issledovaniya. 2016. № 11. S. 166–170.
4. Gudev P. A. Arktika v issledovaniyakh IMEHMO (arkticheskie sosedi i ehkonomicheskiy potentsial Arktiki) // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. Tom. 61. № 6. 2017. S. 103–113.
5. DVFU po zakazu "Rosnefti" provedet issledovanie novogo mestorozhdeniya v Arktike [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.dvfu.ru/news/science_and_innovation/fevu_on_the_order_of_rosneft_will_conduct_a_study_of_the_new_field_in_the_arctic/ (data obrashheniya: 01.09.2019).
6. DVFU stanet tsentrom po osvoeniyu Arktiki i ee Tikhookeanskogo poberezh'ya [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.dvfu.ru/news/fevu-news/dvfu-stanet-centrom-po-osvoeniyu-arktiki-i-ee-tihookeanskogo-pobereza/?PAGEN_2=42 (data obrashheniya: 01.09.2019).
7. ZHuravel' V. P. Gosudarstvennaya komissiya po voprosam razvitiya Arktiki: itogi raboty pervykh dvukh let // Gosudarstvennyj audit. Pravo. Ehkonomika. 2017. № 1. S. 30–36.
8. Investitsionnaya karta Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://investmap.erdc.ru/app/tor/13057> (data obrashheniya: 01.09.2019).
9. Konyshov V. N., Sergunin A. A., Subbotin S. V. Gosudarstvennyj prioritet – ustojchivoe razvitiye rossijskoj Arktiki // Natsional'nye interesy: priorityety i bezopasnost'. T. 13. № 3 (348). 2017. S. 416–430.
10. Kravchuk A. A. Transportno-logisticheskie vozmozhnosti rossijskoj Arktiki: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Gosudarstvennaya sluzhba. 2017. T. 19. № 4 (108). S. 113–119.
11. Leksyutina YA. V. Kitaj i Indiya v Arktike: interesy, strategii i sotrudnichestvo s Rossiej // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 40–48.
12. Lukin Yu. F. Rossijskaya Arktika v izmenyayushhemsya mire: monografiya. Sev. (Arktich.) feder. un-t im. Lomonosova. – Arkhangel'sk: IPTS SAFU, 2013. 281 s.
13. Minakir P. A., Krasnopol'skij B. Kh. Mezhdistsiplinarnye natsional'nye i transgranichnye issledovaniya Tikhookeanskoj Arktiki. Sbornik statej "Uchenye zapiski" pod red. P. A. Minakira. Khabarovsk, 2017. S. 66–79.
14. Minakir P. A., Prokapalo O. M. Dal'nevostochnyj prioritet: investitsionno-institutsional'nye kombinatsii // ZHurnal Novoj ehkonomicheskoj assotsiatsii. 2018. № 2. S. 146–155.
15. Na Kamchatke planiruyut postroit' morskoy terminal po peregruzke szhizhenno go gaza [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://kam24.ru/news/main/20171024/53052.html#sthash.z7oDDQeF.Hx3tnVOy.dpuf> (data obrashheniya: 01.09.2019).
16. Nakhodkinskij zavod mineral'nykh udobrenij [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://nzm.ru/project.html> (data obrashheniya: 01.09.2019).
17. Neftekhimicheskie komplekсы i predpriyatiya v Rossii [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.neftegaz-expo.ru/ru/ui/17139/> (data obrashheniya: 01.09.2019).
18. Novaya Strategiya "Rosneft'–2022" [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2017/ru/strategy.html#strategy.html#oil-refining-and-petroleum-chemistry> (data obrashheniya: 01.09.2019).
19. Ob'em perevozok po Severnomu morskomu puti uvelichilsya v 2018 godu v 2 raza [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/114988> (data obrashheniya: 01.09.2019).
20. Peregruzochnyj kompleks plavuchikh SPG-terminalov NOVATEHKa v Murmanskoy oblasti budet dostroen k 2023 g. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/445215-spg-terminal-novateka-v-murmanskoy-oblasti-budet-dostroen-k-2023-g/> (data obrashheniya: 01.09.2019).
21. Portfel' zakazov SK "Zvezda" vo II polugodii 2018 goda vyros na 42% [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://portnews.ru/news/270662/> (data obrashheniya: 01.09.2019).
22. Poterya v Nakhodke: "Rosneft'" otkazalas' ot proekta VNKKh [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/05/14/5cd984b09a7947266d593ee4> (data obrashheniya: 01.09.2019).
23. Proekt Amurskogo GKKh [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.sibur.ru/about/investments/16905/> (data obrashheniya: 01.09.2019).

24. Proekty trekh etapov I ocheredi verfi "Zvezda" odobreny Glavgosehkspertizoj [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/proekty-trekh-etapov-i-ocheredi-verfi-zvezda-odobreny-glavgosehkspertizoy/> (data obrashheniya: 01.09.2019).
25. Razvitie Murmanskogo transportnogo uzla: plany i perspektivy [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://transtec.transtec-neva.ru/files/File/2014/conference/doklad2.pdf> (data obrashheniya: 01.09.2019).
26. Rosneft' i ChemChina podpisali Soglashenie ob ustanovlenii etapov dal'nejšej realizatsii proekta VNKhK [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://energybase.ru/news/companies/rosneft-i-chemchina-podpisali-soglasenie-ob-ustanovlenii-etapov-dalnejsej-2016-09-05> (data obrashheniya: 01.09.2019).
27. Rossii est' za chto borot'sya v proekte VNKhK [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/20-06-2019/rossii-est-za-chto-borotsya-v-proekte-vnhk> (data obrashheniya: 01.09.2019).
28. Russkij s kitajtsami brat'ya na 20 mlrd: razvitiem ostrova zajmutsya investory iz KNR [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3598873> (data obrashheniya: 01.09.2019).
29. Sechin: dlya uluchsheniya pokazatelej SK "Zvezda" nuzhno bol'she zakazov [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.infox.ru/news/277/economy/company/182992-secin-dla-ulucsenia-pokazatelej-sk-zvezda-nuzno-bolse-zakazov> (data obrashheniya: 01.09.2019).
30. Sibur gotov pokupat' u Gazproma do 1,5 mln. t. SUG v god dlya Amurskogo GKKhK [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://ru.reuters.com/article/russiaFeed/idRUKCN-1RF1BD-ORUBS> (data obrashheniya: 01.09.2019).
31. SK "Zvezda" stanet glavnym tsentrom sudostroeniya [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://dvcapital.ru/companies/primorskij-kraj_26.01.2016_7784_sk-zvezda-stanet-glavnym-tsentrom-sudostroeniya.html (data obrashheniya: 01.09.2019).
32. Sozdanie sudostroitel'nogo klastera na yuge Primorskogo kraja [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://dcss.ru/projects/sozdanie-sudostroitelnogo-klastera-na-yuge-primorskogo-kraja.html> (data obrashheniya: 01.09.2019).
33. Strategiya natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii (utverzhdena ukazom Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 31.12.2015 g. № 683).
34. Strategiya ehkonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federatsii na period do 2030 goda (utverzhdena ukazom Prezidenta RF ot 13.05.2017 g. № 208).
35. Stroitel'stvo SPG-terminala "Novatehka" na Kamchatke nachnetsya cherez god [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/03/19/796814-spg-terminala-novatehka> (data obrashheniya: 01.09.2019).
36. Stroitel'stvo sudostroitel'nogo kompleksa "Zvezda" [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://dcss.ru/projects/koc-oao-dvz-zvezda/> (data obrashheniya: 01.09.2019).
37. Uchenye DVFU i "Rosnefti" vedut unikal'nye issledovaniya morskogo l'da [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.dvfu.ru/news/international_cooperation/scientists_fefu_and_rosneft_conduct_a_unique_study_of_sea_ice/ (data obrashheniya: 01.09.2019).
38. Uchenye DVFU podklyuchilis' k stroitel'stvu sukhogo doka na verfi "Zvezda" [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20181023/1531240007.html> (data obrashheniya: 01.09.2019).
39. SHantazh udalsya: "Rosnefti" v Primor'e poobeshhali dopolnitel'nye l'goty [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.au92.ru/msg/shantazh-udalsya-rosnefti-v-primore-poobeshchali-dopolnitelnye-igoty.html> (data obrashheniya: 01.09.2019).
40. SHvetsov A. N. Osobyje pravovye rezhimy dlya privilecheniya chastnykh investitsij i sovremennykh tekhnologij v razvitie territorij//Problemnij analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2015. № 4. S. 49–63.
41. SHtyrov V. A. Arktika i Dal'nij Vostok. Velichie proektov. – M.: Knizhnyj mir, 2018. 288 s.
42. EHksport i import Rossii po tovaram i stranam [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://ru-stat.com/date-M201709-201901/RU/export/world> (data obrashheniya: 01.09.2019).
43. A Russian Pivot to Asia [Ehlektronnyj resurs]? URL: <https://nationalinterest.org/feature/russian-pivot-asia-34892> (data obrashheniya: 01.09.2019).
44. Brady A.-M. China as a Polar Great Power. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 273 p.
45. The NSR Statistics [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://arctic-lia.com/category/statistics/> (data obrashheniya: 01.09.2019).

Севастьянов С. В., Кравчук А. А. Ускоренное развитие Арктики и Дальнего Востока: синергия проектов.

В статье исследуется потенциал возможного соразвития двух стратегически важных макрорегионов России – Арктики и Дальнего Востока. Авторами решены следующие исследовательские задачи: определены возможные пути сопряжения проектов добывающей и обрабатывающей промышленности двух макрорегионов; оценены возможности развития там инфраструктурных проектов, связанных с освоением Северного морского пути; раскрыты перспективы развития судостроительной отрасли Дальнего Востока за счёт реализации заказов для текущих и будущих проектов в Арктике; изучены перспективы научно-технического сотрудничества ведущих вузов и предприятий Дальнего Востока и АТР в сфере реализации арктических проектов.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, Арктика, Дальний Восток, российский поворот на Восток, ускоренное развитие*

Sevastyanov S.V, Kravchuk A. A. Accelerated development of the Arctic and the Far East: synergy of projects.

The article explores the potential for the possible co-development of two strategically important macro-regions of Russia—the Arctic and the Far East. The authors solved the following research issues: to determine the possible ways of linking the extracting and processing industries projects of the two macro-regions; to assess the possibilities of developing there infrastructure projects related to the increasing Northern Sea Route utilization; to explore the prospects for the Far Eastern shipbuilding industry development facilitated by the orders for the future and ongoing projects in the Arctic; to study the prospects of scientific and technical cooperation in joint Arctic researches between leading universities and companies in the Asia-Pacific and the Far East.

Key words: *Asia-Pacific region, Arctic, Far East, Russian pivot to the East, accelerated development*

Для цитирования: Севастьянов С. В., Кравчук А. А. Ускоренное развитие Арктики и Дальнего Востока: синергия проектов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 7–20. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/7-20

For citation: Accelerated development of the Arctic and the Far East: synergy of projects // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 7–20. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/7-20

УДК 339.94 (332.13)

Соколова Е. Б., Журавель Ю. Г.

Развитие высокотехнологических судостроительных кластеров на Дальнем Востоке для производства арктических судов

Транспортное развитие страны формируется национальной экономикой и характеризуется внешнеэкономической и политической деятельностью отраслевых промышленных комплексов, определяется функционированием транспорта и внедрением инноваций.

Затянувшийся период высоких цен на нефть повысил интерес к добыче углеводородов новыми способами и методами, в частности к добыче сланцевого газа и разработкам технологий по глубоководной добыче газогидратов [3, с. 61], а также привёл к расширению территорий нефтегазодобычи.

По оценкам экспертов, на территории северных морей Арктики, таких как Баренцево, Печорское, Карское и Бофорта залегает не менее 80% всех запасов нефти и газа, но особые климатические условия сильно усложняют и удорожают их добычу. В экономической зоне Российской Федерации находится до 40% запасов нефти и 70% запасов газа. Возможность исчезновения невозпроизводимых природных ресурсов побуждает научное сообщество стать главным ключом к переходу на несырьевой путь экономического роста страны за счет коммерциализации научных знаний.

Для обеспечения работы нефтегазовой промышленности на территории шельфа Российской Федерации, а в частности в Восточном секторе Арктики и на территории замерзающих Дальневосточных морей необходимо использование судов современной инновационной постройки. Однако невозможно представить развитие новых морских технологий без развития судостроительной промышленности на предприятиях, заводах и верфях, часть из которых только сейчас завершает свой цикл восстановления и реновации после постсоветского зстоя и развала.

К основным логистическим вызовам следует отнести, прежде всего, вопросы технического характера, связанные с арктической средой, её уязвимой экосистемой, сложной метеорологической и ледовой обстановкой [10, с. 29]. Анализ международного рынка эксплуатантов морского транспорта показывает, что для работы в Арктике и на шельфе требуется постройка судов и вспомогательных технических средств следующего класса: атомных ледоколов; вспомогательного флота (судов-снабженцев и аварийно-спасательных судов); танкеров арктического класса Arc 7 для перевозки нефтепродуктов и сжиженного газа; контейнеровозов и лихтеровозов; научно-исследовательских судов; плавучих буровых платформ и атомных электростанций.

Создание и функционирование кластеров – одно из наиболее эффективных и перспективных направлений развития региональной экономики. В мире насчитывается более 2 000 кластерных образований, сосредоточенных, главным образом, в сферах агропромышленного комплекса, информацион-

© Соколова Е. Б., Журавель Ю. Г., 2019

СОКОЛОВА Екатерина Борисовна, канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник лаборатории комплексных исследований окружающей среды и минеральных ресурсов Тихоокеанского океанологического института имени В. И. Ильичева ДВО РАН; заместитель проректора по международной деятельности Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток). **E-mail:** sokolova@msun.ru

ЖУРАВЕЛЬ Юрий Григорьевич, проректор по международной деятельности Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток). **E-mail:** zhuravel@msun.ru

но-телекоммуникационной индустрии, автомобилестроения, био- и нанотехнологиях [12, с. 411].

Кластерное развитие на Дальнем Востоке реализуется путём использования собственного научно-технического потенциала с привлечением иностранных инвестиций и современных ноу-хау. Повышение региональной конкурентоспособности на отечественном и зарубежных рынках возможно достичь через внедрение и коммерциализацию интеллектуальной собственности либо через покупку лицензий и патентов на производство.

"Дальневосточный центр судостроения и судоремонта", "Амурский судостроительный завод" в Комсомольске-на-Амуре и "Восточная верфь" во Владивостоке – точки роста судостроительной промышленности, активизация деятельности которых представляет стратегически важную задачу, закрепленную в госпрограмме развития судостроения до 2030 г. [8, с. 21].

В настоящее время на иностранных верфях построено более 90% российского транспортного флота, а на закупку пассажирских и грузовых судов, платформ и других плавучих средств уходит до 3,6 млрд долл. в год. Потребности отечественной экономики в новых морских судах продолжает ежегодно расти, так, в 2014 г. она составляла около 400 единиц техники, а с развитием новых нефтегазовых производств к 2016 г. стала составлять уже более 600 единиц.

В частности, проект "Ямал-СПГ" компании ПАО "Новатэк" при выходе на полную мощность обеспечит 16,5 млн тонн сжиженного природного газа (СПГ) в год, "Арктик СПГ-2" – 19,8 млн тонн в год, а в случае реализации проектов "Арктик СПГ-1" и "Арктик СПГ-3" к этим объемам добавится еще 39,6 млн тонн в год. Таким образом, перспективный объем производства СПГ в российской Арктике составит свыше 75 млн тонн в год [14, с. 24].

В период с 2012 по 2013 гг. ПАО "НК "Роснефть" – крупнейший нефтепользователь в России – заключило соглашения о стратегическом сотрудничестве, проведении совместных геологических работ и освоении углеводородных месторождений арктического шельфа с ExxonMobil, Statoil и Eni. Результатом поисков стало открытие месторождения Победа.

В 2014 г. North Atlantic Drilling подписала с компанией долгосрочное соглашение об использовании морских буровых установок. В том же году с компаниями Seadrill Limited и North Atlantic Drilling Limited было заключено рамочное соглашение об обмене активами и инвестициями [10, с. 26].

Центрально-Ольгинское месторождение на Таймыре в море Лаптевых было открыто в 2017 г., и, по оценке геологов, её запасы насчитывают 298 млн тонн высококачественной нефти.

Инвестиции ПАО "НК "Роснефть" в разработку арктического шельфа с 2012 г. составили 100 млрд руб. Ожидается, что с 2017 по 2021 гг. объемы инвестиций вырастут до 250 млрд руб. До 2021 г. компания собирается пробурить четыре поисковые скважины на шельфе моря Лаптевых, а также восемь скважин в Карском и Баренцевом морях [5].

На Дальнем Востоке в рамках существующего проекта "Сахалин-2" планируется запуск третьей очереди производства, которое обеспечит добычу 16 млн тонн СПГ в год. Создание завода "Дальневосточный СПГ" и реализация проекта ПАО "Газпром" – "Владивосток СПГ" раскроет потенциал регионального производства и суммарно доведет его до объема 23 млн тонн в год. Крупные перспективные месторождения Нептун и Тритон, открытые "Газпром нефтью" на шельфе Сахалина, планируются к запуску в 2025–2030 гг. с объемом добычи – до 8 млн тонн в год.

Потребности ПАО "Газпром" в новых судах в расчете на 20 лет при суммарном объеме инвестирования более 100 млрд. долл. США составляют ориентировочно 350 единиц разных типов судов и морских технических комплексов [6, с. 30].

В Дальневосточном федеральном округе располагается АО "Дальневосточный центр судостроения и судоремонта", которое входит в состав Обществ Группы ПАО "НК "Роснефть" и включает основные судоремонтные и судостроительные производственные мощности регионов. В Приморском крае базовой и лидирующей верфью считается судостроительная верфь "Звезда", полное строительство которой намечено на 2024 г.

План загрузки судостроительного комплекса укомплектован до 2035 г. и включает в себя более 100 единиц крупнотоннажных судов и морской техники следующих классов: суда водоизмещением до 350 тыс. тонн, элементы морских платформ, суда ледового класса, специальные суда и другие виды морской техники, в том числе техника, которая ранее в России не выпускалась в связи с отсутствием необходимых спусковых и гидротехнических сооружений и недостаточного опыта строительства таких объектов [4].

Стратегия развития судостроительной промышленности может реализовываться по двум основным или по близким направлениям, включая создание инновационных судов или создание новых производственных мощностей в судостроении с учетом специализации судовой верфей, осуществляющих серийную постройку в соответствии с рыночным спросом [6, с. 33].

Производственный цикл строительства отечественных кораблей и морских судов водоизмещением до 60 тыс. тонн от момента запуска металла в обработку до швартовых и ходовых испытаний готового судна длится от 9 месяцев до 2-3 лет [8, с. 23], а с учетом времени проектирования новых судов может достигать пятилетий.

Однако потребности стивидоров в серийном производстве весьма незначительны, и зачастую выпуск "линейки" судов одного и того же типа насчитывает от 3 до 5 единиц техники для одной компании. Для инженерно-конструкторских бюро и судостроительных верфей такая частая смена схем строительства высоко затратное предприятие. Решением данной проблемы может стать использование международного инновационного опыта, которое способно значительно снизить экономическую нагрузку, связанную с перепроизводством.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе существует ряд стран, активно участвующих в развитии инновационного серийного судостроения. К ним можно отнести Японию, Республику Корея, Китай, Сингапур, Тайвань. Стоит также заметить, что для судостроительных верфей данных государств характерна модульная технология сборки судов, реализуемая через создание сети высокотехнологических холдингов, которые создают и поставляют отдельные сборочные конструкции.

Подобный подход в производстве отчасти можно сравнить с конструктором LEGO и сказать, что это прообраз всего будущего промышленного производства, ведь уже давно никого не удивляет создание модульных зданий, промышленных и торговых объектов. Современный автопром России базируется на сборочном производстве в четырёх быстро развивающихся автомобильных кластерах: Санкт-Петербургском, Калужском, Самарском, Калининградском. Ядро каждого из них образовано компаниями Volkswagen, Toyota, Hyundai, Volvo и другими [13, с. 84].

Учитывая масштабность территории Российской Федерации, большое количество морских и речных портов, а также наличие крупных предприятий тяжелой промышленности в центральных регионах страны вполне целесообразно и реалистично объединить комплексные предприятия морских регионов для мелкосерийной модульной сборки судов. Подобная модернизация может сократить длительность цикла постройки судов минимум в два раза.

Формирование на специализированных предприятиях малых городов производств комплекующих для строительства судов является одним из шагов масштабного инновационного процесса в области промышленности Приморского края и Дальнего Востока. Возможность применения на верфях современных технологий крупнооблочного строительства ограничивается [8, с. 23] недостаточным числом кранов грузоподъемностью не менее 1 200 тонн.

Ранее российские заказчики строили крупнотоннажные суда, в основном, на южнокорейских верфях. Но в течение последних 3-4 лет политический вектор в отношении выбора места строительства изменился. Так в 2018 г. ПАО "Совкомфлот" и концерн Shell заключили соглашение на эксплуатацию ледовых танкеров нового поколения Aframax, работающих на газомоторном топливе. Локализация данного проектного производства уже определена на судостроительном комплексе "Звезда", как и заказ ФГУП "Атомфлота" на строительство четырех "зеленых" ледоколов мощностью 40 МВт и использующих СПГ в качестве топлива.

Вопрос в том, насколько предложенная альтернатива строительства конкурентоспособна в сравнении с китайскими и южнокорейскими судостроителями. Если говорить о российских вертикально интегрированных нефтяных и газовых компаниях, то они могут быть заинтересованы в строительстве крупнотоннажных танкеров и газозовов на территории России. Однако достаточно ли такого числа заказчиков для выхода производства на стабильную мощность без ущерба потери заказов для предприятия спустя 15 лет, остается большим вопросом.

В 2018 г. на мировом рынке суммарно было заказано 1 467 судов, что превышает показатель предыдущего года на 2%. Если рассматривать распределение заказов среди лидеров судостроения, то на КНР приходится 27%, Республику Корея – 17%, Японию – 22% при общей доле заказов от мирового в 66%. Большинство строящихся в Республике Корея судов сходит с заводов, принадлежащих трем крупнейшим многопрофильным южнокорейским концернам – Hyundai, Daewoo, Samsung, а также старейшей судостроительной компании Hanjin.

Конкуренцию дальневосточным судостроительным и судоремонтным предприятиям составляют профильные предприятия КНР и Республики Корея, где также действуют программы поддержки развития включая такие формы:

- участие в управлении реструктуризацией и модернизацией флота (Республика Корея);
- регулирование цены на сталь и судовое оборудование (КНР);
- государственные гарантии под кредиты судостроителей (КНР, Республика Корея);
- снижение или отмена таможенных пошлин на ввоз судового оборудования (КНР);
- льготное кредитование до 80% стоимости судна на 10–13 лет, включая льготный период равный 1/3 времени погашения ссуды в иностранной валюте (Республика Корея);
- отменены таможенные пошлины на импортируемое судовое оборудование (КНР) [9, с. 6].

В сравнении с данными странами имеется и общая тенденция на: субсидирование строительства, лизинговые договоры [4], предоставление системы налоговых послаблений, кредитование, обеспечение финансовой помощи при модернизации предприятий, размещение государственных заказов, списание долгов.

В последние годы появляются положительные примеры международной кооперации. В 2018 г. в рамках реализации концепции "9 мостов" российско-корейского торгово-экономического сотрудничества АО "Концерн "Моринсис-Агат" и Корейский научно-исследовательский институт морского оборудования (KOMERI) подписали соглашение о научно-техническом сотрудничестве и на базе АО "ЦНИИ Курс" создали Российско-Корейский центр оборудования для морской техники.

Их основными направлениями деятельности являются совместные исследования и разработки, развитие научно-исследовательских и технологических проектов, содействие и сопровождение корейских компаний на российский рынок в целях обеспечения локализованного производства на территории Российской Федерации, организация и проведение семинаров, симпозиумов, конференций, выставок и других мероприятий для обмена научно-техническими достижениями и развития сотрудничества корейских и российских отраслевых предприятий [4].

Несколько лет назад управление "Дальневосточный центр судостроения и судоремонта" было закреплено за "Объединенной судостроительной корпорацией", и, имея негативный опыт работы с предприятием, она не считала его быстро растущим и перспективным. После передачи актива в управление ПАО "НК "Роснефть" за предприятием сохранились судебные иски, а политическое доминирование компании обеспечило себя дорогостоящими, перспективными заказами на несколько десятков лет вперед и тем самым понизило конкурентоспособность других судостроительных предприятий страны.

В 2018 г. в ходе проверки Счетной палаты территории опережающего развития "Большой Камень" установлено, что в условиях развития

Дальневосточного судостроительного кластера используются индикаторы "план – факт", то есть заявлены определенные значения на начало работы государственной программы, которые сопоставляются с фактическим выполнением под завершение государственной программы. При этом такие важнейшие показатели, как влияние на валовой региональный продукт, влияние отраслей друг на друга внутри кластера, эффективность работы отраслей внутри кластера не отмечены как индикаторы выполнения [2, с. 39].

По данным Центра развития Национального исследовательского университета Высшей школы экономики сейчас практически все ключевые игроки судостроительного рынка со стороны отечественных производителей реализованы в качестве горизонтальных и/или вертикальных холдинговых структур. По прогнозам, тенденция дальнейшего укрупнения и усиления позиций этих компаний на внутреннем рынке только увеличится, что приведет к нарушению конкуренции и рыночного баланса и к снижению эффективности работы российских судостроительных компаний.

В советский период дальневосточная судостроительная отрасль функционировала в условиях государственного протекционизма. В период с 1970 по 1980 гг. предпринимались попытки внедрить схемы межведомственной специализации и кооперации предприятий судостроения и судоремонта, координации научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических работ [9, с. 2]. Однако они так и не были реализованы вследствие преобладания ведомственных интересов.

Учитывая предыдущий опыт, закономерно предположить, что если государство воздержится от протекционизма в пользу той или иной верфи, то в отрасли будут запущены механизмы стимулирования верфей к повышению качества строительства судов, оптимальной стоимости реализации проектов и выполнению их в срок [14, с. 26]. Однако, несмотря на коммерческие предложения Северной верфи и Балтийского завода, итоги V-ого Восточного экономического форума сообщают, что строительство трех атомных судов "Лидер" будет осуществляться на мощностях судостроительного комплекса "Звезда".

По данным Энергетического центра Московской школы управления Сколково свыше 90% рынка технологий крупнотоннажного сжижения приходится на две американские компании (Air Products и ConocoPhillips), остальные 10% удерживают Shell и Linde [14, с. 24], долгосрочными партнерами которых являются ПАО "Новатэк" и ПАО "Газпром".

Будущее развитие России, ее новая модель должны неизбежно совмещать сырьевую и инновационную составляющие экономического роста, которые дополняют друг друга. Сырьевая модель обеспечивает инновационную ресурсами, необходимыми для технологического развития. Инновационная модель постепенно замещает сырьевую по мере исчерпания природно-энергетического фактора роста и под воздействием инновационного фактора [13, с. 82].

Объектами инновационного подхода в судостроении служат такие суда, как научно-исследовательское судно "Академик Трешников", построенное в 2011 г. на предприятии АО "Адмиралтейские верфи", и плавучая атомная электростанция "Академик Ломоносов", обеспечивающая работу предприятий и технологического комплекса в районе города Певек Чукотского автономного округа.

Ядром компактного и эффективного научно-технологического комплекса на Дальнем Востоке должен стать "иннополис" на о. Русский, созданный на базе Дальневосточного федерального университета [7]. В состав планируется включить около 40 научных и образовательных организаций и крупных предприятий, хотя убедить бизнес включиться в процесс поддержки инновационных компаний весьма сложно, т.к. обычно крупные промышленные кластеры либо используют разработки своих западных научных подразделений, либо приобретают уже готовые технологии.

Перечень предложений по внедрению на территорию острова новых инновационных структурных единиц стабильно растет, а вот методика по реализации данного кластера, внутреннее наполнение и межсетевая коммуникация так и остаются до конца не выясненной.

Негативное воздействие на внедрение инновационных технологий в области судостроения на Дальнем Востоке оказывают:

- несоответствие отечественной нормативной базы последним достижениям научно-технического прогресса в строительстве;
- нехватка или отсутствие технических регламентов для применения инновационных материалов;
- недостаточное финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок [11, с. 5];
- обособленность инновационных организаций от промышленных предприятий;
- слабый уровень развития региональной инновационной системы (взаимодействие государственных, общественных, образовательных институтов и бизнес-сообществ);
- недостаточное обеспечение реализуемых судостроительных инновационных проектов квалифицированными кадрами.

Последний фактор лежит в области социальной политики, поскольку крупномасштабная реализация строительства морской техники невозможна без обеспечения производственными кадрами судостроительных предприятий, а близость промышленных предприятий и ведущих университетов, научно-исследовательских институтов крайне важна.

На территории Дальнего Востока стабильно наблюдается отток населения, что приводит к дефициту профессиональных кадров. Кадровое агентство Kelly Services CIS сообщает, что труднее всего в Приморском крае найти инженеров-проектировщиков и начальников участков с опытом работы на крупных объектах, поэтому их приходится завозить из других регионов.

По данным информационного агентства Regnum на помощь производству с 2015 г. на Дальний Восток переехали по программе трудовой мобильности жить и работать 1 380 высококвалифицированных специалистов.

Согласно прогнозу аналитического центра Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке одними из востребованных профессий в области машиностроения считаются: инженер-конструктор, судостроитель-судоремонтник, электрогазосварщик, слесарь-механик, трубопроводчик судовой, а в области транспорта и логистики: инженер-логист, докер-механизатор, экспедитор и др.

Рост занятости в вышеуказанных отраслях экономики Дальневосточного федерального округа до 2025 г. составит от 5 до 10%, в сфере рыболовства и развития аквакультуры – 35–40%, в области добычи и переработки нефти и газа понадобится на 70–75% специалистов больше.

В итоге в основу разработки стратегии инновационного развития Дальнего Востока должны лечь результаты диагностики состояния инновационной деятельности, главной целью реализации которой, наряду с региональным технологическим развитием, является социально-экономическое развитие территории [8, с. 25].

Для построения высокотехнологичного кластера на Дальнем Востоке необходимо создать региональный фонд для субсидирования внедрения научных разработок, застроить о. Русский технопарками и научно-инжиниринговыми центрами, включить научно-технологические организации ("живые лаборатории") в процесс формирования городской среды, создать детский образовательный центр по типу сочинского "Сириуса", ввести краевые научные организации в центры НТИ и так далее [7].

Важность осмысленного и контролируемого подхода к созданию инновационных кластеров заключается в том, что базовая информация обязательно должна анализироваться и трансформироваться в случае обнаружения завышенных ожиданий. Аналогичную систему мониторинга используют в зарубежных странах для оценки влияния государственных программ на развитие судостроения, а отсутствие системы контроля повышает риски, связанные с необъективностью применяемых технологических решений при реализации плана мероприятий и замедляет развитие судостроения на Дальнем Востоке.

Следует помнить, что в погоне за инновационностью предприятия порой задают высокие темпы роста производства новейшей продукции и берут банковские кредиты, а в случае неоправданных инвестиционных вложений могут попасть в долговую "яму", тем самым теряя свой авторитет. Поэтому при определении точек инновационного роста следует избегать технологического романтизма, при котором ставки делаются на научно-технические достиже-

ния, конкурентоспособность которых не получила подтверждения на мировом рынке [13, с. 84].

В заключение следует отметить, что административное управление "Дальневосточного судостроительного центра судостроения и судоремонта" не должно концентрироваться лишь на минимизации издержек производства, а оно должно предоставлять заказчикам удобные и качественные услуги: сократить время простоя судов, следить за качеством работ, создать гибкие финансовые условия платежей и расчетов, обеспечить гарантийное и постгарантийное обслуживание [1, с. 8].

Правильное построение системной маркетинговой стратегии центра, позиционирование его как головного исполнителя крупных контрактов не только на территории России, но и за рубежом повысит интерес со стороны стейкхолдеров, а проведение последовательной кадровой политики, обеспечивающей подготовку, переподготовку специалистов в соответствии с производственными планами даст стабильный рост предприятию и расширит производственную линейку продуктов.

Увеличение рыночного спроса на суда различного типа укрепит международное сотрудничество среди стран-участниц Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как Япония, КНР, Республика Корея, Индия, Филиппины, Сингапур, Социалистическая Республика Вьетнам и др. С технологической точки зрения, оптимальными партнерами для "Дальневосточного судостроительного центра судостроения и судоремонта" могут стать южнокорейские компании, а китайские предприятия могут наладить поставку оборудования или выкупить часть российских промышленных технологий по созданию высокопрочной коррозионностойкой стали, оболочек двойной кривизны из многослойных композитных материалов, включающих слои из высокоэластичных полимеров, либо изобретения по удалению углекислого газа воздухонезависимым судовым энергетическим установкам подводных аппаратов, реверсивным турбинным установкам судового типа и др.

Сейчас судостроительная отрасль находится в векторе "зеленых" технологий, и производство судов, использующих альтернативные источники энергии, таких как газомоторное топливо и солнечная энергия, будет только расти.

По данным экспертов, достижения современного научно-технического прогресса в области судостроения будут находиться в трех плоскостях технологий, таких как: 3-D печать и композитные материалы; роботизация производства с использованием искусственного интеллекта; технологии двигателестроения по созданию интегрированной электрической тяги в газовых турбинах или дизелях корабля.

Обмен уникальными технологиями и разработками, опытом и знаниями сформирует новую отрасль, требующую взаимных организационных изменений в сфере информационных, консалтинговых, социальных и маркетинговых исследований.

Следующим шагом может стать внедрение в производство "Дальневосточного судостроительного центра судостроения и судоремонта" новых научных достижений путем работы с инновационными компаниями малого и среднего бизнеса, национальными и международными научно-исследовательскими центрами. Облегчить совместную работу с ними смогут такие преференции, как: понижение рисков при внедрении передовых технологий в производство, снижение налогообложения на новые товары и услуги, государственная поддержка экспорта результатов интеллектуальной собственности, стимулирование венчурных фондов для поддержки малых предприятий при проведении научных и инженерных изысканий, и контроль за выполнением поэтапных показателей.

Литература

1. Ахунжанова И. Н., Томашевская Ю. Н., Дрозд О. В. Управление региональной экономикой: мировые тенденции и перспективы развития кластеров судостроения в России // Вестник ЮУрГУ. Серия "Экономика и менеджмент". 2015. Т. 9 № 1. С. 7–17.
2. Бембеев М. Н. Анализ проблем развития судостроительного кластера Дальнего Востока России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-1. С. 37–42.
3. Касаткин С. А., Обжиров А. И. Флюидоконтролирующее значение разломной зоны Носаппу и условия формирования потоков метана и залежей газогидратов (Охотоморский регион) // Тихоокеанская геология. 2018. Т. 37 № 1. С. 61–66.
4. Ключевые инвестиционные проекты судостроительной промышленности. Меры господдержки [Электронный ресурс]. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/sudostroenie/482244-klyuchevye-investitsionnye-proekty-sudostroitelnoy-promyshlennosti-mery-gospodderzhki/> (дата обращения: 23.08.2019).
5. Нефтегазовый клондайк Арктики [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/545/ (дата обращения: 14.02.2019).
6. Огай С. А., Войлошников М. В. Альтернативы при реализации стратегии развития судостроительной промышленности // Транспортное дело России. 2016. № 1. С. 30–33.
7. Органы власти Приморья и кластер [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/mesto-li-innopolisu-na-dalnem-vostoke/> (дата обращения: 13.07.2018).
8. Осипов В. А., Гриванов Р. И., Шокурова Ю. С. Человеческий капитал как фактор стратегии кластерного развития инновационной региональной экономики Дальнего Востока // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 2 (41). С. 18–27.
9. Осипов В. А., Жилина Л. Н. Проблемы международной конкуренции российского судостроительного и судоремонтного производства на Дальнем Востоке // Интернет-журнал Науковедение. 2012. № 4 (13). Идентификационный номер статьи в журнале: 105ЭВН412. С. 1–7.
10. Савинов Ю. А., Ганжинова С. А. Перспективы российских шельфовых проектов в Арктике // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 4. С. 25–32.
11. Ступникова Е. А., Попова К. О., Ледней А. Ю. Инновационный путь развития транспортного строительства в России – объективная необходимость // Транспортное дело России. 2016. № 1. С. 3–6.
12. Третьяк Г. Е. Кластеры Дальневосточного Федерального Университета - точки роста ТОП (территория опережающего развития) "о. Русский" // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 411.
13. Фальцман В. К. Россия: экономический рост в новой геополитической обстановке (реальность и надежды) // Современная Европа. 2015. № 1 (61). С. 79–92.
14. Чернов В. В., Мальшева Н. Ю., Вильде Т., Бабкова М., Яковлев С., Князева Н. Аналитический отчет "Развитие гражданского судостроения в России – 2017 год". СПб: Медиа-группа "ПортНьюс". 32 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akhunzhanova I. N., Tomashevskaya Yu. N., Drozd O. V. Upravlenie regional'noj ehkonomikoj: mirovye tendentsii i perspektivy razvitiya klasterov sudostroeniya v Rossii // Vestnik YuUrGU. Seriya "EHkonomika i menedzhment". 2015. T. 9 № 1. S. 7–17.
2. Bembeev M. N. Analiz problem razvitiya sudostroitel'nogo klastera Dal'nego Vostoka Rossii // EHkonomika i biznes: teoriya i praktika. 2019. № 4-1. S. 37–42.
3. Kasatkin S. A., Obzhirov A. I. Flyuidokontroliruyushhee zhanenie razlomnoj zony Nosappu i usloviya formirovaniya potokov metana i zalezhej gazogidratov (Okhotomorskij region) // Tikhookeanskaya geologiya. 2018. T. 37 № 1. S. 61–66.
4. Klyuchevye investitsionnye proekty sudostroitel'noj promyshlennosti. Mery gospodderzhki [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/sudostroenie/482244-klyuchevye-investitsionnye-proekty-sudostroitelnoy-promyshlennosti-mery-gospodderzhki/> (data obrashheniya: 23.08.2019).
5. Neftegazovyy klondajk Arktiki [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/545/ (data obrashheniya: 14.02.2019).
6. Ogaj S. A., Vojloshnikov M. V. Al'ternativy pri realizatsii strategii razvitiya sudostroitel'noj promyshlennosti // Transportnoe delo Rossii. 2016. № 1. S. 30–33.
7. Organy vlasti Primor'ya i klaster [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/mesto-li-innopolisu-na-dalnem-vostoke/> (data obrashheniya: 13.07.2018).
8. Osipov V. A., Grivanov R. I., SHokurova Yu. S. CHelovecheskij kapital kak faktor strategii klasterного razvitiya innovatsionnoj regional'noj ehkonomiki Dal'nego Vosto-

ка // Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa. 2018. T. 10. № 2 (41). S. 18–27.

9. Osipov V. A., ZHilina L. N. Problemy mezhdunarodnoj konkurentsii rossijskogo sudostroitel'nogo i sudoremontnogo proizvodstva na Dal'nem Vostoke // Internet-zhurnal Naukovedenie. 2012. № 4 (13). Identifikatsionnyj nomer stat'i v zhurnale: 105EHVN412. S. 1–7.

10. Savinov Yu. A., Ganzhinova S. A. Perspektivy rossijskikh shel'fovykh proektov v Arktike // Rossijskij vneshneehkonomicheskij vestnik. 2017. № 4. S. 25–32.

11. Stupnikova E. A., Popova K. O., Lednej A. Yu. Innovatsionnyj put' razvitiya transportnogo stroitel'stva v Rossii – ob"ektivnaya neobkhodimost' // Transportnoe delo Rossii. 2016. № 1. S. 3–6.

12. Tret'yak G. E. Klasteriy Dal'nevostochnogo Federal'nogo Universiteta - tochki rosta TOR (territoriya operezhayushhego razvitiya) "o. Russkij" // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2-2. S. 411.

13. Fal'tsman V. K. Rossiya: ehkonomicheskij rost v novoj geopoliticheskoj obstanovke (real'nost' i nadezhdy) // Sovremennaya Evropa. 2015. № 1 (61). S. 79–92.

14. SChernov V. V., Malysheva N. Yu., Vil'de T., Babkova M., YAKovlev S., Knyazeva N. Analiticheskij otchet "Razvitie grazhdanskogo sudostroeniya v Rossii – 2017 god". SPb: Media-gruppa "PortN'yus". 32 s.

Соколова Е. Б., Журавель Ю. Г. Развитие высокотехнологических судостроительных кластеров на Дальнем Востоке для производства арктических судов.

Добыча нефти и газа в Восточном секторе Арктики перспективна, но требует проведения дополнительных инженерно-геологических исследований, обеспечения ледокольным и вспомогательным флотом буровых платформ. Стоимость изготовления судов на судовой верфи "Звезда" (включая дорогостоящую квалифицированную рабочую силу) значительно выше, чем на западе России или на верфях Юго-Восточной Азии. Насколько целесообразно и конкурентоспособно занимать "классическую" нишу по строительству судов на Дальнем Востоке? По мнению авторов статьи, с открытием международного морского арктического инженерингового центра на Дальнем Востоке связано будущее судостроения в регионе.

Ключевые слова: судостроение, инновационные технологии, Арктика, нефтяная добыча, Дальний Восток

Sokolova E. B., Zhuravel' Yu. G. Development of high-tech shipbuilding clusters in the Far East for the production of Arctic vessels.

Oil and gas production in the Eastern sector of the Arctic is promising, but it requires additional engineering and geological investigations, and providing icebreaking and auxiliary fleet of drilling platforms. The cost of manufacturing vessels at the shipyard "Zvezda" (including expensive skilled labor) is much higher than in western part of the Russia or in the shipyards of Southeast Asia. How appropriate and competitive is it to occupy the "classic" niche for building ships in the Russian Far East? According to the authors of the article, the future of shipbuilding in the region is associated with the creation of an international marine Arctic engineering center in the Far East.

Key words: student, education system, socialization, adaptation, disadaptation, higher education

Для цитирования: Соколова Е. Б., Журавель Ю. Г. Развитие высокотехнологических судостроительных кластеров на Дальнем Востоке для производства арктических судов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 21–29. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/21-29

For citation: Sokolova E. B., Zhuravel' Yu. G. Development of high-tech shipbuilding clusters in the Far East for the production of Arctic vessels // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 21–29. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/21-29

Арктическая политика Европейского союза: задачи и проблемы

Введение. Европейский союз (ЕС), в который входят несколько северных, в том числе арктических государств, заинтересован в участии в освоении Арктики, как и другие крупные международные игроки. Например, в настоящее время более 50% рыбных ресурсов ЕС получает из арктических и приарктических стран, также большая часть используемых им энергоносителей (более 70% газа и 41% нефти) поступает из северных, арктических или приарктических территорий России, а также Норвегии, подписавшей соглашение об ассоциации с ЕС [13, с. 15; 21]. Кроме того, по словам высокого представителя ЕС по внешней политике, Арктика является еще и территорией, изменяющей геостратегическую динамику и влияющей на международную стабильность и безопасность ЕС [22]. Однако ЕС вынужден при формировании своей арктической стратегии учитывать разнообразные факторы, включая позиции различных государств. С учетом того, что Арктику действующие арктические игроки воспринимают, прежде всего, как площадку диалога [26; 4, с. 26–30], необходимо понимать принципы и задачи арктической стратегии ЕС, что, в частности, позволит нашей стране выстраивать сотрудничество и с ним, и с другими участниками арктического диалога. Цель статьи – выявить позиции ЕС в Арктике, определить задачи и проблемы, с которыми он сталкивается в ходе реализации своей политики в регионе. Для достижения цели необходимо определить основные характеристики арктической политики ЕС (историю ее становления, институциональное и правовое измерения).

Международное измерение присутствия ЕС в Арктике. ЕС с уверенностью можно назвать новичком в арктическом регионе, так как первая стратегия арктической политики появилась у него только в 2008 г. Поэтому он действует здесь осторожно, посредством так называемой мягкой силы, в основе которой лежит идеология устойчивого развития и инноваций.

Само понятие "арктическая политика ЕС" вызывает вопросы, так как ЕС имеет арктический статус исключительно благодаря члену ЕС Дании, хотя арктическая территория Дании – Гренландия – не входит в состав ЕС по итогам референдума 1982 г. Также ЕС доказывает причастность к Арктике через таких своих членов, как Финляндия и Швеция, которые входят в состав Арктического совета. Однако географически Финляндия и Швеция не имеют океанических границ с Арктикой, относятся скорее к приарктическим территориям и, значит, не могут участвовать в спорах за арктический шельф. Они ссылаются на исторические события, доказывая принадлежность Арктике. Например, Финляндия "подтверждает" свой арктический статус отсылкой к тому, что она имела выход к Баренцеву морю до 1920 г. [1, с. 6–15; 2; 3, с. 156–169].

В это же время другие европейские члены Арктического совета, с которыми ЕС активно сотрудничает в регионе, – Исландия и Норвегия – не являются членами ЕС. Однако несколько государств-членов ЕС входят в состав наблюдателей при Арктическом совете (см. ниже) [25].

Понятие "Арктический регион", используемое в Коммюнике Еврокомиссии 2008 г., относится к территориям вокруг Северного полюса. Это территории Северного Ледовитого океана и восьми стран – Канады, Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, России, Швеции и США.

Исходя из этих положений, несколько противоречивой представляется организационная (институциональная) деятельность ЕС в отношении Арктики.

Прежде всего, у ЕС нет правовых инструментов реализации полномасштабных инициатив, так как он как единая отдельная организация не является членом Арктического совета. ЕС – *ad hoc* наблюдатель при Арктическом совете (он подал заявку на право быть постоянным наблюдателем, однако она еще не получила положительного ответа). При этом три члена ЕС остаются участниками Арктического совета (Дания, Финляндия и Швеция), а другие страны ЕС выступают в роли постоянных наблюдателей при нем (Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Испания, Польша и Великобритания, стоящая на пороге из ЕС) [25].

ЕС является членом ряда важных для развития Арктики организаций. Так, ЕС подписал Конвенцию ООН по морскому праву и Рамочную конвенцию ООН об изменении климата. Все государства-члены ЕС стали участниками Международной морской организации при ООН, а Еврокомиссия имеет там статус наблюдателя. Кроме того, ЕС участвует в других международных организациях, которые периодически поднимают вопросы об Арктике, например, в Международной организации гражданской авиации [7].

ЕС не высказывает масштабных притязаний на вовлечение в арктическую повестку и делает ставку на соучастие в финансировании исследовательских, экологических программ и проектов в области устойчивого развития. В рамках Арктического совета ЕС участвует в работе шести групп по вопросам загрязнения окружающей среды, экологическому мониторингу, сохранению флоры и фауны, защите морской среды, предотвращению чрезвычайных ситуаций, устойчивому развитию. Также представители ЕС активно работают в рамках целевых групп Арктического совета, формируемым по конкретным вопросам на определенный период времени. Так, чиновники ЕС входят в состав групп по арктическому морскому сотрудничеству, по телекоммуникационной инфраструктуре и по научному сотрудничеству [9].

В лице Европейской комиссии ЕС участвует также в рабочих группах Баренцева/Евроарктического совета, прежде всего, в транспортном комитете, так как данный регион включен в транспортную зону ЕС. ЕС присутствует на встречах министров иностранных дел, а также в рабочих группах по экономическому сотрудничеству, по окружающей среде, транспорту, лесному хозяйству, туризму, образованию, по поддержке коренных народов. Также представители ЕС участвуют в заседаниях Баренцева регионального совета, в группах по логистике, окружающей среде, инвестициям. Таким образом, ЕС стремится наладить многостороннее, региональное и субрегиональное сотрудничество со многими и разными участниками арктического диалога [16].

Взаимодействие с партнерами в рамках Арктического диалога от лица ЕС ведет Служба внешних действий, а также ряд генеральных директоратов Комиссии ЕС, связанных с морской, рыболовной, энергетической, климатической тематикой. В Европарламенте создан комитет, занимающийся вопросами Арктики, а также действуют свои программы для решения вопросов арктической повестки [27].

Например, Северное измерение – собственно политика ЕС, в которой затрагиваются арктические вопросы и интересы государств с арктическим статусом – России, Норвегии, Исландии. В рамках Северного измерения решаются задачи по окружающей среде, транспорту, культурному, экономическому развитию, повышению конкурентоспособности стран Северной Европы [14, с. 11–21]. Программа сыграла свою положительную роль в развитии сотрудничества между ЕС и другими государствами Северной Европы. Тем не менее, это направление не стало ключевым в развитии Арктики и арктической политики ЕС [18; 20].

Другой программой, затрагивающей арктическое направление ЕС, стала программа Интегрированной политики морского развития. Одна из ее целей заключается в разработке четких интересов ЕС в Арктике [9].

Программа Интеррег – дополнительный важный инструмент разработки арктической повестки для ЕС, благодаря которому ЕС финансирует соответствующие проекты, например, проект "Ботнический залив-Атлантика", нацеленный на взаимодействие Швеции, Финляндии и Норвегии в разви-

тии Северного морского пути. Еще один проект Интеррег – "Швеция-Норвегия" – ставит целью усилить экономические позиции северных территорий. Способствует развитию арктической повестки и проект "Регион Балтийского моря 2014–2020", который продвигает идею интегрированного развития регионов, так как Балтика рассматривается ЕС как ворота в Арктику. Здесь же упомянем проект "Северная периферия и Арктика", действующий на период 2014–2020 гг. и способствующий созданию устойчивого роста северных и арктических регионов. Проект "ИнтеррегНорд" направлен на комплексное развитие северных регионов [16]. Для координации разных программ в 2017 г. был введен пост посла по особым поручениям в отношении Арктической тематики.

История становления арктической стратегии ЕС. Арктика под титулом "северные территории" всегда присутствовала в рамках различных политик ЕС (ЕЭС), например, в региональной и сельскохозяйственной политике, разрабатывавших особый подход к северным территориям. Однако эти территории скорее считались балластом в экономике интеграционной группы и не расценивались как важнейший элемент для стратегического планирования и развития ЕС. Более того, после выхода Гренландии из состава ЕС арктическая повестка была забыта. ЕС вернулся к ней после вступления в группу Швеции и Финляндии в 1995 г., так как это заставило его разрабатывать специальные программы в отношении северных и приарктических территорий. Кроме того, с 1999 г. ЕС осуществляет программу Северного измерения, в которую включены не только сами страны ЕС, но также территории Норвегии, Исландии и России.

Арктическая политика ЕС начала целенаправленно формироваться в 2008 г., когда рабочая группа под руководством Я. Германа в составе Комиссии опубликовала первое коммюнике о возможных стратегиях интеграционной группы в Арктике, предложив ряд инициатив в этом направлении [8].

В нем доказывается, что ЕС связан с Арктикой через государства-члены (Дания, Финляндия и Швеция), которые "имеют арктические территории и приоритетны в развитии Северного измерения ЕС". Другие государства – Исландия и Норвегия – являются членами Европейской экономической зоны. А Канада, Россия и США названы в Коммюнике стратегическими партнерами ЕС. Согласно документу, для ЕС Арктика выступает предметом интереса и озабоченности, с точки зрения экологии, изменения климата, транспорта, рыболовства, энергетики. При этом Еврокомиссия признает, что ЕС не хватает скоординированной и систематической арктической политики и предлагает сосредоточиться на трех целях – защита населения Арктики; устойчивое развитие; многостороннее управление в Арктике.

На это начинание отреагировали все институты ЕС. Совет ЕС выступил с обоснованием необходимости участвовать в освоении Арктики в 2009 г. Европарламент поддержал интерес к арктической повестке, сделав соответствующие заявления в 2009, 2011, 2012, 2014, 2016 гг. [10; 11; 17]. В эти же годы свои коммюнике и предложения вырабатывали Еврокомиссия и Совет. Совет ЕС в большей степени обращает внимание на информационные и финансовые аспекты арктической политики ЕС, а Европарламент выражает озабоченность экологическими проблемами. В частности, в 2014 г. европарламентарии отрицательно оценили деятельность Газпрома на платформе Приразломная. В этом же обращении от 2014 г. Европейский парламент призвал к формированию общей политики ЕС в Арктике, благодаря которой он может выступить как полноценный игрок в защите окружающей среды и коренного населения арктических территорий [10].

27 апреля 2016 г. Комиссия ЕС разработала новую интегрированную программу "Комплексная политика Европейского Союза в Арктике", где Арктика представлена и пограничной зоной (фронтиром), и воротами в ЕС. Эта инициатива направлена, прежде всего, на решение экологических вопросов и разработана совместно с комиссией по экологии. Программа включает и социальное направление [17].

В июне 2016 г. Комиссия ЕС и Высокий представитель ЕС по внешней политике опубликовали дополнительные, уточняющие цели для арктической политики ЕС, которая должна быть акцентирована на: 1) исследовательской работе в отношении арктической территории и экологии; 2) создании условий

для экономического развития Арктики; 3) конструктивном диалоге с арктическими государствами, народами и другими партнерами [15].

При этом все три направления "сцепляются" друг с другом благодаря участию ЕС в международном научном сотрудничестве. Этому способствуют такие программы ЕС, как HORIZON 2020 (развитие инноваций); INTERACT (система обмена и открытого доступа к научным данным всех государств, исследующих Арктику); AORA (программа поддержки научного сотрудничества в рамках Трансатлантического исследовательского альянса) и др. [16].

Высокая заинтересованность ЕС в участии в исследованиях Арктики проявлена и в различных мероприятиях, посвященных ей. Так, Генеральный директорат Комиссии ЕС по региональной и городской политике начал деятельность по инвестированию в арктическом европейском регионе. Этот же Директорат организует диалог между ЕС и коренными народами Арктики. Первый "Арктический диалог коренных народов" состоялся в Брюсселе 17 сентября 2018 г. [16]. На первом заседании обсуждались региональная стабильность, сотрудничество, а также изменение климата и права коренных народов [23].

Одновременно с этим был учрежден Форум заинтересованных в исследовании Арктики сторон для совместного определения приоритетов и развития взаимодействия между разными участниками в исследовании Арктики, а также повышения координации и согласованности между программами финансирования ЕС. В таких мероприятиях традиционно участвуют Дания с Фарерскими островами и Гренландией, Финляндия, Швеция, Исландия и Норвегия.

Выводы Форума, который теперь будет проходить регулярно, уже использованы для подготовки долгосрочного плана инвестирования на период после 2020 г. Кроме этого, Комиссия ЕС также сообщила о готовности проводить ежегодную конференцию для всех заинтересованных в исследовании Арктики сторон для разработки международных проектов и повышения осведомленности арктических обществ об источниках финансирования со стороны ЕС [23]. В дополнение к этим мероприятиям ЕС организует общие встречи по вопросам Арктики, куда также приглашаются представители Арктического диалога и Форума [16].

Основными приоритетами для ЕС в арктической стратегии являются транспортная система, научные исследования, культура, поддержка коренных народов.

В настоящее время программа "Комплексная политика Европейского Союза в Арктике" остается базисной для арктической политики ЕС. Она определяет возможности интеграционной группы в диалоге с приарктическими и арктическими государствами. Именно в ее рамках ЕС формулирует и предлагает конкретные инициативы, софинансирует их и влияет на ситуацию, формируя позитивный имидж в регионе.

Так, более 200 млн евро с 2002 г. по настоящее время были определены из бюджета ЕС на исследовательскую работу в Арктике. С 2007 по 2013 г. почти 2 млрд евро были направлены на поддержку коренных народов. Свыше 1 млрд евро с 2014 по 2020 г. было выделено на исследования, инновации и "чистую энергетику". Как правило, данные средства реализуются в рамках "Северного измерения", которому ЕС придал арктический вектор [19].

Взгляд на конкуренцию и соперничество в Арктике через призму интересов ЕС. В обсуждении проблем и перспектив арктической политики ЕС необходимо обратить внимание на конкретные аспекты соперничества ЕС с другими игроками в Арктике.

Тот факт, что сам ЕС вышел в Арктику, уже подтверждает, что она стала пространством, в котором творится мировая политика. В зоне Арктики интересы ЕС пересекаются с интересами других игроков, в частности, с Россией и США. И здесь очень многое зависит от готовности участников-соперников к диалогу.

Брюссель, разрабатывая арктическую стратегию, планирует развивать взаимодействие между собственными странами-членами, примыкающими к Арктике (Финляндия, Дания, Швеция), а также укрепить взаимопонимание по линии ЕС–США, полагая такой подход наиболее оправданным и эффективным. ЕС уже выступил с инициативой Полярной сети, объединяющей 22

европейских исследовательских института, занимающихся разработкой экологических программ в области международных исследований климата в Арктике, а также развитием транснационального доступа к арктической исследовательской инфраструктуре [12].

При этом ЕС также заявил о сотрудничестве со странами, не относящимися к региону, но проявляющими растущий интерес к Арктике – с Китаем, Индией, Японией.

Однако главный вопрос для ЕС здесь – это отношения с Россией, ведь большая часть всех ресурсов Арктики принадлежит Российской Федерации. Около 70% территории России приходится на северные территории, а население российской Арктики более чем в два раза превосходит остальные государства. Кроме того, развитие Северного морского пути, о котором часто говорят в ЕС, это прерогатива России. Также последние документы, принятые российскими властными структурами, свидетельствуют о постоянном и неуклонном росте экономической, энергетической, логистической и военно-стратегической заинтересованности страны в укреплении своего присутствия в Арктике и повышении активности в ее освоении. Россия развивает транспортную инфраструктуру, укрепляет безопасность в регионе, ведет себя как прагматичный партнер, поддерживая Конвенцию по морскому праву в качестве важнейшего юридического инструмента.

Интересно, что по многим позициям российские подходы, закреплённые в Стратегии развития Арктики до 2020 г., совпадают с предложениями ЕС [5]. Этот документ определяет стратегические цели в Арктике и способы их достижения. При этом цели обусловлены вопросами национальной безопасности. Важно, что международное взаимодействие в Арктике называется приоритетом для России. Правительство Российской Федерации всякий раз провозглашает открытость в арктической политике и заинтересованность в поддержании мира, безопасности и взаимодействия.

Особое внимание в российских документах уделяется и Северному морскому пути, в который включены пригодные для судоходства морские пути из Баренцева моря в Чукотское море и Берингов пролив. Это самый короткий путь, связывающий Дальний Восток с Европой, а Тихоокеанский регион с Евро-Атлантическим. При этом Россия обладает ледокольным флотом, который способен обеспечивать его использование. Кроме того, уже сейчас создана соответствующая береговая инфраструктура, способствующая его развитию. Северный морской путь делает Россию страной всех морей и важен не только для выхода России в мировой океан, но и связывает друг с другом несколько субъектов Российской Федерации [6].

Взаимодействуя с другими государствами региона, Россия планирует: 1) создать единую региональную систему поиска и спасения, а также предотвращения техногенных катастроф и ликвидации их последствий, включая координацию деятельности спасательных сил; 2) укрепить на двусторонней основе и в рамках региональных организаций добрососедские отношения Российской Федерации с приарктическими государствами; 3) активизировать экономическое, научно-техническое, культурное, приграничное сотрудничество, в том числе в области эффективного освоения природных ресурсов, сохранения природной среды в Арктике, в создании международного судоходства по Северному морскому пути, при обмене данными об окружающей среде и климату и диалоге регионов и муниципалитетов и т.д. [5].

Очевидно, что в таких сферах, как развитие диалога между всеми международными игроками, международное научное сотрудничество, защита окружающей среды, устойчивое развитие и улучшение качества жизни коренного населения, позиции России и целевые установки арктической стратегии ЕС сходны. Также позиции сторон аналогичны в отношении необходимости инвестирования в инфраструктуру, создания экономических возможностей и механизмов для раскрытия потенциала арктических территорий. Безусловно, здесь стоит упомянуть и высказываемые мнения о важности развития Северного морского пути. Однако позиции ЕС и России отличаются в представлениях о мерах по обеспечению безопасности в регионе. ЕС воспринимает Арктику как отдельный регион безопасности, в то время как для России Арктика – это территория, непосредственно связанная с обеспечением безопасности всей страны, с учетом протяжённой береговой линии. Отсюда более высокая зна-

чимость Северного морского пути для развития страны, а не для межгосударственного взаимодействия. И, конечно, ЕС не предлагает конкретных программ безопасности для Арктики.

Невзирая на чётко обозначенные позиции России в Арктике, в коммюнике и заявлениях институтов ЕС об арктическом направлении политики редко затрагивается вопрос о сотрудничестве с Россией. В лучшем случае Россия указана в документах как стратегический партнер наряду с другими государствами региона. Однако ни ее роль, ни позиции в соответствующих институтах арктических государств никак не затронуты и не представлены в рамках документов ЕС. Это еще раз доказывает то, что ЕС в первую очередь делает ставку на собственных членов, входящих в Арктический клуб и в его состав, и на США. При этом отдельные государства-члены ЕС заинтересованы в сотрудничестве с Россией на арктическом направлении, например, Финляндия, которая получает выход к Арктике через российские территории. Но, например, Швеция скорее отстаивает интересы ЕС, выступая за статус постоянного наблюдателя для него в составе Арктического совета.

Украинский кризис стал новым фактором в развитии сотрудничества в Арктике. Прежде всего, он привел к вводу санкций против России. Они коснулись всех видов взаимодействия между странами ЕС и Россией. Например, санкции в области обмена технологий, видимо, были направлены против реализации Россией проектов разработок на арктическом шельфе. Одновременно с этим многие участники арктической политики связали свое взаимодействие с Россией с выполнением Минских договоренностей. Помимо этого, представители ЕС в лице национальных лидеров стран-участниц часто высказывают опасения в отношении России, что препятствует конструктивному диалогу между сторонами, в том числе и в Арктическом регионе. Так, в упомянутом выше документе о комплексной политике ЕС в Арктике были указаны две угрозы: экологическая (таяние льдов) и военная, поскольку Россия увеличивает военное присутствие в регионе. Так, ЕС выразил озабоченность в отношении открытых Россией шести портов и тринадцати аэродромов, хотя инфраструктурные проекты обеспечивают реализацию не только вопросов безопасности, но и социально-экономических программ и развитие Северного морского пути, что указано в российской арктической стратегии.

Соответственно, США и отчасти Канада становятся более важными партнерами для ЕС на арктическом направлении, нежели Россия, притом, что США являются наблюдателем в рамках политики Северного измерения ЕС.

Для США, как и для России, в Арктике важны не только экономические, но и геостратегические вопросы, и вопросы безопасности. Это объясняет позицию США, стремящихся добиться сохранения свободной морской зоны для беспрепятственного передвижения судов. При этом США не ратифицировали конвенцию по морскому праву ООН и всячески избегают любых обязательств.

Естественное (географически предопределенное) доминирование России в Арктике вызывает у ряда стран ЕС и ЕС в целом общие опасения. Важно, что многие государства ЕС являются членами НАТО, что серьезно повлияло на активное наращивание присутствия НАТО в Арктике. Ряд государств – Норвегия, Дания, Швеция, Исландия и Финляндия – даже обсуждали идею создания так называемого мини-НАТО [24].

Однако в арктической политике остаются нерешенными вопросы, которые касаются и стран НАТО, и ЕС. Например, между США и Канадой есть споры о разграничительной линии в море Бофорта. Канада и Дания оспаривают друг у друга остров Ганса.

Выводы. Таким образом, ЕС является новым игроком в Арктике. Поэтому возможности ЕС реализовать арктическую стратегию зависят не столько от того, что формулирует и как себя позиционирует сам ЕС, сколько от того, как его воспринимают другие государства, которые не видят в нем важного ключевого партнера в Арктике. Поэтому ЕС предстоит определить более точный формат для своих действий на арктическом направлении. И вряд ли опора на инструменты США может оказать весомую поддержку инициативам ЕС. ЕС осознает, что его намерения в отношении Арктики в некотором смысле непрозрачны и непонятны другим участникам, что вызывает ряд спекуляций с их стороны. Поэтому арктическая политика ЕС постепенно приобретает характер политики измерений, которые уже работают в ЕС. Очевидно, что и

сотрудничество ЕС с Россией останется по большей части задачей только Северного измерения, в то время как на арктическом направлении в большей степени значимы двусторонние взаимоотношения стран-членов ЕС и России. Однако по причине общих опасений, высказываемых ЕС и отдельными странами в отношении России, это взаимодействие не будет эффективным. Кроме того, именно так называемая российская угроза используется чиновниками Брюсселя для обоснования своего присутствия в Арктике, как и в других регионах мира. ЕС стремится подчеркнуть, что именно он способен дать гарантии безопасности и устойчивого развития коренному населению Арктики.

Вместе с тем стремление ЕС полноценно участвовать в арктической политике ограничено финансовыми возможностями. Так, Еврокомиссия осознает, что ЕС остается важным инвестором для реализации множества арктических проектов, однако не сможет выполнять весь комплекс финансовых обязательств после 2020 г., поскольку с 2021 г. будет действовать другой бюджет и изменятся многолетние финансовые планы. Очевидно, что это повлияет на масштаб сотрудничества ЕС с арктическими государствами.

Литература

1. Еремина Н. В. Арктический вектор британской углеводородной стратегии // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 3. С. 6–28.
2. Еремина Н. В. Евросоюз включается в "большую игру" в Арктике // Аналитический портал Евразия Эксперт. 2016, [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/evrosoyuz-vklyuchaetsya-v-bolshuyu-igru-za-arktiku/> (дата обращения: 02.09.2019).
3. Копышев В. Н., Рыхтик М. И., Сергунин А. А. Арктическая стратегия европейских стран: проблемы и перспективы Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.
4. Лагутина М. Л. Влияние мирового политического кризиса на международное сотрудничество в Арктике // Аналитический вестник. 2016. № 5 (604). С. 26–35.
5. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Законы, Кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации, [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitiya-arkticheskoi-zony-rossiiskoi-federatsii-i/> (дата обращения: 10.09.2019).
6. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути" от 28.07.2012 N 132-ФЗ (последняя редакция). 28 июля 2012 года N 132-ФЗ, [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133277/ (дата обращения: 10.09.2019).
7. Climate Change and the Arctic Environment, [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/20955/climate-change-and-arctic-environment_en (дата обращения: 08.09.2019).
8. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The European Union and the Arctic Region. Brussels, 20.11.2008 COM(2008) 763 final, [Электронный ресурс]. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/com_08_763_en.pdf (дата обращения: 11.09.2019).
9. EU Arctic policy, [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/20956/arctic-short-introduction_en (дата обращения: 10.09.2019).
10. European Parliament resolution of 12 March 2014 on the EU strategy for the Arctic 2013/2595(RSP), [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2014-0236&language=EN> (дата обращения: 10.09.2019).
11. European Parliament resolution of 16 March 2017 on an integrated European Union policy for the Arctic 2016/2228, [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0093_EN.html?redirect (дата обращения: 12.09.2019).
12. EUPolarNet, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eu-polar.net/> (дата обращения: 11.09.2019).
13. Eurostat 2017, [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Natural_gas_supply_statistics#Supply_structure (дата обращения: 04.09.2019).
14. Heikkilä M. The Northern Dimension Published by Europe Information Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2006. 86 с.

15. Integrated Arctic Policy 2016, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-europe-as-a-stronger-global-actor/file-integrated-arctic-policy> (дата обращения: 16.09.2019).
16. International Cooperation on Arctic Matters. 2017, [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/20954/international-cooperation-arctic-matters_en (дата обращения: 09.09.2019).
17. Joint communication to the European Parliament and the Council. An integrated European Union policy for the Arctic Brussels, 27.4.2016 JOIN(2016) 21 final, [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10101/2016/EN/10101-2016-21-EN-F1-1.PDF> (дата обращения: 10.09.2019).
18. Lipponen P. For an ambitious EU Arctic and Northern policy Memorandum to European Commission President Jean-Claude Juncker 2015, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arcticrailway.as/wp-content/uploads/2018/08/2015-Paavo-Lipponen-memorandum-2015.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).
19. Northern Periphery and Arctic programme 2014–2020, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interreg-npa.eu/?id=11> (дата обращения: 03.09.2019).
20. Perez C. E., Yaneva Z. V. The European Arctic policy in progress // Polar science. 2016. September. Vol.10. Issue 3.P. 441–449.
21. Troell M., Eide A., Isaksen J., Hermansen Ø, Crepin A-S. Seafood from a changing Arctic // Springer. AMBIO. 2017.46 (Suppl.3). P. 368–363, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5673870/> (дата обращения: 10.09.2019).
22. 1st panel session: High-Level Arctic event "A sustainable Arctic – innovative approaches", [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/28309/1st-panel-session-high-level-arctic-event-sustainable-arctic-%E2%80%93-innovative-approaches_en (дата обращения: 11.09.2019).
23. 1st Arctic Stakeholder Conference and Annual Arctic Indigenous Peoples Dialogue – Brussels, 17 September 2018, [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/54334/1st-arctic-stakeholder-conference-and-annual-arctic-indigenous-peoples-dialogue-%E2%80%93-brussels-17_en (дата обращения: 12.09.2019).
24. Rozoff R. NATO's Arctic Military Alliance // Global Research. 2011. 23 January, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalresearch.ca/nato-s-arctic-military-alliance/22919> (дата обращения: 12.10.2019).
25. Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/index.php/en/about-us/arctic-council/> (дата обращения: 12.10.2019).
26. "Золотое правило Арктического совета – не привносить в его работу политические конфликты извне" // Коммерсант. 2019.04.11, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3940235> (дата обращения: 12.10.2019).
27. Данилов Д. А. Арктическая политика Европейского союза: основы и эволюция // Обозреватель. 2017. № 11. С. 16–32.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Eremina N. V. Arkticheskij vektor britanskoj uglevodorodnoj strategii// Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2017. T. 8. № 3. S. 6–28.
2. Eremina N. V. Evrosoyuz vključaetsya v "bol'shuyu igru" v Arktike // Analiticheskij portal Evrazija ENKspert. 2016, [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/evrosoyuz-vključaetsya-v-bolshuyu-igru-za-arktiku/> (дата обращения: 02.09.2019).
3. Konyshov V. N., Rykhtik M. I., Sergunin A. A. Arkticheskaya strategiya evropejskikh stran: problemy i perspektivy Arktika: zona mira i sotrudnichestva / Otv. red. A. V. Zagorskij. M.: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.
4. Lagutina M. L. Vliyanie mirovogo politicheskogo krizisa na mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike // Analiticheskij vestnik. 2016. № 5 (604). S. 26–35.
5. Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda // Zakony, Kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federatsii, [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/strategiya-razvitiya-arkticheskoi-zony-rossiiskoi-federatsii-i/> (дата обращения: 10.09.2019).
6. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii v chasti gosudarstvennogo regulirovaniya torgovogo moreplavaniya v akvatorii Severnogo morskogo puti" ot 28.07.2012 N 132-FZ (poslednyaya redaktsiya). 28 iyulya 2012 goda N 132-FZ, [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133277/ (дата обращения: 10.09.2019).
7. Climate Change and the Arctic Environment, [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/20955/climate-change-and-arctic-environment_en (дата обращения: 08.09.2019).
8. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The European Union and the Arctic Region. Brussels, 20.11.2008 COM(2008) 763 fi-

nal, [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/com_08_763_en.pdf (data obrashheniya: 11.09.2019).

9. EU Arctic policy, [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/20956/arctic-short-introduction_en (data obrashheniya: 10.09.2019).

10. European Parliament resolution of 12 March 2014 on the EU strategy for the Arctic 2013/2595(RSP), [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2014-0236&language=EN> (data obrashheniya: 10.09.2019).

11. European Parliament resolution of 16 March 2017 on an integrated European Union policy for the Arctic 2016/2228, [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0093_EN.html?redirect (data obrashheniya: 12.09.2019).

12. EUPolarNet, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eu-polar.net.eu/> (data obrashheniya: 11.09.2019).

13. Eurostat 2017, [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Natural_gas_supply_statistics#Supply_structure (data obrashheniya: 04.09.2019).

14. Heikkilä M. The Northern Dimension Published by Europe Information Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2006. 86 s.

15. Integrated Arctic Policy 2016, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-europe-as-a-stronger-global-actor/file-integrated-arctic-policy> (data obrashheniya: 16.09.2019).

16. International Cooperation on Arctic Matters. 2017, [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/20954/international-cooperation-arctic-matters_en (data obrashheniya: 09.09.2019).

17. Joint communication to the European Parliament and the Council. An integrated European Union policy for the Arctic Brussels, 27.4.2016 JOIN(2016) 21 final, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10101/2016/EN/10101-2016-21-EN-F1-1.PDF> (data obrashheniya: 10.09.2019).

18. Lipponen P. For an ambitious EU Arctic and Northern policy Memorandum to European Commission President Jean-Claude Juncker 2015, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.arcticrailway.as/wp-content/uploads/2018/08/2015-Paavo-Lipponen-memorandum-2015.pdf> (data obrashheniya: 10.09.2019).

19. Northern Periphery and Arctic programme 2014–2020, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.interreg-npa.eu/?id=11> (data obrashheniya: 03.09.2019).

20. Perez C. E., Yaneva Z. V. The European Arctic policy in progress // Polar science. 2016. September. Vol.10. Issue 3.P. 441–449.

21. Troell M., Eide A., Isaksen J., Hermansen Ø, Crepin A-S. Seafood from a changing Arctic // Springer. AMBIO. 2017.46 (Suppl.3). P. 368–363, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5673870/> (data obrashheniya: 10.09.2019).

22. 1st panel session: High-Level Arctic event "A sustainable Arctic – innovative approaches", [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/28309/1st-panel-session-high-level-arctic-event-sustainable-arctic-%E2%80%93-innovative-approaches_en (data obrashheniya: 11.09.2019).

23. 1st Arctic Stakeholder Conference and Annual Arctic Indigenous Peoples Dialogue – Brussels, 17 September 2018, [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/54334/1st-arctic-stakeholder-conference-and-annual-arctic-indigenous-peoples-dialogue-%E2%80%93-brussels-17_en (data obrashheniya: 12.09.2019).

24. Rozoff R. NATO's Arctic Military Alliance // Global Research. 2011. 23 January, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.globalresearch.ca/nato-s-arctic-military-alliance/22919> (data obrashheniya: 12.10.2019).

25. Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/index.php/en/about-us/arctic-council/> (data obrashheniya: 12.10.2019).

26. "Zolotoe pravilo Arkticheskogo soveta – ne privnosit' v ego rabotu politicheskie konflikty izвне" // Kommersant. 2019.04.11, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3940235> (data obrashheniya: 12.10.2019).

27. Danilov D. A. Arkticheskaya politika Evropejskogo soyuza: osnovy i ehvolyutsiya // Obozrevatel'. 2017. № 11. S. 16–32.

Еремина Н. В. Арктическая политика Европейского союза: задачи и проблемы.

Арктика, развиваясь как пространство диалога, что подтверждается и арктическими государствами, тем не менее постепенно превращается в геополитическую площадку, а во взаимодействие государств вмешиваются дополнительные факторы в виде конфликтных ситуаций в разных регионах мира, санкции и т.п. Россия – крупнейшее арктическое государство, в связи с чем ее деятельность на арктическом направлении всегда учитывается другими арктическими игроками. ЕС стремится зафиксировать своё присутствие в Арктике, проводя осторожную, но последовательную политику через программы Северного измерения, межрегионального сотрудничества и др., чтобы доказать свое право на участие в Арктическом диалоге. Очевидно, что ЕС также принимает во внимание российский фактор, который в последние годы стал еще более весомым для европейских политиков в их внешней политике на разных направлениях. В связи с глобальными целями Европейского союза России необходимо четко понимать позиции ЕС в Арктике.

Ключевые слова: *Арктика, ЕС, Арктический совет, Баренцев/Евроарктический совет, Северное измерение, Комиссия ЕС, Европарламент, Совет ЕС, Северный морской путь.*

Eremina N. V. European Union Arctic policy: tasks and problems.

The Arctic, developing as a space of dialogue, which is also confirmed by the Arctic states, nevertheless gradually turns into a geopolitical platform, and additional factors interfere with the interaction of states in the form of conflict situations in different regions of the world, sanctions, etc. Russia is the largest Arctic state, and therefore its activities in the Arctic are always taken into account by other Arctic players. The EU seeks to fix its presence in the Arctic, pursuing a cautious but consistent policy through the Northern Dimension, inter-regional cooperation and other programs in order to prove its right to participate in the Arctic dialogue. It is obvious that the EU also takes into account the Russian factor, which in recent years has become even more significant for European politicians in their foreign policy in different directions. In connection with the global goals of the European Union, Russia needs to clearly understand the EU's position in the Arctic..

Key words: *Arctic, EU, Arctic Council, Barents / Euro-Arctic Council, Northern Dimension, EU Commission, European Parliament, EU Council, Northern Sea Route*

Для цитирования: Еремина Н. В. Арктическая политика Европейского союза: задачи и проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 30–39. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/30-39

For citation: Eremina N. V. European Union Arctic policy: tasks and problems // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 30–39. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/30-39

Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией

Современный этап освоения Арктики характеризуется всплеском интереса к этому региону мира со стороны широкого спектра стран, не ограниченного исключительно арктическими (Дания, Канада, Норвегия, Россия, США) и приарктическими государствами (Исландия, Финляндия, Швеция), но включающего и многочисленные неарктические государства – государства, не имеющие прямого выхода к Северному Ледовитому океану, не располагающиеся в непосредственной близости к Полярному кругу, не имеющие территории, находящейся в Заполярье [2, с. 112]. В основе вспыхнувшего интереса к Арктике лежат широкие перспективы разработки арктических природных ресурсов и развития там коммерческого морского судоходства, открывшиеся ввиду появления необходимых для этого технологий и происходящего глобального потепления, ускорившего таяние ледяного и снежного покрова в Арктическом регионе. Глобальное потепление актуализировало и необходимость интенсификации изучения происходящих изменений в Арктике как климатообразующем регионе, оказывающем принципиальное воздействие на многие страны мира.

Повышенный интерес к расширению своего участия в исследовании и освоении Арктики, в частности, проявляют Китай и Индия – две азиатские страны, обладающие в арктических делах одинаковым статусом неарктических государств и одновременно в 2013 г. получившие возможность участвовать в работе Арктического совета в качестве наблюдателей. Для Китая и Индии характерно наличие общих черт, казалось бы, создающих предпосылки для их сходной арктической повестки и их солидаризации в целях отстаивания прав неарктических государств: оба государства являются динамично развивающимися странами, крупными потребителями энергоресурсов; прибрежными государствами, в торговле сильно зависящими от морских путей коммуникации, морскими державами с сильным военно-морским и торговым флотом; неарктическими государствами, имеющими обширный опыт в Антарктике; странами, имеющими большие внешнеполитические амбиции и демонстрирующими возрастающий интерес к расширению своего влияния во многих регионах мира. Но в реальности оказывается, что интересы этих двух стран в Арктике, их арктическая политика и масштаб их арктического сотрудничества имеют больше различий, нежели сходных черт.

Так, Китай и Индия, в своем экономическом развитии переживающие этап индустриализации и сталкивающиеся с дефицитом некоторых природных ресурсов, вынуждены решать схожую задачу диверсификации источников их импорта. В частности, обе страны входят в тройку крупнейших мировых потребителей энергии, и их потребности в импорте энергоресурсов с течением времени будут только возрастать. Вместе с тем, невзирая на растущие потребности в импорте углеводородов, в Индии, в отличие от Китая, прослеживается некоторая двоякость в вопросе разработки этих ресурсов в арктическом регионе. С одной стороны, Индия, испытывающая недостаток энергетических ресурсов, демонстрирует заинтересованность в участии в совместных проектах

© Лексютина Я. В., 2019

ЛЕКСЮТИНА Яна Валерьевна, д-р полит. наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (*г. Санкт-Петербург*). E-mail: lexuana@ua.ru

по разработке арктического шельфа, и такие проекты уже ведутся (например, с Россией). С другой стороны, в Индии есть противники расширения добычи углеводородов в Арктике, обосновывающие свою позицию потенциальными рисками для экологии, отсутствием на современном этапе мирового научно-технологического развития необходимых технологий для освоения арктических углеводородов и ограниченными научными знаниями экологических проблем [9, с. 178]. Китай, напротив, проявляет высокую активность в вопросах разработки нефтегазовых месторождений шельфа Арктики при сотрудничестве с различными арктическими государствами, добычи разнообразных металлов и минеральных ресурсов, а также рыбных ресурсов Арктики. Интерес для Китая имеют и перспективы развития туризма в Арктике, что, по мнению индийских экспертов, может нанести сильный урон окружающей среде в Арктике.

Диаметрально расходятся интересы Китая и Индии в вопросах налаживания арктических морских путей, способных связать азиатские и европейские рынки максимально коротким морским маршрутом. Пекин в высшей степени заинтересован в развитии альтернативных существующим традиционным морским коммуникациям между Китаем и Европой новых морских транспортных маршрутов, в особенности Северного морского пути [8, с. 159]. На сегодняшний день ЕС является крупнейшим торговым партнером Китая, и основные торговые потоки между ними идут морским путем. С одной стороны, транспортировка товаров по Северному морскому пути позволяет существенно сократить как время транспортировки товаров (Северный морской путь примерно на 35% короче традиционных морских коммуникаций из Китая в Европу [12]), так и, соответственно, расходы на топливо. С другой стороны, Северный морской путь более предпочтителен для Китая в плане безопасности: в отличие от традиционных морских маршрутов, проходящих через Малаккский пролив, он свободен от возможного американского контроля и угроз пиратства. Огромный масштаб развития внешней торговли Китая (с 2009 г. Китай сохраняет за собой статус крупнейшего мирового экспортера, а с 2012 г. – крупнейшей мировой торговой державы) требует оптимизации его транспортно-логистической системы в целях как снижения транспортных издержек, так и обеспечения безопасности и бесперебойности поставок.

В Индии же есть вполне обоснованные опасения относительно того, что возможная переориентация идущих через Индийский океан морских путей коммуникации, связывающих рынки Европы и Азии, на Северный морской путь приведёт к снижению значимости Индии, которая сейчас занимает особое место в системе традиционных маршрутов грузоперевозок [4]. Более того, для Дели перспектива появления новых международных морских путей – путей, проходящих через Северный Ледовитый океан, – означает потенциальное изменение геополитических условий и утрату Индией весьма важных "козырей" в его взаимодействии с Пекином. Так, индийская военная стратегия традиционно базировалась на представлениях о том, что в случае конфликта с Китаем (например, по вопросу границ), Дели имеет рычаги воздействия на Пекин, поскольку может заблокировать проходящие через Малаккский пролив и Индийский океан китайские грузоперевозки. Развитие и использование Северного морского пути открывает Китаю альтернативные морские пути для грузоперевозок, лишая тем самым Дели важного рычага давления на Пекин [13]. А не стоит забывать, что современные китайско-индийские отношения характеризуются сложным сочетанием сотрудничества и имитации конструктивного взаимодействия, с одной стороны, и серьёзных политических противоречий (включающих споры о прохождении границы, фактор Пакистана), встречного стратегического недоверия и острого соперничества (например, в Индийском океане), с другой стороны.

Таким образом, в то время как Китай имеет весьма широкие экономические интересы в Арктике, для Индии экономические "дивиденды" от освоения Арктики не столь очевидны и однозначны.

При этом в некоторых аспектах мотивация Китая и Индии в активизации их арктической политики имеет схожие черты. Так, например, для обеих стран присутствие в Арктике рассматривается как одно из проявлений великодержавного статуса государства, признак глобальности национальных интересов, вовлечённости в мировые процессы и глобальное управление. И

Китай, и Индия имеют высокие внешнеполитические амбиции и претендуют на статус великой державы с глобальным проецированием своего влияния.

Также обе страны, сталкивающиеся с серьезными экологическими проблемами в национальных границах и опасующиеся влияния ситуации в Арктике как климатообразующем регионе мира на Китай и Индию, заинтересованы в изучении Арктики и в экологической составляющей международного сотрудничества в Арктике. При этом для Индии (в отличие от Китая, для которого обеспокоенность экологической проблематикой является скорее официальным декларируемым объяснением своей высокой арктической активности) озабоченность относительно потенциального негативного влияния таяния ледяного и снежного покрова в Арктическом регионе на климат в Индии стала главной движущей силой вовлечения Индии в арктические дела. В частности, индийские эксперты нередко выражают опасения в связи с влиянием арктического климата на индийские муссоны, имеющие ключевое значение для индийского сельского хозяйства, на которое приходится порядка 23% всего ВВП Индии и 59% занятости рабочей силы в Индии (по состоянию на 2016 г.) [15]. Также возможное вследствие таяния ледников повышение уровня Мирового океана грозит затоплением большей части индийской территории [3, с. 244].

Схожесть – с некоторыми нюансами – позиций двух стран проявляется и в вопросах статуса Арктики и прав арктических государств в арктическом регионе. Китай и Индия как неарктические государства, имеющие ограниченные по сравнению с арктическими странами права в Арктике, на экспертном и даже на официальном уровне до вхождения в Арктический совет были склонны позиционировать Арктику как "общее достояние" (global commons) по аналогии с Антарктикой, права на части которого не могут принадлежать отдельно взятым государствам (в случае с Арктикой – арктическим государствам). Присоединение к Арктическому совету, автоматически означавшее признание суверенных прав и юрисдикции членом Совета в Арктике, сигнализировало об официальном отказе Пекина и Дели от идеи рассмотрения Арктики как "общего достояния".

Однако Китай, не вступая в открытое противостояние с арктическими государствами в вопросах их эксклюзивных прав в Арктике, продолжил активную линию на встраивание в систему арктических отношений и на занятие своей ниши в Арктике. Так, в целях закрепления за собой особого статуса в Арктике, отличного от статуса "неарктического" государства, Пекин в дополнение к общепринятым понятиям "арктическое государство" и "приарктическое государство" в официальном дискурсе активно стал использовать такой термин, как "околоарктическое государство"¹ (近北极国家, Near-Arctic State), означающий континентальное государство, наиболее близко расположенное к Северному полярному кругу. Как следует из одного экспертного обоснования, данного в 2010 г. представителем Института полярных исследований Китая, "околоарктический" статус Китая подкреплён такими характеристиками географического положения Китая, как: расположение Китая в Северном полушарии; начало истока реки Иртыш, впадающей через сибирские реки в Северный Ледовитый океан, в северо-западной части китайского Синьцзян-Уйгурского автономного района; остановка холодного воздушного потока со стороны Северного Ледовитого океана на северном склоне китайского хребта Тайшань [10, с. 44–45].

Пекин также занял активную позицию в вопросе позиционирования Арктики в качестве приобретающего глобальное значение региона, ситуация в котором должна определяться уже не только арктическими государствами, но и государствами за пределами региона и международным сообществом в целом [16]. Пекин заинтересован в расширении влияния и прав неарктических государств в Арктике. Китай проявляет заинтересованность в интернационализации системы управления Арктикой – трансформации арктического управления с регионального на глобальный уровень [12, р. 4].

В целом, обладая значительными финансовыми ресурсами, Китай использует различные каналы упрочнения своих позиций в Арктике – от ве-

¹ В докладе Исследовательской службы Конгресса США отмечено, что термин "околоарктическое государство" ранее использовался Великобританией [14, р.55].

дения научно-исследовательской деятельности, участия в различных многосторонних площадках по арктической тематике, развития многовекторного сотрудничества в Арктическом регионе с арктическими и приарктическими странами, усиления своих экономических позиций в арктических и приарктических странах до создания собственного ледокольного флота.

Важную роль в китайской арктической стратегии играют усилия Пекина, направленные на превращение Китая в крупный мировой центр полярных и арктических исследований, а также на расширение технических возможностей Китая в освоении Арктики. В частности, в фокусе усилий Китая находится развитие собственного ледокольного флота. Вплоть до недавнего времени Китай обладал одним гражданским ледоколом² – ледоколом "Сюэлун", приобретенным у Украины в 1993 г. Этот ледокол совершил уже несколько транзитов через арктические воды в русле полярных научных экспедиций. В сентябре 2018 г. на воду был спущен первый самостоятельно построенный Китаем ледокол для научных исследований в полярных областях – "Сюэлун-2". Это ознаменовало новый прорыв для китайского потенциала в области проведения полярных экспедиций. Пекин также обнародовал планы строительства атомного ледокола. Реализация этих планов сделает Китай вторым после России в мире государством, обладающим атомным ледоколом, и позволит Китаю расширить исследовательскую и коммерческую деятельность в Арктике, укрепит китайские позиции в Арктике. Вероятно, Китай также рассчитывает, что обладание атомными ледоколами позволит Китаю подключиться к развитию Северного морского пути и его круглогодичному коммерческому использованию.

Освоение Арктики стало одним из трёх важнейших направлений китайской глобальной инициативы "Пояс и путь" в дополнение к "Экономическому поясу Шёлкового пути" и "Морскому Шёлковому пути XXI века". "Ледяной Шёлковый путь" или "голубой экономический коридор", который рассматривается в непосредственной связке с сотрудничеством с Россией в развитии и эксплуатации Северного морского пути, призван связать Китай и Европу через Северный Ледовитый океан.

Особую роль в реализации китайских планов по расширению своей роли в Арктике играет сотрудничество с Россией. Еще в декабре 2015 г. премьер-министры России и Китая подписали совместное коммюнике, в котором была обозначена необходимость усилить сотрудничество по освоению и использованию Северного морского пути и провести исследования по судоходству по арктическим маршрутам. 4 июля 2017 г. в российско-китайском совместном заявлении было подтверждено намерение двух стран сотрудничать в вопросах развития и использования Северного морского пути, разведки и освоения энергетических ресурсов, арктического туризма и охраны окружающей среды [5]. В июне 2018 г. на полях саммита ШОС в Циндао между российским Внешэкономбанком и Государственным банком развития Китая было подписано соглашение на открытие кредитной линии в размере 600 млрд рублей (9,5 млрд долл.) для финансирования проектов в русле сопряжения ЕАЭС и инициативы "Пояс и путь", где одним из приоритетных направлений был назван Северный морской путь.

На сегодняшний день именно сотрудничество в реализации "Ледяного Шёлкового пути" оценивается экспертами как наиболее перспективное направление российско-китайского взаимодействия в русле китайской инициативы "Пояс и путь". На этом направлении наиболее очевидны результаты российско-китайского сотрудничества уже сейчас – китайская сторона является крупным акционером нескольких российских проектов в Арктике. Так, в 2013 г. китайская CNPC приобрела 20% акций проекта "Ямал СПГ", предусматривавшего строительство завода СПГ за полярным кругом на базе Южно-Тамбейского месторождения. В декабре 2015 г. китайский Фонд Шёлкового пути выкупил еще 9,9% в проекте "Ямал СПГ", а также выдал кредит в 730 млн евро на реализацию этого проекта. Строительство завода по производству сжиженного газа "Ямал СПГ" стало первым сверхкрупным проектом в ходе реализации Китаем инициативы "Пояс и путь" в России. Первая

² Следует отметить, что в строгом смысле "Сюэлун" – это не ледокол в классическом понимании, а судно-снабженец усиленного ледового класса.

технологическая линия этого завода была официально запущена в декабре 2017 г., а в июле 2018 г. два танкера с СПГ, произведенном на данном заводе, впервые прошли по Северному морскому пути и прибыли в китайский порт.

В июне 2019 г. две китайские компании – CNOOC (дочернее предприятие CNPC) и CNOOC – подписали договоры о приобретении по 10% акций каждой проекта "Арктик СПГ-2" по сооружению нового завода по производству СПГ на полуострове Гыдан.

Китай также заинтересован участвовать в развитии логистических объектов по маршруту Северного морского пути. Известно о планах Китая инвестировать в проект глубоководного порта в районе Архангельска и принять участие в строительстве железной дороги "Белкомур" (Белое море – Коми – Урал), связывающей Сибирь, Урал и Республику Коми с Архангельском, протяжённостью около 800 км [7].

В целом, арктическую политику Китая можно уверенно назвать активной, а уровень сотрудничества с арктическими и приарктическими государствами – высоким. На этом фоне вовлечённость Индии в арктические дела выглядит ограниченной. Участие Дели в арктических делах носит скорее "реактивный" характер – интенсификация Индии на арктическом направлении стала в известной мере реакцией на активизацию других неарктических государств в Арктике, на активную арктическую политику Пекина, в частности, и потенциальные сдвиги на геополитической карте мира, которые могут произойти в случае появления новых коммерческих морских путей через Северный Ледовитый океан.

Индия намного позже Китая стала демонстрировать интерес к Арктике. Отдававшая, как и Китай, долгое время приоритет в своих полярных исследованиях Антарктике, Индия инициировала специальную программу арктических исследований только в 2007 г. Тогда как арктические исследования в Китае получили развитие еще в 1990-е гг. Китай также четырьмя годами раньше Индии – в 2004 г. – открыл свою первую арктическую научно-исследовательскую станцию. В то время как Китай в 2007 г. подал заявку на получение статуса наблюдателя в Арктическом совете, несколько раз получал отказ, был вынужден использовать разнообразные каналы получения поддержки в этом вопросе со стороны стран-членов Арктического совета, Индия подала заявку только в ноябре 2012 г., не имея четкой арктической стратегии.

Важным фактором, определяющим арктическую политику Дели, является отсутствие у Индии достаточных финансовых и технологических возможностей для реализации масштабных проектов в Арктике. По существу, активизация арктической политики Дели является во многом вынужденным шагом, ответом на активизацию других неарктических государств в Арктике, стремлением не отставать от других государств, в особенности от Китая. На данный момент Дели объективно не готов к арктическому "маршу".

На современном этапе арктическая политика Индии находится еще только на этапе становления, для Индии экономические и политические "дивиденды" от освоения Арктики не столько очевидны. Пекин, напротив, четко артикулировал свои интересы в Арктике (в частности, в январе 2018 г. Пекин опубликовал свой первый концептуальный документ по Арктике – Белую книгу по арктической политике) и активно участвует в арктических делах на всех возможных направлениях.

Активность Дели на арктическом направлении проявляется преимущественно в научно-исследовательской сфере (Индия имеет две арктические станции – "Химадри" и IndARC, открытые в 2008 и 2014 гг. соответственно), в то время как, например, в сфере управления Арктикой Дели практически не участвует. Так, индийские представители редко участвуют в рабочих группах в Арктическом совете [13]. Многостороннее взаимодействие неарктических государств по арктическим вопросам также не привлекает внимание Дели. Индийская сторона не проявляет заинтересованности в участии в каких-либо многосторонних диалогах неарктических государств по арктической тематике. Китай, напротив, солидаризируется с другими неарктическими государствами в вопросах, затрагивающих Арктику. Так, например, с 2016 г. действует диалог по арктическим вопросам представителей трёх неарктических стран, являющихся наблюдателями в Арктическом совете, – Китая, Японии и Южной Кореи (первый диалог состоялся в Сеуле в апреле 2016 г., второй – в

июне 2017 г. в Токио, третий – в июне 2018 г. в Шанхае, четвертый – в июне 2019 г. в Пусане). Индийские эксперты нередко выражают позицию, состоящую в предпочтительности взаимодействия с арктическими государствами перед солидаризацией с неарктическими государствами [15].

С арктическими и приарктическими государствами Индия развивает те или иные формы сотрудничества в сфере изучения и освоения Арктики: с Россией Дели сотрудничает в освоении российской части арктического шельфа, сотрудничество с Норвегией развивается по треку научно-исследовательской деятельности, с США Дели осуществляет разноплановое сотрудничество. В частности, Индия успешно участвует в ряде совместных с Россией проектов в области разведки и добычи нефтегазовых ресурсов в российской арктической зоне. В частности, индийские компании с 2016 г. работают на Ванкорском нефтегазоконденсатном месторождении (ONGC имеет 26% акций, а консорциум в составе Oil India, Indian Oil Corporation, Bharat Petroresources – 23,9%). Москва выразила заинтересованность в сотрудничестве с индийскими партнерами в реализации таких программ, как "Дальневосточный СПГ", "Арктик СПГ-2" и ряде других проектов по освоению природных ресурсов Сибири, Ямала и российского континентального шельфа [1].

* * *

Резюмируя, можно заключить, что сдерживающими активность Индии в Арктике факторами являются: менее очевидные, чем, например, для Китая, экономические и политические "дивиденды" на контрасте с потенциальными рисками (например, экологическими рисками или риском снижения роли Индии в системе международных морских перевозок); относительно непродолжительная история арктического присутствия Индии; географическая удаленность от Арктики; ограниченные финансовые и технологические возможности Дели; и, наконец, отсутствие у Индии собственного ледокольного флота³. Китай, напротив, имеет относительно продолжительную историю присутствия в Арктике (арктические научно-исследовательские программы были инициированы еще в середине 1990-х гг.); развитие Арктики для Пекина имеет явные преимущества и способно содействовать дальнейшему экономическому развитию Китая; Китай обладает серьезными финансовыми ресурсами, которые может направлять как на освоение Арктики, так и консолидацию поддержки среди других государств по арктическим вопросам; Пекин реализует амбициозную программу строительства ледокольного флота (и уже имеет два гражданских судна ледокольного класса), предусматривающую, в том числе, строительство атомного ледокола.

Китайскую арктическую политику с полной уверенностью можно назвать активной, а индийская линия поведения в арктических вопросах носит скорее реактивный характер. Дели до сих пор не артикулировал четко свои интересы в Арктике, не выработал долгосрочной стратегии поведения в арктических делах. Китай, напротив, имеет долгосрочную арктическую стратегию. Она состоит в использовании бесконфликтных, "мягких" способов наращивания китайского влияния в Арктике в целях создания новой арктической реальности – ситуации, когда Китай будет являться крупнейшим финансовым донором различных реализуемых в Арктике совместных проектов, выдающимся мировым научно-исследовательским центром по арктической тематике, обладателем крупного ледокольного флота, поставщиком важных технологий и оборудования, необходимого для освоения Арктики.

Для России активизация деятельности Китая и Индии на арктическом направлении помимо вполне очевидных рисков (ввиду гипотетической активности Китая и, в меньшей степени, Индии по ограничению прав арктических государств в Арктике, что может находить проявление, например, в попытках наделения Арктики статусом "общее достояние" или либерализации правового режима использования Северного морского пути), несёт и возможности. С привлечение китайских и индийских партнёров (способных выступать в роли

³ Отсутствие собственного исследовательского судна ограничивает арктическую деятельность Индии. Дели вынужден арендовать суда у других государств для ведения полярных исследований. В этой связи Дели инициировал предварительную работу по реализации программы строительства высокоширотного судна для полярных исследований [6, с.352-353; 11].

крупных инвесторов, источника технологий, подрядчиков, источников оборудования, материалов и квалифицированной рабочей силы и пр.) возможна реализация крупных российских проектов в русле изучения и освоения Арктики, включая проекты в арктической зоне Дальнего Востока. Развитие российской арктической зоны и активизация арктического сотрудничества России с зарубежными партнерами, обладающими финансово-экономическим и научно-технологическим потенциалом, способны придать дополнительный стимул развитию и российского Дальнего Востока, значительная часть территории которого находится в Арктике и вдоль побережья которого может проходить морской транспортный путь из Азии в Европу через Северный Ледовитый океан. При этом возможные совместные с Китаем и Индией проекты на Дальнем Востоке не ограничиваются исключительно добычей природных ископаемых в арктической зоне России, но и могут включать (и уже включают) целый спектр направлений деятельности: развитие портовой и иной инфраструктуры, призванной обслуживать Северный морской путь и проекты по разведке и добыче природных ресурсов, строительство верфей и различные проекты в области судостроения, оказание логистических услуг и пр.

Литература

1. Заявления для прессы по итогам российско-индийских переговоров. 5.10.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58732> (дата обращения: 20.08.2019).
2. Копышев В. Н., Сергунин А. А. Стратегии иностранных государств в Арктике: общее и особенное // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества / Под ред. И. С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 112–144.
3. Лунев С. И. Индия устремилась в Арктику // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества / Под ред. И. С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 243–249.
4. Лунев С. Индия устремилась в Арктику // РСМД. 2.04.2012. URL: <http://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-ustremilas-v-arktiku/> (дата обращения: 13.02.2019).
5. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 4.07.2017. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 27.08.2019).
6. Сунь Сюэнь. Треугольник РИК в Арктике: соперничество или сотрудничество? // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 2А. С. 346–365.
7. Хейфец Б. Северный морской путь – новый транзитный маршрут "Одного пояса – одного пути" // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2047> (дата обращения: 11.07.2019).
8. Цинь Дун, Лукин А. Л. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 158–167. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/158-167
9. Шаумян Т. Л., Журавель В. П. Индия и Арктика: охрана окружающей среды, экономика и политика // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 175–184.
10. Ягья В. С., Харлампова Н. К., Лагутина М. Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2015. № 1. С. 43–52.
11. Construction of Polar Research Vessel. URL: <http://www.moes.gov.in/programmes/construction-polar-research-vessel> (дата обращения: 15.03.2019).
12. Gisela Grieger. China's Arctic policy // European Parliamentary Research Service. May, 2018. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/620231/EPRS_BRI\(2018\)620231_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/620231/EPRS_BRI(2018)620231_EN.pdf) (дата обращения: 23.01.2019).
13. Husanjot Chahal. India in the Arctic. URL: <https://ceqgheiuval.com/india-in-the-arctic/> (дата обращения: 05.08.2019).
14. O'Rourke R. Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress // CRS report. 15.10.2018. 118 p.
15. Rashmi Ramesh. India's Arctic engagement: shifting from scientific to strategic interests? // South Asian Voices, 25.09.2018. URL: <https://southasianvoices.org/indias-arctic-engagement-shifting-from-scientific-to-strategic-interests/> (дата обращения: 07.07.2019).
16. 《中国的北极政策》白皮书 [Белая книга "Арктическая политика Китая]. 26.01.2018. URL: <https://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm> (дата обращения: 10.05.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossijsko-indijskikh peregovorov. 5.10.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58732> (data obrashheniya: 20.08.2019).
2. Konyshhev V. N., Sergunin A. A. Strategii inostrannykh gosudarstv v Arktike: obshhee i osobennoe // Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva / Pod red. I. S. Ivanova. M.: Aspekt Press, 2013. S. 112–144.
3. Lunev S. I. Indiya ustremilas' v Arktiku // Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva / Pod red. I. S. Ivanova. M.: Aspekt Press, 2013. S. 243–249.
4. Lunev S. Indiya ustremilas' v Arktiku // RSMD. 2.04.2012. URL: <http://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-ustremilas-v-arktiku/> (data obrashheniya: 13.02.2019).
5. Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federatsii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o dal'nejšem uglublennii otnoshenij vseob"emlyushhego partnyorstva i strategicheskogo vzaimodejstviya. 4.07.2017. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5218> (data obrashheniya: 27.08.2019).
6. Sun' Syuvehn'. Treugol'nik RIK v Arktike: sopernichestvo ili sotrudnichestvo? // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2017. Tom 6. № 2A. S. 346–365.
7. Khejfts B. Severnyj morskoy put' – novyj tranzitnyj marshrut "Odnogo poyasa – odnogo puti" // Mezhdunarodnaya zhizn'. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2047> (data obrashheniya: 11.07.2019).
8. TSin' Dun, Lukin A. L. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Arktike i rossijskij Dal'nij Vostok // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 4. S. 158–167. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/158–167
9. SHaumyan T. L., ZHuravel' V. P. Indiya i Arktika: okhrana okruzhayushhej sredy, ehkonomika i politika // Arktika i Sever. 2016. № 24. S. 175–184.
10. YAg'ya V. S., Kharlamp'eva N. K., Lagutina M. L. Arktika – novyj region vneshnej politiki Kitaya // Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 1. S. 43–52.
11. Construction of Polar Research Vessel. URL: <http://www.moes.gov.in/programmes/construction-polar-research-vessel> (data obrashheniya: 15.03.2019).
12. Gisela Grieger. China's Arctic policy // European Parliamentary Research Service. May, 2018. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/620231/EPRS_BRI\(2018\)620231_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/620231/EPRS_BRI(2018)620231_EN.pdf) (data obrashheniya: 23.01.2019).
13. Husanjot Chahal. India in the Arctic. URL: <https://cqegehiulaval.com/india-in-the-arctic/> (data obrashheniya: 05.08.2019).
14. O'Rourke R. Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress // CRS report. 15.10.2018. 118 p.
15. Rashmi Ramesh. India's Arctic engagement: shifting from scientific to strategic interests? // South Asian Voices, 25.09.2018. URL: <https://southasianvoices.org/indias-arctic-engagement-shifting-from-scientific-to-strategic-interests/> (data obrashheniya: 07.07.2019).
16. 《中国的北极政策》白皮书 [Belaya kniga "Arkticheskaya politika Kitaya]. 26.01.2018. URL: <https://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm> (data obrashheniya: 10.05.2019).

Лексютина Я. В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией.

В статье определяется общая и различающаяся арктическая повестка Китая и Индии, охарактеризованы стратегии двух стран в Арктике, обоснован тезис о "реактивном" характере арктической политики Дели, определены факторы, сдерживающие индийскую активность в арктических вопросах, а также продемонстрирован масштаб участия Китая и Индии в арктическом сотрудничестве с Россией. Цель статьи – аргументировать тезис о том, что, несмотря на наличие общих для Китая и Индии черт (развивающиеся страны, претендующие на особую роль в мировой политике, морские державы, крупные потребители энергоресурсов, неарктические государства и пр.), интересы этих двух стран в Арктике, их арктическая политика и масштаб их арктического сотрудничества существенно различаются.

Ключевые слова: *Арктика, Китай, Индия, китайско-индийские отношения, арктическая политика, Ледяной Шёлковый путь, морские коммуникации*

Leksyutina Y. V. China and India in the Arctic: interests, strategies, and cooperation with Russia.

The article identifies the shared and divergent Arctic agenda of China and India, characterizes the strategies of the two countries in the Arctic, backs the thesis about the "reactive" nature of the Arctic policy of Delhi, identifies factors that restrain Indian activity in the Arctic affairs, and also demonstrates the scale of the participation of China and India in the Arctic cooperation with Russia. The article aims at demonstrating that, despite the features common to China and India (they are developing countries, claiming a special role in world politics, maritime powers, large energy consumers, non-Arctic states, etc.), the interests of these two countries in the Arctic, their Arctic policies and the scale of their Arctic cooperation vary significantly.

Key words: *Arctic, China, India, Sino-Indian relations, Arctic policy, Ice Silk Road, SLOCs*

Для цитирования: Лексютина Я. В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 40–48. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/40-48

For citation: Leksyutina Y. V. China and India in the Arctic: interests, strategies, and cooperation with Russia // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 40–48. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/40-48

УДК 327

Золотухин И. Н., Туманов Ю. В., Веселов И. Р.

Сингапур в меняющейся Арктике: проблемы сотрудничества и безопасности

Введение. Превращению Арктики в ключевой ареал мировой политики способствовали как усилия циркумполярных государств, обеспечивших трансформацию региона из театра холодной войны в мозаику сотрудничества [41, р. 11], так и климатические изменения, превратившие ледяные просторы в объекты хозяйственного освоения и возможные полигоны столкновений геополитических амбиций.

Продолжающаяся интеграция Арктики в глобальные экономические и политические процессы не оставляет без внимания ее ресурсные кладовые, в которых, по мнению экспертов, содержатся колоссальные мировые запасы углеводородов: приблизительно 13% еще не обнаруженных мировых залежей нефти и до 30% запасов газа [6]. Возрастание стратегического значения Арктики в международных отношениях во многом обусловлено вовлечением в ее пределы внерегиональных игроков. Особое внимание исследователей привлекает арктическое направление внешней политики азиатских государств – Китая, Японии, Кореи, Индии, Сингапура, которые по темпам экономического развития и по совокупным экономическим показателям находятся в авангарде мировых процессов.

Признанием международной репутации "азиатской пятерки" стало обретение ими в 2013 г. статуса наблюдателей в Арктическом совете (АС)¹ и открывшиеся возможности участия в обсуждении вопросов природоохранной деятельности, освоения и развития арктического региона. С другой стороны, расширение и дифференциация международных связей за полярным кругом не только не снимает с повестки дня арктических государств проблему выработки оптимальной национальной стратегии, направленной на сглаживание противоречий в Арктике и развитие взаимовыгодного сотрудничества, но становится вызовом безопасности в регионе. Ситуация усугубляется тем, что арктические державы имеют различные представления о национальных границах и своих сферах влияния в Арктике и не все из них законодательно утвердили специальные акты о статусе арктических зон [4, с. 349]. Обратной стороной интернационализации Арктики, играющей ключевую роль в формировании планетарного климата, является нарушение хрупкого экологического баланса, изменение которого приведет к глобальным катастрофам.

Таким образом, вовлечение новых игроков в арктические процессы обостряет старые и создает новые проблемы, требующие взвешенного подхода и конструктивного взаимодействия. В этом отношении показателен пример Сингапура – маленького города-государства, для которого обеспечение предсказуемой внешней среды посредством налаживания и укрепления сотрудничества как на региональном, так и глобальном уровнях стало залогом успеш-

¹ Арктический совет (АС) – межправительственный форум, содействующий сотрудничеству, координации и взаимодействию между арктическими государствами, коренными общинами и другими обитателями Арктики по общим вопросам, касающимся, в том числе, устойчивого развития и защиты окружающей среды [37].

© Золотухин И. Н., Туманов Ю. В., Веселов И. Р., 2019

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

ТУМАНОВ Юрий Владимирович, аспирант Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** yutway@mail.ru

ВЕСЕЛОВ Илья Романович, магистрант Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** ilyaveselov1997@mail.ru

ного развития. Благодаря избеганию конфронтации и политике открытости Сингапур становится важнейшим мировым финансовым, транспортным и информационным хабом, приобретает колоссальный международный авторитет [3, с. 146].

Сингапур позиционирует себя как надежного партнера и честного посредника, нацеленного на долгосрочное сотрудничество и конструктивные решения, в том числе в арктических вопросах [39]. Статус глобального города обусловил вовлечение Сингапура в дела глобализующейся Арктики [32, р. 66]. В настоящее время к приоритетным сферам арктической политики Сингапура относятся научно-исследовательское направление, международное сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды и безопасности судоходства, содействие устойчивому экономическому развитию Арктики, гуманитарное сотрудничество и инвестиции в человеческий капитал.

Риски и возможности. Одним из определяющих факторов вовлечения Сингапура в Арктику является его уязвимость от последствий, вызванных природными метаморфозами. Происходящие за северным полярным кругом процессы (сокращение годовых максимумов арктического ледового покрова, выбросы метана в результате таяния вечной мерзлоты, двукратное увеличение среднегодовой температуры воздуха) серьезно беспокоят сингапурское руководство [35]. Глобальное потепление представляет для Сингапура экзистенциальную угрозу, поскольку повышение уровня океана в результате таяния арктических льдов может привести не только к нехватке пресной воды и распространению тропических болезней, но и к затоплению города. Еще одной опасностью, подстерегающей не только Сингапур, но и все человечество, представляются смертоносные бактерии, которые выходят на свет из-под покровов вечной мерзлоты [2]. Таким образом, экологические проблемы Арктики стали неотъемлемой частью политического дискурса и научных исследований Сингапура.

Проникновение новых игроков влияет на экологический баланс в Арктике: таяние ледников способствует активизации экономической активности, что, в свою очередь, может усилить эффект потепления, создавая тем самым ситуацию "полярного парадокса" [33]. Сингапур обеспокоен решением этой проблемы и делает ставку на использование в Арктике энергосберегающих и зеленых технологий, параллельно выполняя международные обязательства в сфере экологии.

В то же время положение глобального хаба и активное вовлечение в международные экономические процессы ставят Сингапур перед необходимостью выработки эффективной геоэкономической стратегии в Арктике, особенно в свете роста тенденций хозяйственного освоения региона, обусловленного активизацией арктических и неарктических игроков [23, р. 189]. Сингапур является мировым лидером в производстве передовой техники, необходимой для осуществления морского бурения в суровых климатических условиях. Ему принадлежит 70% мирового рынка морских буровых установок и 2/3 рынка плавучих установок для добычи, хранения и отгрузки нефти. [40, р. 15]. Компания Keppel Corporation является одним из крупнейших в мире производителей морских нефтяных платформ. Качество бурового оборудования ее дочерних предприятий – Keppel Singmarine, Keppel Offshore and Marine Technology, Keppel FELS – получило международное признание. Еще одно из направлений сингапурской промышленности – технологии, необходимые для проведения поисково-спасательных операций в экстремальных районах [31].

Недавно компания Keppel выдвинула проект строительства в Арктике плавучего города с целью развития арктического туризма и повышения экономической привлекательности региона [31]. В то же время его воплощение требует согласования со стороны арктических держав. Кроме того, присутствие плавучего города допускает вероятность сестейдинга², что может усугубить геополитическую обстановку в Арктике.

² Сестейдинг – термин произошел в результате из комбинации английских слов sea – море и homestead – усадьба. Это концепция, подразумевающая строительство объектов, плавающих в открытом море вне юрисдикции какой-либо страны, и проживание в свободных сообществах, не зависящих от воли государства. В качестве плавучих объектов могут быть использованы пе-

Технологические преимущества Сингапура позволяют ему вкладывать деньги в модернизацию энергетической инфраструктуры арктических стран, внедряя альтернативные источники электроэнергии, а также разрабатывать обустройство энергоэффективных жилых комплексов [34]. Тем самым технологии помогают достижению в Арктике баланса между экономическим развитием и защитой окружающей среды.

Трансформация Арктики не исключает активизации морских транспортных коридоров, альтернативных традиционному трафику через Малаккский пролив, что может стать серьезным вызовом для Сингапура. Освобождение Северного Ледовитого океана ото льда стимулирует развитие коммерческого судоходства в Арктике. В начале XXI в. реанимируется проект Северного морского пути (СМП). Несмотря на то, что эксплуатация СМП ограничена климатическими особенностями Арктики, отсутствием адекватной сервисной инфраструктуры обслуживания судов, а объем перевозок составляет около 1% от транзита грузов через Суэцкий канал [9], данный транспортный коридор обладает рядом конкурентных преимуществ по сравнению с Суэцким и Панамским каналами: меньшей протяженностью и более низкой стоимостью фрахта судна (за счёт снижения продолжительности рейса), отсутствием платы за транзит и пропускных ограничений, меньшими топливными расходами и издержками на оплату труда персонала, минимальными рисками безопасности [5, с. 20].

В то же время Сингапур, обладающий развитой портовой инфраструктурой, а также опытом управления морскими перевозками мог бы стать одним из ключевых игроков в обустройстве арктических маршрутов [16]. Тропическая страна заинтересована в создании трансарктического узла на Алеутских островах, исследуя возможность порта Адак для превращения его в перевалочный пункт, где будут обслуживаться суда полярного класса и транспортироваться грузы с севера на юг и с юга на север [19, р. 15].

Серьёзно повлиять на траекторию глобальных морских путей способны китайские инициативы в Арктике. Реализация Полярного шелкового пути позволит китайским портам, шесть из которых входят в десятку самых крупных по грузообороту в мире, стать важным звеном трансарктического судоходства и составить конкуренцию Сингапуру, хотя не исключено, что последний будет вовлечен в полярные проекты Поднебесной.

Серьезными рисками для сингапурских интересов является арктическая гонка, происходящая на фоне трендов к милитаризации региона [8, с. 17]. Доступная Арктика становится зоной демонстрации военной мощи и передовым районом для обеспечения безопасности Северной Америки, Азии и Европы. В случае нагнетания военно-политического противостояния в Арктике Сингапур, являясь членом Содружества и имея партнёрство по стратегическим вопросам с США и Великобританией, может косвенно оказаться вовлечен в геополитические пертурбации [10].

Несмотря на то, что Сингапур является новым игроком в Арктике, за последние годы она перестала быть для него terra incognita, что объясняется стремлением тропического государства исследовать регион и активно участвовать в международном сотрудничестве с циркумполярными игроками.

Арктические исследования Сингапура. Вовлечение Сингапура в Арктику связано с научно-исследовательскими аспектами. Изучение Арктики направлено на получение новых знаний об арктических процессах, а участие в научных проектах и форумах позволяет городу-государству участвовать в обсуждении и разработке решений арктических проблем, касающихся интересов Сингапура.

Ведущая роль в изучении Арктики и налаживании контактов с учеными и экспертами из арктических стран принадлежит Национальному университету Сингапура (НУС). Арктические и околоарктические проблемы входят в фокус исследований еще одного крупного вуза Сингапура – Наньянского технологического университета, а также Сингапурского морского института.

НУС подписал меморандумы о взаимопонимании с Аляскинским университетом (г. Фэрбенкс) и Арктическим университетом Норвегии (г. Тромсё).

При его содействии проводятся форумы, конференции и семинары по изучению климатических, энергетических, инфраструктурных, международно-правовых проблем Арктики. В частности в сентябре 2017 г. в Сингапуре прошел форум "Арктические рубежи", где рассматривались геополитические, экологические и деловые перспективы региона, а также проблемы международного сотрудничества и практики устойчивого развития [28]. В августе 2018 г. Институт энергетических исследований НУС принимал участников семинара по проекту "Атлас возобновляемых источников энергии в Арктике", созданному рабочей группой Арктического Совета по устойчивому развитию [18, р. 2]. С целью привлечения внимания к арктическим проблемам молодых ученых на базе вуза проводятся молодежные дискуссионные площадки. Примером является прошлогодний семинар "Значение меняющейся Арктики для Сингапура" [42].

Представители Сингапура участвуют в международных научных мероприятиях по проблемам Арктики. В ноябре 2015 г. в Сингапуре прошел авторитетный форум "Полярный круг"³, на котором обсуждались проблемы судоходства, исследования мирового океана, финансирование инфраструктуры, а также присутствия в Арктике азиатских стран и глобального сотрудничества по вопросам Арктики [25]. С сентября 2016 г. сингапурские ученые задействованы в ежегодной научной конференции "Арктические рубежи", на которой представлены сессии по политическому сотрудничеству, научной дипломатии и ответственному бизнесу [35]. В 2019 г. в рамках темы "Умная Арктика" на форуме обсуждалось использование новых технологий для достижения баланса между развитием и защитой окружающей среды Арктики [34]. Руководство Сингапура дважды принимало участие в Международном арктическом форуме, организованном Государственной комиссией РФ по развитию Арктики [38]. Практика научных площадок позволяет Сингапуру не только развивать взаимодействие с учеными арктических стран и получать оперативную информацию об арктических проблемах, но также делиться собственными наработками в данной области и доносить информацию о значимости изучения Арктики в неарктических регионах.

Приоритетными областями арктических исследований для Сингапура являются природно-климатические изменения за северным полярным кругом, арктическое судоходство, энергетический потенциал региона и перспективы развития возобновляемой энергетики, реализация инфраструктурных проектов, проблемы адаптации коренных народов Арктики к меняющимся условиям внешней среды, роль Сингапура в арктической экосистеме (прежде всего, в качестве места для остановки перелетных птиц из Арктики), а также внедрение инновационных технологий на крайнем севере. В Сингапуре строятся несколько арктических исследовательских лабораторий, а также глубоководный бассейн, где моделируются условия гидросферы Арктики [26].

Исследование Арктики имеет большое значение для оценки уязвимости региона и его влияния на будущее Сингапура. Контакты сингапурских ученых и экспертов с коллегами из арктических государств помогают выстраиванию второй дорожки арктической дипломатии Сингапура, что помогает налаживанию конструктивного сотрудничества и партнерских отношений для продвижения арктического диалога.

Арктическая дипломатия Сингапура. Ключевым аспектом сингапурской арктической дипломатии помимо участия в региональных форумах является налаживание сотрудничества в рамках АС и развитие двусторонних отношений со странами Арктики. В настоящее время Сингапур участвует в мероприятиях и инициативах рабочих и целевых групп АС, а также уделяет особое внимание партнерству с циркумполярными странами, с которыми удалось наладить сотрудничество по вопросам развития морского судоходства и логистики, управления морскими ресурсами, охраны окружающей среды.

³ Полярный круг (Arctic circle) – некоммерческая международная организация, основанная в 2013 г. с целью осуществления диалога и сотрудничества для решения проблем, стоящих перед Арктикой. В работе ассамблеи и форумов организации участвуют представители правительственных структур, международных организаций, корпораций, университетов, аналитических центров, экологических ассоциаций, коренных общин, а также заинтересованные в развитии Арктики граждане и иные лица [17].

Примером успешного двустороннего взаимодействия является Норвегия, с которой было оформлено 6 меморандумов о взаимопонимании. Стороны завершили 19 совместных проектов в области исследований морской среды, разработки устойчивой энергетики, реконструкции морской инфраструктуры, проведения морских операций и обеспечения информационно-коммуникационных технологий для безопасного коммерческого судоходства [27]. Укрепление отношений и развитие стратегического сотрудничества в морском секторе является ключевым аспектом двустороннего взаимодействия между Сингапуром и Данией.

Арктический вектор отношений Сингапура с остальными циркумполярными странами акцентирован на реализации совместных научно-исследовательских, опытно-конструкторских и образовательных проектов, в которых принимают участие как правительственные, так и общественные структуры. Параллельно изыскиваются возможности для привлечения сингапурского бизнеса в экономическое развитие Арктики.

Международный имидж Сингапура как ключевого мирового центра экспертизы в области морского судоходства, который придерживается принципов многостороннего сотрудничества, дает ему возможность участвовать в обсуждении и формировании международных морских режимов в Арктике. Не менее привлекательным для укрепления арктических позиций тропического государства является налаживание связей с организациями, представляющими интересы коренных народов Арктики и обладающими статусом постоянных членов Арктического Совета.⁴

Признавая значимость организаций коренных общин Арктики, Сингапур реализует инструменты "мягкой силы", используя свой потенциал лидера в сфере академической мобильности и опыт эффективного инвестирования в развитие человеческого капитала. В 2013 г. Сингапур запускает специальный проект – Пакет сотрудничества с постоянными участниками Арктического Совета, схожий с Сингапурской программой сотрудничества, созданной в 1992 г. под эгидой Министерства иностранных дел и направленной на реализацию учебных программ, призванных распространить опыт социально-экономического развития Сингапура в странах ЮВА и Ближнего Востока [20, p. 931]. Большое значение в реализации проекта играют сингапурские вузы.

Проект предоставляет бесплатные образовательные услуги в области государственного управления, администрирования, экологии, проведения морских исследований. Он призван не только содействовать развитию коренных жителей Арктики, но и привлекать сингапурских исследователей к изучению арктических проблем, в том числе опыта проживания автохтонов Заполярья в суровых условиях. Кроме того, талантливая молодежь из стран Арктики может стать потенциальным интеллектуальным ресурсом для Сингапура. Подобные проекты пропагандируют сингапурскую культуру и ценности и способствуют формированию позитивного имиджа города-государства, создавая основу для доверительных отношений и партнерства [24 p. 354]. Развитие сотрудничества с коренными общинами Арктики помогает Сингапуру проецировать свои интересы в арктических делах и укреплять позиции в регионе.

Арктическая дипломатия Сингапура строится на его репутации ответственного участника международных отношений, города-государства с высоким уровнем жизни, выступающего за стабильность и сотрудничество на мировой арене. Сингапур стремится использовать свои технологии, дипломатический опыт и образовательные инструменты для того, чтобы занять достойное место в мировых экономических и политических процессах. Связывая свое будущее с положением дел в Арктике, Сингапур рассматривает сотрудничество с Россией как необходимое условие приобщения к освоению северных широт и сохранению ведущего положения в новой конфигурации глобальных морских транспортных коммуникаций в случае активизации трансарктического транзита.

⁴ На сегодняшний момент к ним относятся Международная ассоциация алеутов, Арктический совет атакасков, Международный совет гвичинов, Циркумполярный совет инуитов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и Совет саамов [37].

Россия и Сингапур. Арктическая повестка имеет огромное значение для России, обладающей солидным природноресурсным потенциалом в регионе, а также выгодным геополитическим положением. Развитие Арктики является приоритетным направлением обеспечения экономических интересов и национальной безопасности нашей страны, поэтому данному вопросу уделяется особое внимание. Показателем серьезности намерений российского правительства в освоении Арктики стал запуск проектов освоения арктических месторождений ("Ямал СПГ", "Арктик СПГ-1", Арктик СПГ-2", "Арктик СПГ-3) и обеспечения транспортной инфраструктуры морских (Северный морской путь) и сухопутных магистралей (Северный широтный ход) Крайнего Севера. Кроме того в российскую арктическую программу входит развитие ледокольного флота [7].

Однако для реализации крупномасштабных планов за полярным кругом требуются значительные средства, в том числе зарубежные. На проекты в Арктике приходится около 10% российского ВВП и почти 20% российского экспорта [13]. Только капиталовложения в "Ямал СПГ" и "Арктик СПГ-2", составят 37 млрд \$ [1], а в ближайшее время потребуются 163 млрд \$ дополнительных инвестиций [13]. В качестве крупнейших инвесторов в иницируемые Россией арктические проекты выступают восточноазиатские страны, прежде всего, Китай, крайне заинтересованный в добыче и поставках углеводородов и минеральных ресурсов, а также в возможностях получения прибыли от трансконтинентальных маршрутов. Преимущества Поднебесной в освоении арктических недр России неоспоримы, но для российских интересов в Арктике выгодно укрепление партнерских связей и с другими игроками, особенно с теми, кто обладает опытом применения природосберегающих технологий добычи полезных ископаемых, строительства высокоспециализированной инфраструктуры морских портов, создания ледостойких буровых платформ и ледоколов.

Арктическое сотрудничество между Россией и Сингапуром неоднократно обсуждалось на официальном уровне [12], но создание партнерских отношений в этом направлении пока видится лишь в перспективе. Большое значение в двустороннем диалоге играет межправительственная комиссия, курирующая вопросы содействия обеспечению российско-сингапурского взаимодействия. Проблемами развития и активизации сотрудничества между деловыми кругами двух стран занимается Российско-Сингапурский Деловой Совет (РСДС), деятельность которого направлена на увеличение высокотехнологичной продукции в российско-сингапурском товарообороте, в том числе путем привлечения инновационных компаний к совместным проектам [11].

Сингапур развивает отношения с Россией в области арктических исследований [15], предлагает технологии, устойчивые к работе в условиях Крайнего Севера, проявляет интерес к совместным проектам освоения Арктики. В 2008 г. предприятие Keppel Singmarine построило для компании "Лукойл-Калининградморнефть" ледоходы "Варандей" и "Тобой" [22]. Сингапурские компании заинтересованы вкладывать деньги в модернизацию инженерных сооружений российского Севера, развивать здесь туристический сектор и, безусловно, участвовать в геологоразведке и добыче нефти и газа [14]. В ноябре прошлого года сингапурская компания Pavilion Energy, поддерживаемая государственным холдингом Temasek, подписала меморандум о взаимопонимании с "Новатэк", крупнейшим в России независимым производителем газа. Компания рассматривает возможность участия в проекте "Арктик СПГ-2" [29]. Выгодным для сингапурских интересов может стать принятие нового закона РФ о доступе частных компаний к арктическому шельфу.

В контексте расширения российско-сингапурского арктического взаимодействия, особое внимание для сингапурских компаний представляет транспортно-логистическая инфраструктура обслуживания СМП, особенно территории Свободного порта. Функционирование портовых сооружений важно для обеспечения транзита углеводородов, поставки которых составляют львиную долю сингапурского импорта в структуре торговли с Россией, но, помимо этого, порты Дальнего Востока могут стать составляющей альтернативных морских коммуникаций. В то же время риски Сингапура потерять преимущество ведущего мирового морского хаба не столь очевидны в условиях необходимости кардинальной модернизации транспортных объектов СМП. Кроме того,

велика вероятность, что Сингапур легко впишется в новые транспортные сети в рамках полярных проектов Поднебесной, возможно, совместных с Россией.

Сотрудничество с Россией может стать одним из приоритетных направлений сингапурских внешних связей, что позволит городу-государству укрепить положение в Арктике. Председательство России в Арктическом совете с 2021 г. оставляет хорошие шансы для углубления двусторонних отношений. В свою очередь сотрудничество с Сингапуром дает России возможность для усиления позиций в ЮВА.

Заключение. Осознавая растущую значимость Арктики как одного из вероятных центров мировой политики, Сингапур стремится быть в авангарде игроков, не имеющих географического выхода к побережью Северного Ледовитого океана, но крайне озабоченных происходящими за северным полярным кругом процессами.

Не обладая потенциалом Китая, Сингапур намеренно выносит за скобки геополитические интересы и концентрирует внимание на решении экологических проблем и на многостороннем сотрудничестве в Арктике. Арктическая модель поведения "по-сингапурски" подразумевает необходимость развивать партнёрские отношения, параллельно акцентируя внимание на надёжность не только своих технологий, но и своих обещаний и намерений.

Технологические преимущества Сингапура дают ему возможность находиться не на последних ролях в освоении арктического пространства, а участие в АС позволяет наращивать субъектность в региональных вопросах. Вовлечение Сингапура в дипломатический диалог с арктическими государствами может способствовать экспорту переговорной модели ASEAN-way ("путь АСЕАН"), что позволит создать предпосылки для сглаживания противоречий и формирования дискуссионного формата по ключевым вопросам [3, с. 148]. Пример Сингапур показателен для активизации интереса других стран ЮВА к проблемам Арктики.

Литература

1. Арктик СПГ-2 [Электронный ресурс]. URL: <https://mph-cifal.ru/en/projects/project-info/article/1473144> (дата обращения: 05.09.2019).
2. В земных ледниках просыпаются опасные болезни // Hi-News.ru. 19.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhi-news.ru%2Fscience%2Fv-zemnyx-lednikax-prosypayutsya-opasnye-bolezni.html&d=1> (дата обращения: 18.07.2019).
3. Золотухин И. Н., Туманов Ю. В. Арктический азимут тропической страны // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 1(36). С. 145–158.
4. Золотухин И. Н. Государственные границы в Арктике и Антарктике // Введение в исследования границ / под ред. С. В. Севастьянова, Ю. Лайне, А. А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. 426 с. С. 348–371.
5. Золотухин И. Н. Северный морской путь как трансокеаническая магистраль. Проблемы освоения в аспекте интересов держав Северной Пацифики: взгляд из России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2(25). С. 16–29.
6. Кашин В. Арктическая кладовая // Ведомости, 25.07. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2008/07/25/arkticheskaya-kladovaya> (дата обращения: 10.07.2019).
7. Константин Лаптев: "Звезда" сама сможет полностью построить ледокол "Лидер" // РИА Новости. 05.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190905/1558341817.html> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Кравчук А. А. Угрозы национальной безопасности России в Арктике в условиях расширения военного присутствия НАТО // Проблематика обеспечения безопасности в Арктическом регионе в условиях расширения военного присутствия НАТО: сб. мат.-лов кр. стола / Под общ. ред. А. Л. Лукина, отв. ред. В. И. Волощак. Владивосток: ДВФУ, 2017. 110 с. С. 4–24.
9. Носков А. Ю. Северный морской путь против Суэцкого канала. Плюсы и минусы назревающей конкуренции между Москвой и Каиром // Независимая газета. 19.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/energy/2018-06-19/11_7247_nord.html (дата обращения: 30.07.2019).
10. От Великобритании до Сингапура: как мир делит шкуру "арктического" медведя // Regnum. Информационное агентство, 8.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1854698.html> (дата обращения: 26.07.2019).
11. Российско-сингапурский Деловой Совет при ТПП РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rsbctrade.ru/> (дата обращения: 29.08.2019).

12. Россию и Сингапур объединят проекты по совместному развитию арктической зоны – Валентина Матвиенко // East Russia. 17.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/rossiyu-i-singapur-obedinyat-proekty-po-sovmestnomu-razvitiyu-arkticheskoy-zony-valentina-matvienko/> (дата обращения: 18.08.2019).
13. Россия инвестирует в Арктику 86 млрд. \$// Новые известия. 28.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/news/economy/28-03-2019/rossiya-investiruet-v-arktiku-86-mlrd> (дата обращения: 26.08.2019).
14. Сингапурская компания предложила свои технологии по очистке водопроводной воды в Якутии // Якутия.инфо. 27.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://yakutia.info/article/180040> (дата обращения: 21.08.2019).
15. Чилингаров: Сотрудничество России и Сингапура по арктическим исследованиям активно развивается // The Arctic. 15.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.arctic.ru/international/20160315/316061.html> (дата обращения: 25.08.2019).
16. Чумаков М. Интересы стран Азии в Арктике в контексте сотрудничества с Россией и прецеденты их реализации // Деловые новости. 26.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://delonovosti.ru/analitika/3995-interesy-stran-azii-v-arktike-v-kontekste-sotrudnichestva-s-rossiey-i-precidenty-ih-realizacii.html> (дата обращения: 10.08.2019).
17. Arctic Circle. About [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arcticcircle.org/about/about/> (дата обращения: 17.08.2019).
18. Arctic Renewable Energy Atlas Project August 2018 Singapore Workshop Report. 2018. 50 p.
19. Bennett M. M. Singapore: The "Global City" in a Globalizing Arctic // Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 33 (25). Pp. 1–22.
20. Burke D. C., Saramago A. Singapore's Use of Education as a Soft Power Tool in Arctic Cooperation // Asian Survey. 2018. Issue 5 (Volume 58). Pp. 920–941.
21. Griffiths S. Will cities of the future FLOAT? \$167 million project using concrete platforms could be home to 300 people by 2020// Mail online. 8 July 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-3153412/Will-cities-future-FLOAT-167-million-project-using-concrete-platforms-home-300-people-2020.html> (дата обращения: 26.07.2019).
22. Keppel Singmarine first Asian yard to build icebreakers // Seatrade Maritime News. 3 November 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seatrade-maritime.com/news/asia/Keppel-Singmarine-first-Asian-yard-to-build-icebreakers.html> (дата обращения: 28.08.2019).
23. Keskitalo E. C.H. International Region-Building: Development of the Arctic as an International Region. Cooperation and Conflict. 2007. Vol. 42. N. 2. Pp. 187–205.
24. Lee J. T. Soft Power and Cultural Diplomacy: Emerging Education Hubs in Asia // Comparative Education. 2015. Vol 51. N 3. Pp. 353–374.
25. Lee M. K. 6 things to know about the Arctic Circle Singapore Forum // The Straits Times. 12 November 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/environment/6-things-to-know-about-the-arctic-circle-singapore-forum> (дата обращения: 14.08.2019).
26. Lystseva M. Singapore is building Arctic research laboratories // The Arctic. 24.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic.ru/international/20180124/701231.html> (дата обращения: 24.08.2019).
27. MPA announces record seven agreements at Singapore Maritime Technology Conference, 25 April 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mpa.gov.sg/web/portal/home/media-centre/news-releases/detail/dc2beca8-df1b-427f-843a-b1160148a808> (дата обращения: 26.08.2019).
28. Participation at the Arctic Frontiers Seminar in Singapore [Электронный ресурс]. URL: <https://esi.nus.edu.sg/esi-highlights/news-item/2017/10/02/participation-at-the-arctic-frontiers-seminar-in-singapore> (дата обращения: 17.08.2019).
29. Pavilion Energy to consider role in Russian gas giant Novatek's \$35.3b LNG project // The Straits Times. 13 November 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/business/companies-markets/pavilion-energy-to-consider-role-in-russian-gas-giant-novateks-us255b> (дата обращения: 05.09.2019).
30. Roach J. A. GIL Guide to Arctic Issues for Arctic Council Observers. November 2018. 178 p.
31. Staalesen A. Singapore developers want to build floating city for Arctic tourism //The Independent Barents Observer. 24 January 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2019/01/24/arctic-floating-city-tourism-singapore-keppel-merchant-business-asia/> (дата обращения: 28.07.2019).
32. Storey I. The Arctic Novice: Singapore and the High North // Asia Policy. 2014. V. 18. Pp. 66–72.
33. Tan A. Arctic events will have big impact on Singapore January// The Straits Times. 21.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/world/europe/arctic-events-will-have-big-impact-on-singapore-sam-tan> (дата обращения: 14.08.2019).

34. Tan A. Lessons for the Arctic from Singapore's smart nation drive//The Straits Times. 22 January 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/world/europe/lessons-for-the-arctic-from-singapores-smart-nation-drive> (дата обращения: 17.08.2019).
35. Tan S. What is the connection between Singapore and the Arctic region?// Today Online. 24 May 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.todayonline.com/commentary/what-connection-between-singapore-and-arctic-region> (дата обращения: 16.08.2019).
36. Tan S. H. Singapore must guard against going the way of Venice // Today online. October 14, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.todayonline.com/singapore/spore-must-guard-against-going-way-venice> (дата обращения: 29.07.2019).
37. The Arctic Council: A backgrounder [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org/index.php/en/about-us> (дата обращения: 3.08.2019).
38. Visit by Minister of State, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Social and Family Development, Sam Tan to St Petersburg, Russia, for the 5th International Arctic Forum, 8 to 11 April 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2019/04/070419_MOS-Visit-to-Russia (дата обращения: 20.08.2019).
39. Vivian Balakrishnan outlines core principles guiding Singapore's foreign policy// The Straits Times. 18.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/vivian-outlines-core-principles-guiding-spores-foreign-policy> (дата обращения: 31.07.2019).
40. Watters S., Tonami A. Singapore: the Arctic Newcomer // The Circle. 2013. N 1. Pp. 13–15.
41. Young, O. R. Governing the Arctic: From Cold War Theater to Mosaic of Cooperation // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. N. 1. Pp. 9–15.
42. Youth Seminar "What a changing Arctic means for Singapore". Saturday, 01 September 2018 [Электронный ресурс]. URL: [http://esi.nus.edu.sg/docs/default-source/doc/esi-gcns-youth-seminar-\(final\).pdf?sfvrsn=2](http://esi.nus.edu.sg/docs/default-source/doc/esi-gcns-youth-seminar-(final).pdf?sfvrsn=2) (дата обращения: 21.08.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arktik SPG-2 [Электронный ресурс]. URL: <https://mph-cifal.ru/en/projects/project-info/article/1473144> (дата обращения: 05.09.2019).
2. V zemnykh lednikakh prosypayutsya opasnye bolezni // Hi-News.ru. 19.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhi-news.ru%2Fscience%2Fv-zemnykh-lednikakh-prosypayutsya-opasnye-bolezni.html&d=1> (дата обращения: 18.07.2019).
3. Zolotukhin I. N., Tumanov YU. V. Arkticheskij azimut tropicheskoy strany // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2016. № 1(36). S. 145–158.
4. Zolotukhin I. N. Gosudarstvennye granitsy v Arktike i Antarktike //Vvedenie v issledovaniya granits / pod red. S. V. Sevast'yanova, YU. Lajne, A. A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 426 s. S. 348–371.
5. Zolotukhin I. N. Severnyj morskoy put' kak transokeanicheskaya magistral'. Problemy osvoeniya v aspekte interesov derzhav Severnoj Patsifiki: vzglyad iz Rossii // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 2(25). S. 16–29.
6. Kashin V. Arkticheskaya kladovaya // Vedomosti, 25.07. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2008/07/25/arkticheskaya-kladovaya> (дата обращения: 10.07.2019).
7. Konstantin Laptev: "Zvezda" sama smozhet polnost'yu postroit' ledokol "Lider" // RIA Novosti. 05.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190905/1558341817.html> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Kravchuk A. A. Ugrozy natsional'noj bezopasnosti Rossii v Arktike v usloviyakh rasshireniya voennogo prisutstviya NATO// Problematika obespecheniya bezopasnosti v Arkticheskome regione v usloviyakh rasshireniya voennogo prisutstviya NATO: sb. materialov kr. stola / Pod obshh. red. A. L. Lukina, otv. red. V. I. Voloshhak. Vladivostok: DVFU, 2017. 110 s. S. 4–24.
9. Noskov A. YU. Severnyj morskoy put' protiv Suehtskogo kanala. Plyusy i minusy nazrevayushhej konkurentsii mezhdru Moskvoy i Kairom // Nezavisimaya gazeta. 19.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/energy/2018-06-19/11_7247_nord.html (дата обращения: 30.07.2019).
10. Ot Velikobritanii do Singapura: kak mir delit shкуру "arkticheskogo" medvedya // Regnum. Informatsionnoe agentstvo, 8.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1854698.html> (дата обращения: 26.07.2019).
11. Rossijsko-singapurskij Delovoj Sovet pri TPP RF [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rsbctrade.ru/> (дата обращения: 29.08.2019).

12. Rossiya i Singapur ob"edinyat proekty po sovместnomu razvitiyu arkticheskoy zony – Valentina Matvienko // East Russia. 17.03.2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/rossiyu-i-singapur-obedinyat-proekty-po-sovместnomu-razvitiyu-arkticheskoy-zony-valentina-matvienko/> (data obrashheniya: 18.08.2019).
13. Rossiya investiruet v Arktiku 86 mlrd. \$// Novye izvestiya. 28.03.2019 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://newzv.ru/news/economy/28-03-2019/rossiya-investiruet-v-arktiku-86-mlrd> (data obrashheniya: 26.08.2019).
14. Singapurskaya kompaniya predlozhila svoi tekhnologii po oчитstke vodoprovodnoj vody v YAKutii // YAKutiya.info. 27.04.2017 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://yakutia.info/article/180040> (data obrashheniya: 21.08.2019).
15. CHilingarov: Sotrudnichestvo Rossii i Singapura po arkticheskim issledovaniyam aktivno razvivaetsya // The Arctic. 15.03.2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ru.arctic.ru/international/20160315/316061.html> (data obrashheniya: 25.08.2019).
16. CHumakov M. Interesy stran Azii v Arktike v kontekste sotrudnichestva s Rossiej i pretседnity ih realizatsii // Delovye novosti. 26.06.2017 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://delonovosti.ru/analitika/3995-interesy-stran-azii-v-arktike-v-kontekste-sotrudnichestva-s-rossiej-i-pretседnity-ih-realizacii.html> (data obrashheniya: 10.08.2019).
17. Arctic Circle. About [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.arcticcircle.org/about/about/> (data obrashheniya: 17.08.2019).
18. Arctic Renewable Energy Atlas Project August 2018 Singapore Workshop Report. 2018. 50 p.
19. Bennett M. M. Singapore: The "Global City" in a Globalizing Arctic // Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 33 (25). Pp. 1–22.
20. Burke D. C., Saramago A. Singapore's Use of Education as a Soft Power Tool in Arctic Cooperation // Asian Survey. 2018. Issue 5 (Volume 58). Pp. 920–941.
21. Griffiths S. Will cities of the future FLOAT? \$167 million project using concrete platforms could be home to 300 people by 2020// Mail online. 8 July 2015 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-3153412/Will-cities-future-FLOAT-167-million-project-using-concrete-platforms-home-300-people-2020.html> (data obrashheniya: 26.07.2019).
22. Keppel Singmarine first Asian yard to build icebreakers // Seatrade Maritime News. 3 November 2008 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.seatrade-maritime.com/news/asia/Keppel-Singmarine-first-Asian-yard-to-build-icebreakers.html> (data obrashheniya: 28.08.2019).
23. Keskitalo E. C.H. International Region-Building: Development of the Arctic as an International Region. Cooperation and Conflict. 2007. Vol. 42. N. 2. Pp. 187–205.
24. Lee J. T. Soft Power and Cultural Diplomacy: Emerging Education Hubs in Asia // Comparative Education. 2015. Vol 51. N 3. Pp. 353–374.
25. Lee M. K. 6 things to know about the Arctic Circle Singapore Forum // The Straits Times. 12 November 2015 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/environment/6-things-to-know-about-the-arctic-circle-singapore-forum> (data obrashheniya: 14.08.2019).
26. Lystseva M. Singapore is building Arctic research laboratories // The Arctic. 24.01.2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://arctic.ru/international/20180124/701231.html> (data obrashheniya: 24.08.2019).
27. MPA announces record seven agreements at Singapore Maritime Technology Conference, 25 April 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.mpa.gov.sg/web/portal/home/media-centre/news-releases/detail/dc2beca8-df1b-427f-843a-b1160148a808> (data obrashheniya: 26.08.2019).
28. Participation at the Arctic Frontiers Seminar in Singapore [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://esi.nus.edu.sg/esi-highlights/news-item/2017/10/02/participation-at-the-arctic-frontiers-seminar-in-singapore> (data obrashheniya: 17.08.2019).
29. Pavilion Energy to consider role in Russian gas giant Novatek's \$35.3b LNG project // The Straits Times. 13 November 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.straitstimes.com/business/companies-markets/pavilion-energy-to-consider-role-in-russian-gas-giant-novateks-us255b> (data obrashheniya: 05.09.2019).
30. Roach J. A. GIL Guide to Arctic Issues for Arctic Council Observers. November 2018. 178 p.
31. Staalesen A. Singapore developers want to build floating city for Arctic tourism // The Independent Barents Observer. 24 January 2019 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2019/01/24/arctic-floating-city-tourism-singapore-keppel-merchant-business-asia/> (data obrashheniya: 28.07.2019).
32. Storey I. The Arctic Novice: Singapore and the High North // Asia Policy. 2014. V. 18. Pp. 66–72.
33. Tan A. Arctic events will have big impact on Singapore January// The Straits Times. 21.01.2019 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.straitstimes.com/world/europe/arctic-events-will-have-big-impact-on-singapore-sam-tan> (data obrashheniya: 14.08.2019).

34. Tan A. Lessons for the Arctic from Singapore's smart nation drive//The Straits Times. 22 January 2019 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.straitstimes.com/world/europe/lessons-for-the-arctic-from-singapores-smart-nation-drive> (data obrashheniya: 17.08.2019).
35. Tan S. What is the connection between Singapore and the Arctic region?// Today Online. 24 May 2016 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.todayonline.com/commentary/what-connection-between-singapore-and-arctic-region> (data obrashheniya: 16.08.2019).
36. Tan S. H. Singapore must guard against going the way of Venice // Today online. October 14, 2013 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.todayonline.com/singapore/spore-must-guard-against-going-way-venice> (data obrashheniya: 29.07.2019).
37. The Arctic Council: A backgrounder [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://arctic-council.org/index.php/en/about-us> (data obrashheniya: 3.08.2019).
38. Visit by Minister of State, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Social and Family Development, Sam Tan to St Petersburg, Russia, for the 5th International Arctic Forum, 8 to 11 April 2019 [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2019/04/070419_MOS-Visit-to-Russia (data obrashheniya: 20.08.2019).
39. Vivian Balakrishnan outlines core principles guiding Singapore's foreign policy// The Straits Times. 18.07.2017 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/vivian-outlines-core-principles-guiding-spores-foreign-policy> (data obrashheniya: 31.07.2019).
40. Watters S., Tonami A. Singapore: the Arctic Newcomer // The Circle. 2013. N 1. Pp. 13–15.
41. Young, O. R. Governing the Arctic: From Cold War Theater to Mosaic of Cooperation // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. N. 1. Pp. 9–15.
42. Youth Seminar "What a changing Arctic means for Singapore". Saturday, 01 September 2018 [EHlektronnyj resurs]. URL: [http://esi.nus.edu.sg/docs/default-source/doc/esigcns-youth-seminar-\(final\).pdf?sfvrsn=2](http://esi.nus.edu.sg/docs/default-source/doc/esigcns-youth-seminar-(final).pdf?sfvrsn=2) (data obrashheniya: 21.08.2019).

Золотухин И. Н., Туманов Ю. В., Веселов И. Р. Сингапур в меняющейся Арктике: проблемы сотрудничества и безопасности.

Трансформация Арктики привлекает внимание со стороны внерегиональных государств, не только крайне озабоченных глобальными природно-климатическими изменениями, но и заинтересованных открывающимися перспективами реализации своего экономического и политического потенциала. В статье рассматриваются арктические интересы Сингапура, особенности его вовлечения в исследование Арктики, содержание деятельности в регионе. В работе отражены риски и возможности Сингапура в Арктическом регионе, направления арктических исследований, векторы международного сотрудничества, а также опыт взаимодействия с крупнейшей арктической державой – Россией. Методической основой работы является анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов и документов по исследуемой проблеме.

Ключевые слова: *Арктика, Сингапур, изменение климата, Арктический Совет, исследования Арктики, особенности его вовлечения в исследование Арктики, содержание деятельности в регионе, направления арктических исследований, векторы международного сотрудничества, опыт взаимодействия с крупнейшей арктической державой – Россией. Методической основой работы является анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов и документов по исследуемой проблеме.*

Zolotukhin I. N., Tumanov Yu. V., Veselov I. R. Singapore and Changing Arctic: the issues of cooperation and security.

The transformation of the Arctic attracts non-regional states' attention, which are not only extremely concerned about global climatic changes, but also interested in the emerging prospects for realizing their economic and political potential. The article discusses the Arctic interests of Singapore, the features of its involvement in Arctic research, the content of activities in the region. The risks and opportunities of Singapore in the Arctic region, the directions of Arctic research, the vectors of international cooperation, as well as the experience in interacting with the largest Arctic power – Russia are clarified in the work. The article is based on the analysis of the results of the Russian and foreign researchers as well as the data and documents on focused problem.

Key words: *Arctic, Singapore, climate change, Arctic Council, Arctic researches, international cooperation, Northern Sea route, Russo-Singaporean relations*

Для цитирования: Золотухин И. Н., Туманов Ю. В., Веселов И. Р. Сингапур в меняющейся Арктике: проблемы сотрудничества и безопасности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 49–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/49-60

For citation: Zolotukhin I. N., Tumanov Yu. V., Veselov I. R. Singapore and Changing Arctic: the issues of cooperation and security // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 49–60. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/49-60

Институт Конфуция ДВФУ и его деятельность по распространению китайского языка и знаний о Китае

2019 г. на российском Дальнем Востоке отмечен знаменательным событием – 120-летием вузовского востоковедения, важнейшей составной частью которого выступает китаеведение. Сегодня значительную роль в распространении знаний о Китае, в продвижении китайского языка выполняют зарубежные учебно-просветительские учреждения КНР – Институты Конфуция (при университетах), классы Конфуция (при школах). Первый зарубежный Институт Конфуция был открыт в Сеуле 21 ноября 2004 г., а первый такой институт в России появился во Владивостоке 21 декабря 2006 г. Через 12 лет в 154 странах и районах мира действовали 548 институтов Конфуция и 1193 класса Конфуция [35]. В результате их активной работы количество людей, изучающих китайский язык, выросло многократно и составило в 2014 г. 100 млн человек [21, с. 95].

В настоящее время прослеживается внимание российских и китайских исследователей к деятельности Институтов Конфуция как инструмента "мягкой силы" Китая, механизма интеграции или экспансии, развития международной образовательной среды, культурной глобализации и культурной регионализации КНР [20; 15; 23; 8; 21]. Некоторые исследователи, например, О. А. Борисенко, связывают появление Институтов Конфуция с культурной безопасностью Китая [6].

Несомненный интерес представляют публикации Ван Линь, Ван Чань-цзюань, Моу Сяньмин, Чэн Мо [9; 10; 32], Ю. А. Азаренко, С. А. Комиссарова, В. Д. Гвоздевича и др., в которых анализируются первые шаги работы Институтов Конфуция в России [1; 2; 3; 12], однако о такой структуре в ДВФУ лишь упоминается [5; 30]. Исключение составляют публикации К. А. Куриловой [19]. Несколько материалов о работе Института Конфуция ДВФУ поместил китайский журнал "Институт Конфуция" [7; 11; 28; 29; 31; 32].

Цель статьи – восполнить пробел, раскрыть объективную обусловленность создания Института Конфуция в ДВФУ, его предысторию и вклад в распространение китаеведения на Дальнем Востоке.

Источниками для данной статьи явились официальные сайты Ханьбань¹ и Института Конфуция ДВФУ; периодическая печать: издающийся в Китае журнал "Институт Конфуция", газеты "Дальневосточный университет" и "Остров. ру" с информационными и аналитическими сюжетами; материалы Текущего архива ДВФУ (ТА ДВФУ) и архива Института Конфуция ДВФУ (АИК ДВФУ), в которых содержатся сведения о начальной истории и деятельности Института Конфуция ДВФУ.

¹ 汉办(Hanban) является учебным заведением, которое непосредственно связано с Министерством образования Китайской Народной Республики, которое стремится предоставлять миру учебные ресурсы и услуги по китайскому языку и культуре, максимально удовлетворять потребности изучающих китайский язык за рубежом, способствовать развитию многокультурного общества и построению гармоничного мира.

Обстоятельства создания Института Конфуция в ДВФУ. Появление Института Конфуция в Дальневосточном университете не было случайностью, напротив, оно стало результатом взаимодействия целого ряда внешних и внутренних факторов.

На рубеже XX–XXI вв. Дальневосточный университет взял курс на интернационализацию образования, успешное вхождение в международное образовательное пространство, на повышение качества подготовки специалистов и уровня научных исследований. Университет стали посещать зарубежные гости и иностранные делегации, проходили обучение иностранные студенты, аспиранты, стажёры и слушатели. В свою очередь, учащиеся и преподаватели университета выезжали за границу в образовательных и научных целях.

ДВГУ очень внимательно и взвешенно относился к новым шагам в области образования в странах АТР. В 1987 г. Государственный департамент КНР и специально созданная под его руководством Канцелярия Ханбань начали активную деятельность по распространению китайского языка за рубежом.

Дальневосточный университет увидел ценность этой инициативы не только для самого вуза, но и для Дальневосточного региона. Университет занимал лидирующие позиции в области изучения китайского языка, китайской культуры и истории. Вместе с тем он имел неиспользованные ресурсы для развития китаеведения. В китаеведческом компоненте образования ряда учебных заведений региона также были проблемы, например, в Приморском крае отсутствовали центры повышения квалификации и переподготовки преподавателей китайского языка как иностранного [19, с. 279]. Население, прежде всего молодёжь, имели скудные знания о Китае. Китайский язык преподавался только в семи средних и высших специальных учебных заведениях [19, с. 279]. Для сравнения: в 2008/2009 академическом году их станет 27; число школьников, изучавших китайский язык, составит 3092 чел., а студентов – 2 353 чел. [4, с. 100, 101].

Несомненным успехом ДВГУ следует признать открытие в 2000 г. на его базе Центра китайского языка (ЦКЯ) – одного из трёх, созданных тогда в России. Содействие в решении этого вопроса оказали Министерство образования КНР и Госдепартамент КНР по распространению китайского языка за рубежом.

В течение нескольких лет ЦКЯ проводил большую работу: организовывал квалификационные экзамены HSK по китайскому языку; создавал уникальные учебники и учебно-методические пособия по китайскому языку; проводил курсы повышения квалификации для учителей китайского языка в школах и преподавателей высших учебных заведений Дальнего Востока и Забайкалья; практиковал региональный конкурс китайского языка и конкурсы по каллиграфии среди студентов и школьников. Центр способствовал установлению межвузовских контактов и осуществлению российско-китайских программ в области филологии и регионоведения с Хэйлунцзянским, Цзилиньским, Яньбяньским, Аньшаньским университетами, с Пекинским университетом языка и культуры, Ляонинским университетом иностранных языков, Гуандунским университетом иностранных языков и внешней торговли и др. [27]. Постепенно ЦКЯ приобрел ценный опыт деятельности в масштабах Дальнего Востока и опыт международного сотрудничества.

Это позволило ректору университета В. И. Курилову 1 сентября 2006 г. издать приказ о переименовании центра в Региональный центр китайского языка (РЦКЯ) с непосредственным подчинением проректору по международным отношениям В. П. Дикареву (ТА ДВФУ. Приказы по структуре на открытие, организацию, реорганизацию, переименование подразделений, институтов, кафедр).

Таким образом, изменилось не только название Центра, но и возрос его статус и масштаб деятельности, включавший координацию работы факультетов, кафедр и других структурных подразделений университета по организации и проведению мероприятий, направленных на дальнейшее совершенствование преподавания и популяризацию китайского языка на Дальнем Востоке России; развитие сотрудничества Дальневосточного университета с учреждениями образования и культуры Китайской Народной Республики.

Осенью 2006 г. ректор ДВГУ возложил на Региональный центр китайского языка ответственное поручение по организации Института Конфуция в вузе. Руководство Дальневосточного университета рассматривало открытие такого Института в качестве надежного средства диалога между Китаем и Россией, важного фактора китаеведческих знаний.

О том, какое значение в Китае придавали открытию Института Конфуция в ведущем вузе Дальнего Востока, свидетельствуют следующие факты.

28 февраля 2005 г. посол КНР в России Лю Гучан посетил Дальневосточный университет; во время встречи был затронут вопрос создания российско-китайского института на базе ДВГУ [27].

В июле этого же года министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин в ходе визита в ДВГУ сообщил о поддержке со стороны КНР указанного проекта [24].

21 декабря 2006 г. консул КНР в г. Хабаровске Фань Сяньчжун и ректор Дальневосточного университета В. И. Курилов подписали договор об открытии Института Конфуция [13, с. 329].

С 1 марта 2007 г. в соответствии с приказом по ДВГУ Институт Конфуция стал самостоятельным структурным подразделением университета. В его Правление (Совет) включили пять должностных лиц вуза (В. И. Курилова – ректора ДВГУ, В. П. Дикарева – проректора по международным связям, А. А. Хаматову – директора Восточного института, К. А. Курилову² – директора Регионального центра китайского языка, М. В. Гринцевич – директора Международного департамента ДВГУ) и Е. В. Черновицкую, начальника отдела высшего и профессионального образования и науки Департамента образования и науки Администрации Приморского края.

Нормативно-правовой базой создания Института Конфуция послужили несколько документов: во-первых, Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР от 14 октября 2004 г. об изучении русского языка в КНР и китайского языка в РФ; во-вторых, Протокол российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области культуры, образования и спорта; в-третьих, Соглашение между государственной канцелярией по преподаванию китайского языка за рубежом (Ханьбань) и ДВГУ. Позднее круг документов пополнился Соглашением между ДВФУ и Штаб-квартирой Института Конфуция / (Ханьбань) КНР (27 августа 2012 г.) и Соглашением между ДВФУ и Хэйлунцзянским университетом (4 июля 2013 г.).

Особое значение имел Устав Института Конфуция и его специальная статья "Финансирование", в которой было определено, что китайская сторона выделяет установленную сумму первоначального капитала для начала деятельности вновь созданного института Конфуция, а соотношение вложения финансов обеими сторонами обычно распределяется как 50/50 (АИК ДВФУ. Устав Института Конфуция).

Деятельность Института Конфуция ДВФУ. 2007 – 2018 гг. Деятельность Института Конфуция ДВФУ была направлена на содействие популяризации культурного наследия народов Китая среди граждан России. На институт возлагались ответственные задачи, с одной стороны, по научно-исследовательской работе в языкознании, истории, философии, культурологии, а с другой стороны – по распространению преподавания китайского языка и культуры, в том числе через разработку учебных программ, методических и дидактических пособий, проведение научно-практических и культурно-просветительских мероприятий [19, с. 282].

Поскольку Институт Конфуция являлся структурным подразделением Дальневосточного университета, главная его особенность виделась в многоплановом характере осуществляемой им учебной и научной деятельности.

Прежде всего обращалось внимание на то, чтобы, опираясь на изучение китайского языка и основ китайской культуры, повышать образовательный

² Курилова К. А. родилась в 1953 г. в Китае в семье ветеранов освободительной армии КНР. В 1977 г. она поступила на Восточный факультет ДВГУ. В университете Конкордия Александрина без отрыва от учёбы активно продолжала трудовую и общественную работу. В 1982 г. после окончания университета ей предложили остаться на кафедре. В 1988 г. в Институте стран Азии и Африки при МГУ Конкордия Александровна Курилова успешно защитила кандидатскую диссертацию по филологии на тему речевого этикета в современном китайском языке. С 2000 г. она возглавила Центр китайского языка.

уровень слушателей, прививать им конкретные знания, умения и навыки, создавать условия для их личностного и интеллектуального совершенствования, воспитывать у них высокую гражданскую ответственность, приверженность к общечеловеческим ценностям. Слушатели должны были получить представления о китайской культуре, как о выдающемся социокультурном феномене мирового значения, занимающем значительное и чрезвычайно важное место в жизни не только народов Азиатско-Тихоокеанского региона, но и всего человечества.

Для достижения поставленных задач планировалось, во-первых, преподавание целого ряда дисциплин, включая историю, философию Китая, современный китайский язык, право, каллиграфию, историю литературы Китая, теоретические основы китайской кулинарии и другие, способные усилить интерес слушателей к материалам, предлагаемым слушателям Института; во-вторых, совершенствование методики преподавания и создание собственных учебных пособий, учитывающих российскую специфику и специфику российско-китайских отношений [19, с. 283]. Например, следовало учитывать то, что российские учащиеся не привыкли оперировать иероглифической письменностью.

По утверждению директора Института Конфуция (2007–2018 гг.) Конкордии Александровны Куриловой, Институт работал по пяти направлениям. Первое касалось области образования и включало разработку и реализацию образовательных программ по циклам "Теория и практика китайского языка" и "Основы китайской культуры"; повышение квалификации учителей и преподавателей китайского языка; подготовку обучающихся в средних общеобразовательных учреждениях к сдаче квалификационного экзамена HSK по программе YCT (Детский экзамен HSK); подготовку студентов, переводчиков китайского языка и всех желающих к сдаче квалификационного экзамена HSK; проведение обучающих семинаров по китайскому языку и культуре; организацию учебных туров на родину Конфуция и в лучшие учебные заведения Китайской Народной Республики.

Второе направление затрагивало область методики образовательного процесса: создание центра повышения квалификации преподавателей китайского языка Дальнего Востока и Забайкалья; создание новых методических пособий, совершенствование имеющихся учебников, разработка новых, более качественных учебников; проведение конференций, семинаров и круглых столов, посвящённых проблемам методики преподавания основ китайского языка и культуры.

Область третьего направления – это научно-исследовательская работа, а именно организация на базе ДВГУ ежегодных "Конфуцианских чтений"; проведение научно-практических конференций, семинаров и круглых столов, в том числе и международного уровня.

Четвёртое направление делало акцент на культурно-просветительской работе: проведении конкурсов по китайскому языку, каллиграфии и иным дисциплинам; организации лекториев, фестивалей, концертов, способствовавших популяризации китайского языка и культуры.

Отдельным направлением проходила работа по созданию единого информационного пространства проекта "Институт Конфуция" – создание консультационных центров для информационной поддержки в таких областях, как право, бизнес, психологические и этнокультурные аспекты международных отношений и др.; открытие бюро переводов; осуществление издательской деятельности [19, с. 283, 284].

Результаты деятельности Института Конфуция ДВФУ видны на примере преподавания китайского языка, продвижения знаний о Китае. В Институте Конфуция ДВФУ преподавание китайского языка шло по разным программам: "Практический китайский язык" (базовый, начальный, средний 1, средний 2, высший курсы), "Деловой китайский язык", "Весёлый китайский язык". Слушатели имели возможность изучения каллиграфии, гимнастики тайцзицюань, у-шу и т. д. Всего – почти 30 разных образовательных программ, процесс реализации которых обеспечивался носителями китайского языка, обладавшими сертификатами, подтверждавшими квалификацию преподавателя китайского языка.

Таблица 1. Количество слушателей Института Конфуция ДВФУ)

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего
Слушатели	763	771	991	929	978	933	5365

Источник: (АИК ДВФУ. Отчёты Института Конфуция ДВФУ за 2013 г., 2014 г., 2015 г. и за другие годы).

Первый набор на курсы китайского в Институте Конфуция ДВГУ составил всего 24 чел. [18], однако, несмотря на платную форму обучения, три последующих учебных года (2007/2008, 2008/2009 и 2009/2010) дали внушительный результат: обучение в Институте Конфуция прошли 1512 чел. (подсчитано по: АИК ДВФУ. Отчёты Института Конфуция ДВФУ за 2007/2008 уч. г., за 2008/2009 уч. г., за 2009/2010 уч. г.)

Активный рост слушателей Института Конфуция отмечался и в 2010-е гг. Как свидетельствует *таблица 1*, за шесть лет, с 2013 г. по 2018 г., в Институте Конфуция ДВФУ китайский язык изучали 5365 чел. или в среднем 894 чел. в год; наивысшие показатели приходились на 2015 г. и 2017 г. – по 991 и 978 учащихся; наименьший (но тем не менее значительный) показатель был в 2013 г. – 763 чел.

Несомненный интерес представляет состав слушателей, отображенный в *таблице 2*. Приведенные цифры говорят о востребованности знаний китайского языка, знаний о Китае среди разных возрастных групп, начиная со школьников. Кстати, число школьников на протяжении всего рассматриваемого периода преобладало среди учащихся Института Конфуция и находилось на уровне приблизительно 74,5–76,5 %. Самый малый процент – от 9 % до 10,9 % – падал на студентов, в количественном выражении это от 70 до 103 чел. В отдельную группу слушателей входили люди уже работающие: 14–14,2 % от числа всех слушателей или от 107 чел. до 132 чел.

Курс в Институте Конфуция завершался экзаменом, по итогам которого выдавался сертификат. В 2008 г. Институт Конфуция ДВГУ первым в России и вторым в мире (после Института Конфуция в Сеуле, Республика Корея) провёл квалификационный экзамен УСТ для школьников.

Из показателей, отмеченных в *таблице 3*, видно, что за 11 лет (с 2008 г. по 2018 г.) квалификационный экзамен УСТ пожелали сдать 2519 чел., то есть в среднем 229 чел. каждый год. Несмотря на отдельные годы с низкими показателями числа претендентов на сдачу экзамена, можно констатировать положительную тенденцию, подтверждающую популярность китайского языка у школьников Дальнего Востока, своего рода "моду" на китайский язык [14, с. 244].

Кроме того, учащиеся имели возможность сдать экзамены HSK – по письменному китайскому языку, HSKK – по устному китайскому языку. Судя по той же диаграмме, с 2007 г. до 2018 г. включительно прослеживается устойчивый рост числа лиц, проявивших интерес к этому экзамену. Общий результат выразился в числе 4742 чел. Таким образом, всего за указанное время экзамены УСТ, HSK + HSKK объединили 7261 чел. Все виды экзаменов позволяли проверить как уровень владения китайским языком, так и качество преподавания в вузах и школах.

Безусловный интерес представляли бы данные о распределении лиц, успешно преодолевших экзамены, по полученным ими баллам (за весь изучаемый период или за тот или иной отдельный год). Пока авторы данной статьи не имеют в своём распоряжении такой статистики.

Тем, кто выдержал HSK – "китайский как иностранный" – вручался сертификат Министерства образования КНР, дающий право поступать в бакалавриат, магистратуру и аспирантуру китайских вузов либо участвовать в конкурсе на получение стипендии для стажировки в Китае; успешное прохождение экзамена давало преимущества при трудоустройстве в китайские и совместные российско-китайские организации, сотрудничающие с Китаем. Показательно, что по результатам экзаменационных испытаний в Институте Конфуция ДВФУ (2006–2016 гг.) 685 чел. были направлены на языковые стажировки в вузы КНР. Такая практика продолжалась и в 2017–2018 гг.

Таблица 2. Категории слушателей Института Конфуция ДВФУ

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Школьники	581	621	766	695	769	714
Студенты	75	69	103	102	100	85
Работающие	107	81	122	132	109	133
Всего	763	771	991	929	978	933

Источник: (АИК ДВФУ. Отчёты Института Конфуция ДВФУ за 2013 г., 2014 г., 2015 г. и за другие годы).

Важным направлением деятельности Института Конфуция ДВФУ являлась работа по повышению квалификации учителей и преподавателей китайского языка. Всего за 11 лет в данной форме приняли участие 1782 чел. В ходе методических мероприятий они анализировали типичные ошибки при изучении китайского языка, обсуждали оптимальные пути их устранения.

Второй аспект деятельности Института Конфуция ДВФУ включал осуществление культурно-просветительских мероприятий, прежде всего, ежегодно проводимый Региональный конкурс по китайскому языку среди студентов высших учебных заведений Дальнего Востока и Забайкалья – "Китайский язык – это мост" (汉语桥). Данный конкурс выполнял роль отборочного тура на Всероссийский и Всемирный конкурсы по китайскому языку. Общее число конкурсантов регионального конкурса с 2007 г. по настоящее время составило 462 конкурсанта. Студенты Владивостока, подготовленные китайскими преподавателями Института Конфуция, не раз становились победителями региональных конкурсов, а затем достойно представляли на Всероссийских и Всемирных конкурсах. Например, в 2012 г. студенты ДВФУ А. Сбоев, М. Панина, М. Завьялов, И. Подкуйко и студентка Амурского государственного университета (г. Благовещенск) – П. Каримова, представлявшие ВУЗы Дальнего Востока и Забайкалья во Всероссийском конкурсе, заняли первое командное место; в 2013 г. студенты ВИ – ШРМИ ДВФУ – М. Завьялов, А. Омельченко, Т. Лукьяненко, А. Сенцова и студентка Бурятского государственного университета О. Дорджиева (г. Улан-Удэ) тоже завоевали первое место в таком же конкурсе; в личном первенстве Всероссийского конкурса в 2018 г. успешно выступила студентка Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ Ю. Труфанова. Она получила право на годичную стажировку в вуз КНР.

Другой важный конкурс Института Конфуция ДВФУ – Приморский краевой конкурс по каллиграфии проводится при поддержке Штаб-квартиры Институтов Конфуция / Ханьбань и Генерального консульства КНР в г. Владивостоке. Всем известно, что искусство каллиграфии – одно из значимых явлений культуры Китая. Оно связано с национальной живописью, поэзией и музыкой и по решению ЮНЕСКО внесено в Список объектов нематериального всемирного наследия. Приморский конкурс по каллиграфии приобрел большую популярность среди школьников и студентов на Дальнем Востоке. Достаточно отметить число заявленных учебных заведений в нём: 2015 г. – 22, 2016 г. – 23, 2017 г. – 26, 2018 г. – 27 [25]. Можно сравнить эти показатели с 2011 г. – 10 учебных заведений, то есть, за 8 лет произошло увеличение в 2,7 раза. В орбиту конкурса попадали тысячи людей, даже в период сокращения числа участников: 2015 г. – 3292 чел., 2016 г. – 3106 чел., 2017 г. – 2816 чел., 2018 г. – 1627 чел. [25]. Приморский краевой конкурс по каллиграфии ручкой и кисточкой проводится ежегодно с 2007 г. За 11 лет в нём приняли участие 21 341 человек.

Всего в образовательных и культурно-просветительских программах Института Конфуция ДВФУ за 2007–2015 гг. приняли участие более 50 тысяч дальневосточников (АИК ДВФУ. Справка о деятельности Института Конфуция ДВФУ за 2007–2015 гг.).

Таким образом, исследование вопроса, вынесенного в название статьи, показало наличие объективных предпосылок создания Института Конфуция

Таблица 3. Количество зарегистрировавшихся на экзамены HSK + HSKK, YCT

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
HSK+HSKK	137	164	455	220	261	299	323	342	510	616	622	793
YCT	0	22	223	78	212	223	181	227	335	368	313	337

Источник: (АИК ДВФУ. Отчёты Института Конфуция ДВФУ за 2013 г., 2014 г., 2015 г. и за другие годы).

в Дальневосточном университете, обоюдное стремление китайской и российской сторон к этому. Своего рода предысторией Института Конфуция в вузе можно считать успешную деятельность в течение 2000–2006 гг. сначала Центра китайского языка, а затем Регионального центра китайского языка. За почти тринадцать лет Институт Конфуция Дальневосточного университета провёл огромную, разноплановую и весьма результативную работу по распространению китайского языка и знаний о Китае, по укреплению российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере. И в этой связи следует признать значительный вклад в решение указанных вопросов не только Министерства образования КНР и Госдепартамента КНР по распространению китайского языка за рубежом, но и ректората ДВГУ, лично Конкордии Александровны Куриловой.

Литература

1. Азаренко Ю. А. О деятельности Класе Конфуция НГУ в 2011 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 4. С. 187–190.
2. Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А. Программа китайского языка для школьников (опыт преподавания в Класе Конфуция ОМС НГУ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 4. С. 191–195.
3. Азаренко Ю. А. Лето студента-китаиста: языковая стажировка в Класе Конфуция НГУ в Тяньцзине // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 10. С. 203–206.
4. Арефьев А. Л. китайский язык в российской высшей школе: история и современность // Иностранные языки в высшей школе. 2011. № 1 (16). С. 94–105.
5. Бельченко А. С. Деятельность Института Конфуция в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 65–74.
6. Борисенко О. А. Институт Конфуция и культурная безопасность Китая // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 110–115.
7. Бочкарева А. Г. Олимпиада по китайскому языку и культуре для школьников Приморский край // Институт Конфуция. Май 2011. Выпуск 12. № 6. С. 15–16.
8. Бянкин К. Ю. Институт Конфуция и его место в культурной глобализации и культурной регионализации КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2014. № 15. С. 145–149.
9. Ван Линь, Шань Цюань, Чжао Юань. Деятельности Центра языка и культуры Китая (Класа Конфуция) ГФ НГУ В 2014 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 4. С. 128–131.
10. Ван Чаньцзюань, Моу Сяньмин. К вопросу о специфике преподавания китайского языка в Институте Конфуция в НГТУ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С. 21–23.
11. Во Владивостоке прошла олимпиада по китайскому языку и культуре среди школьников // Институт Конфуция. Май 2012. Выпуск 12. № 3. С. 25–26.
12. Гвоздевич В. Д. Концепции создания уральского Института Конфуция традиционной китайской медицины УГМУ как интеграционного механизма обучения западной и китайской медицине // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 5-1. С. 26–28.
13. Дальневосточный государственный университет. Русский остров в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К 110-летию со дня основания. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 228 с.

14. Данилик Д. А. Роль Института Конфуция в развитии культурного диалога между Россией и Китаем // Культурная экономика и экономизация культуры в системе современных обществ. Материалы юбилейной XV российско-китайской социологической конференции. Под редакцией Н. Г. Скворцова, А. В. Петрова, Ванг Жие, Динг Гоуки. 2018. С. 242–246.
15. Завьялова А. А. Институты Конфуция: интеграция или экспансия // Высшее образование сегодня. 2010. № 9. С. 54–59.
16. Институт Конфуция ДВГУ – лучший среди достойных // Дальневосточный университет. 2008. Декабрь.
17. Институт Конфуция ДВГУ отмечен на IV всемирном форуме [Институтов Конфуция в Пекине] // Дальневосточный университет. 2009. Ноябрь – декабрь.
18. Курилова Конкордия Александровна // Приморский край в лицах. Современная летопись. Владивосток: Издательский дом "АКМА", 2018. С. 122–123.
19. Курилова К. А. Проект "Институт Конфуция" в свете новых аспектов российско-китайских культурных отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 276–285.
20. Леконцева К. В. Институт Конфуция как инструмент "гибкой власти" Китая // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 7 (64). С. 27–31.
21. Ли Минфу. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке. Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 236 с.
22. Лю Сюся. Яркий "китайский мост" // Институт Конфуция. Май 2011. Выпуск 6. № 3. С. 26–28.
23. Михалевич Е. А. Роль Института Конфуция в развитии современной международной образовательной среды // Диалог культур - диалог о мире и во имя мира: материалы IX междунар. студ. научн.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 20 апреля 2017 г.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2018. С. 213–217.
24. Новый этап сотрудничества между Россией и Китаем // Дальневосточный университет. 2005. Июнь.
25. Новости – Институт Конфуция ДВФУ. URL: <http://confucius.dvfu.ru/news/> (дата обращения: 10 января 2019).
26. Официальный сайт Ханьбань. URL: <http://www.hanban.edu.cn/> (дата обращения: 09 января 2019).
27. Посол КНР в России познакомился с ДВГУ // Дальневосточный университет. 2005. Март.
28. Сонин В. Опыт жизни в Китае // Институт Конфуция. Май 2012. Выпуск 12. № 3. С. 62–64.
29. Цзу Сюэцин. Первая выставка современной китайской народной живописи в дальневосточном регионе России // Институт Конфуция. Июль 2012. Выпуск 13. № 4. С. 13–14.
30. Цзун Чэнцзюй. Деятельность Института Конфуция в контексте непрерывного образования молодежи // Непрерывное образование молодежи и рынок труда: отечественный и зарубежный опыт материалы междунар. научн.-практ. конф. (Благовещенск – Хайхэ, 17–19 ноября 2015 г.). Благовещенск: Изд-во БПИУ, 2018. С. 163–168.
31. Чжан Цзюнь. Как "расшевелить" учеников // Институт Конфуция. Май 2012. Выпуск 12. № 3. С. 28–29.
32. Чжан Яньли. Впечатления о жизни волонтера Института Конфуция во Владивостоке // Институт Конфуция. Март 2011. Выпуск 5. № 2. С. 38–41.
33. Чэн Мо. Текущая ситуация и дальнейшее развитие Школы Конфуция РГПИУ – МРК // Актуальные проблемы современного профессионального образования материалы I междунар. научн.-практ. конф. (Екатеринбург, 06 июня 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-т, Ин-т лингвистики. 2014. С. 115–122.
34. Ягья В., Ли Минфу. Институт Конфуция как фактор "мягкой силы" во внешней политике КНР в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 7. С. 84–93.
35. 13-я конференция Институтов Конфуция (第十三届孔子学院大会). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hanban.edu.cn/> (дата обращения: 04 января 2019).
36. HSK-2008 в ДВГУ: экзамен по китайскому языку для нового поколения // Дальневосточный университет. 2008. Март.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Azarenko Yu. A. O deyatel'nosti Klasse Konfutsiya NGU v 2011 godu // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11. № 4. S. 187–190.
2. Azarenko Yu. A., Komissarov S. A. Programma kitajskogo yazyka dlya shkol'nikov (opyt prepodavaniya v Klasse Konfutsiya OMS NGU) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11. № 4. S. 191–195.

3. Azarenko Yu. A. Leto studenta-kitaista: yazykovaya stazhirovka v Klasse Konfutsiya NGU v Tyan'tszine // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11. № 10. S. 203–206.
4. Arefev A. L. kitajskij yazyk v rossijskoj vysshej shkole: istoriya i sovremennost' // Inostrannye yazyki v vysshej shkole. 2011. № 1 (16). S. 94–105.
5. Bel'chenko A. S. Deyatel'nost' Instituta Konfutsiya v Rossijskoj Federatsii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshhaya istoriya. 2010. № 1. S. 65–74.
6. Borisenko O. A. Institut Konfutsiya i kul'turnaya bezopasnost' Kitaya // Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshhestve i cheloveke. 2017. № 8. S. 110–115.
7. Bochkareva A. G. Olimpiada po kitajskomu yazyku i kul'ture dlya shkol'nikov Primorskij kraja // Institut Konfutsiya. Maj 2011. Vypusk 12. № 6. S. 15–16.
8. Byankin K. Yu. Institut Konfutsiya i ego mesto v kul'turnoj globalizatsii i kul'turnoj regionalizatsii KNR // Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo tsentra. 2014. № 15. S. 145–149.
9. Van Lin', SHan' TSyuyan', CHzhao Yuan'. Deyatel'nosti TSentra yazyka i kul'tury Kitaya (Klassa Konfutsiya) GF NGU v 2014 godu // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2018. T. 17. № 4. S. 128–131.
10. Van CHan'tszyuan', Mou Syan'min. K voprosu o spetsifike prepodavaniya kitajskogo yazyka v Institute Konfutsiya v NGTU // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2008. № 6. S. 21–23.
11. Vo Vladivostoke proshla olimpiada po kitajskomu yazyku i kul'ture sredi shkol'nikov // Institut Konfutsiya. Maj 2012. Vypusk 12. № 3. S. 25–26.
12. Gvozdevich V. D. Kontseptsii sozdaniya ural'skogo Instituta Konfutsiya traditsionnoj kitajskoj meditsiny UGMU kak integratsionnogo mekhanizma obucheniya zapadnoj i kitajskoj meditsine // Mezhdunarodnyj zhurnal ehksperimental'nogo obrazovaniya. 2015. № 5-1. S. 26–28.
13. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Russkij ostrov v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione. K 110-letiyu so dnya osnovaniya. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2009. 228 s.
14. Danilik D. A. Rol' Instituta Konfutsiya v razvitii kul'turnogo dialoga mezhdru Rossiej i Kitaem // Kul'turnaya ehkonomika i ehkonomizatsiya kul'tury v sisteme sovremennykh obshhestv Materialy jubilejnoj XV rossijsko-kitajskoj sotsiologicheskoy konferentsii. Pod redaktsiej N. G. Skvortsova, A. V. Petrova, Vang ZHie, Ding Gouki. 2018. S. 242–246.
15. Zav'yalova A. A. Instituty Konfutsiya: integratsiya ili ehkspansiya // Vysshee obrazovanie segodnya. 2010. № 9. S. 54–59.
16. Institut Konfutsiya DVGU – luchshij sredi dostojnykh // Dal'nevostochnyj universitet. 2008. Dekabr'.
17. Institut Konfutsiya DVGU otmechen na IV vseмирном форуме [Institutov Konfutsiya v Pekine] // Dal'nevostochnyj universitet. 2009. Noyabr' – dekabr'.
18. Kurilova Konkordiya Aleksandrovna // Primorskij kraj v litsakh. Sovremennaya letopis'. Vladivostok: Izdatel'skij dom "AKMA", 2018. S. 122–123.
19. Kurilova K. A. Proekt "Institut Konfutsiya" v svete novykh aspektov rossijsko-kitajskikh kul'turnykh otnoshenij // Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v global'nom i regional'nom kontekste: politicheskie, ehkonomicheskie i sotsiokul'turnye izmereniya. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2008. S. 276–285.
20. Lekontseva K. V. Institut Konfutsiya kak instrument "gibkoj vlasti" Kitaya // Vestnik CHitinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 7 (64). S. 27–31.
21. Li Minfu. Rasprostranenie kitajskogo yazyka kak faktora myagkoj sily vo vneshnej politike KNR v XXI veke. Diss. ... kand. polit. nauk. SPb., 2016. 236 s.
22. Lyu Syaosya. YArkij "kitajskij most" // Institut Konfutsiya. Maj 2011. Vypusk 6. № 3. S. 26–28.
23. Mikhalevich E. A. Rol' Instituta Konfutsiya v razvitii sovremennoj mezhdunarodnoj obrazovatel'noj sredy // Dialog kul'tur - dialog o mire i vo imya mira: materialy IX mezhdunar. stud. nauchn.-prakt. konf. (g. Komsomol'sk-na-Amure, 20 aprelya 2017 g.). Komsomol'sk-na-Amure: Izd-vo AmGPGU, 2018. S. 213–217.
24. Novyj ehtap sotrudnichestva mezhdru Rossiej i Kitaem // Dal'nevostochnyj universitet. 2005. Iyun'.
25. Novosti – Institut Konfutsiya DVFU. URL: <http://confucius.dvfu.ru/news/> (data obrashheniya: 10 yanvarya 2019).
26. Ofitsial'nyj sajt Khan'ban'. URL: <http://www.hanban.edu.cn/> (data obrashheniya: 09 yanvarya 2019).
27. Posol KNR v Rossii poznamomilsya s DVGU // Dal'nevostochnyj universitet. 2005. Mart.
28. Sonin V. Opyt zhizni v Kitae // Institut Konfutsiya. Maj 2012. Vypusk 12. № 3. S. 62–64.

29. TSzu Syuehtsin. Pervaya vystavka sovremennoj kitajskoj narodnoj zhivopisi v dal'nevostochnom regione Rossii // Institut Konfutsiya. Iyul' 2012. Vypusk 13. № 4. S. 13–14.
30. TSzun CHEhtszyuj. Deyatel'nost' Instituta Konfutsiya v kontekste nepre-ryvnogo obrazovaniya molodyozhi // Nepreryvnoe obrazovanie molodezhi i rynek truda: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt materialy mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. (Blagoveshensk – Khejkhkeh, 17–19 noyabrya 2015 g.). Blagoveshensk: Izd-vo BGPU, 2018. S. 163–168.
31. CHzhan TSzyun'. Kak "rasshevelit" uchenikov // Institut Konfutsiya. Maj 2012. Vypusk 12. № 3. S. 28–29.
32. CHzhan YAn'li. Vpechatleniya o zhizni volontera Instituta Konfutsiya vo Vladivostoke // Institut Konfutsiya. Mart 2011. Vypusk 5. № 2. S. 38–41.
33. CHEhn Mo. Tekushhaya situatsiya i dal'nejshee razvitie SHkoly Konfutsiya RG-PPU – MRK // Aktual'nye problemy sovremenogo professional'nogo obrazovaniya materialy I mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 06 iyunya 2014 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-t, In-t lingvistiki. 2014. S. 115–122.
34. YAg'ya V., Li Minfu. Institut Konfutsiya kak faktor "myagkoj sily" vo vneshej politike KNR v XXI veke // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015. № 7. S. 84–93.
35. 13-ya konferentsiya Institutov Konfutsiya (第十三届孔子学院大会). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.hanban.edu.cn/> (data obrashheniya: 04 yanvarya 2019).
36. HSK–2008 v DVGU: ehkzamen po kitajskomu yazyku dlya novogo pokoleniya // Dal'nevostochnyj universitet. 2008. Mart.

Се Фэнлин, Еланцева О. П. Институт Конфуция ДВФУ и его деятельность по распространению китайского языка и знаний о Китае.

В данной статье раскрывается объективная обусловленность создания Института Конфуция в Дальневосточном университете в 2006 г. – первого такого института в России; показывается предыстория данного шага. Опираясь на большой статистический материал, авторы раскрывают деятельность Института Конфуция ДВФУ, направленную на изучение китайского языка, знакомство с китайской культурой и, в целом, на распространение китаеведения на Дальнем Востоке России. В статье подчеркнут вклад Министерства образования КНР и Госдепартамента КНР по распространению китайского языка за рубежом (с китайской стороны), ректората Дальневосточного университета, директора Института Конфуция Конкордии Александровны Куриловой (с российской стороны) в организацию и нормальное функционирование Института Конфуция.

Ключевые слова: история китаеведения, Дальневосточный федеральный университет, Институт Конфуция, Дальний Восток России

Se Fehnlin, Elantseva O. P. Confucius Institute FEFU and its activities to promote Chinese language Chinese language and knowledge about China.

This article shows objective conditionality of foundation Confucius Institute, the first kind of such institutes in Russia in 2006 – and the history of this fact. Based on a large statistical material, the authors reveal the activities of the FEFU Confucius Institute aimed at learning Chinese, acquaintance with Chinese culture and, in general, the spread of Sinology in the Far East of Russia. The article will highlight the contribution of the Ministry of Education of China and the State Department of China on the spread of Chinese abroad (from the Chinese side), the administration of the Far Eastern University, the Director of the Confucius Institute Konkordii Alexandrovna Kurilova (from the Russian side) in the organization and normal functioning of the Confucius Institute.

Key words: history of Chinese studies, Far Eastern Federal University, Confucius Institute, the Far East of Russia, Kurilova K. A.

Для цитирования: Се Фэнлин, Еланцева О. П. Институт Конфуция ДВФУ и его деятельность по распространению китайского языка и знаний о Китае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 61–70. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/61-70

For citation: Se Fehnlin, Elantseva O. P. Confucius Institute FEFU and its activities to promote Chinese language Chinese language and knowledge about China // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 61–70. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/61-70

Транспортные проекты РФ, РК и КНР как способ продвижения своих интересов в Северной Корее

В последние годы деятельность руководства КНДР становится одним из ключевых факторов, влияющим на политическую и военно-стратегическую ситуацию в Северо-Восточной Азии. За период нахождения у власти Ким Чен Ына уже отмечалась активизация контактов Северной Кореи с внешним миром, которая впоследствии сменилась четвёртыми ядерными испытаниями и формированием реальной угрозы возникновения военного конфликта в АТР. В 2018 г. столь напряжённая ситуация вновь сменилась активностью Северной Кореи в выстраивании политического диалога с внешним миром. Ким Чен Ын стал первым лидером КНДР, ступившим на землю Южной Кореи, а Дональд Трамп – первым Президентом США, побывавшим в Северной Корее.

В свою очередь Китай, Россия и Южная Корея, имеющие сухопутную границу с КНДР, отреагировали на дружественную дипломатическую линию Северной Кореи и активизировали свои контакты с Пхеньяном, предложив ряд собственных экономических инициатив. При этом для каждой из приграничных с Северной Кореей стран первичным инструментом установления и развития двусторонних отношений с КНДР являются транспортные проекты. В данном случае каждое государство преследует различные задачи, обусловленные историческим ходом развития отношений с КНДР, текущим состоянием товарооборота, а также характером нынешнего политического диалога.

Как следствие, целью статьи является выявление тех намерений, которые преследует каждое из соседствующих с КНДР государств при инициации и реализации транспортно-логистических проектов на границе с Северной Кореей. Достижение поставленной цели осуществляется путём сравнительного анализа ключевых проектов РФ, РК и КНР в отношении Северной Кореи. В ходе работы решаются такие задачи, как изучение фактической информации о содержании и ходе реализации транспортных инициатив России, Южной Кореи и Китая на границах с КНДР; их сравнение по стоимости и пропускной способности; выявление целей соседствующих с КНДР стран при осуществлении транспортных инициатив; оценка возможных последствий для Северо-Восточной Азии.

Ключевые транспортные проекты РФ, КНР и РК на границах с КНДР. Три встречи лидеров США и КНДР так и не привели к снятию или хотя бы смягчению санкций в отношении Северной Кореи. Однако граничащие с КНДР Россия, Китай и Республика Корея активно интересуются как двусторонними, так и многосторонними экономическими проектами, предполагающими участие в них Северной Кореи.

Так, Южная Корея с приходом к власти президента Мун Чжэ Ина возобновила конструктивный диалог с КНДР, что повлекло за собой многочисленные инициативы и политические шаги по развитию межкорейской транспортной инфраструктуры. Специалисты РК уже оценили состояние железных дорог КНДР, стороны провели символическое объединение транспортных сетей, разминировали демилитаризованную зону в пограничном пункте Пханмунджом и уезде Чхорвон. Однако наполнить сотрудничество Севера и Юга реальным экономическим содержанием сдержанием на данном этапе невозможно по причине продолжающегося действия международных санкций в отношении

КНДР и отсутствия политического одобрения со стороны США, о чём неоднократно заявляли высокопоставленные лица РК [6].

Российская Федерация, в свою очередь, не нуждалась в возобновлении политического диалога с КНДР, поскольку фактически он никогда не прекращался, а отношения двух стран поддерживались в нейтрально-позитивном ключе. Вместе с тем, в условиях сближения Северной и Южной Кореи и переориентации КНДР на развитие экономики страны, РФ также вернулась к обсуждению масштабного инфраструктурного проекта, предполагающего строительство трансграничного автомобильного моста через реку Туманная, впервые озвученного ещё в 2015 г. [9].

Китай также не оставляет без внимания столь интенсивное сближение РК с КНДР. Статус гегемона во внешнеторговом обороте Северной Кореи даёт Пекину возможность диктовать свои условия в диалоге с Пхеньяном, а также рассчитывать на усиление своей роли в Японском море путём экономического закрепления в портах КНДР. Как следствие, на фоне развития политических и гуманитарных контактов в парах КНДР – РК и КНДР – РФ, сопровождающихся обсуждениями проектов Транскорейской магистрали и российско-северокорейского автомобильного моста, Китай на всём протяжении границы с КНДР предпринимает практические шаги, направленные на сохранение за собой роли ключевого экономического партнёра КНДР в случае возможного снятия санкций с Пхеньяна. Но в то же время центральный китайский проект, связанный со строительством комбинированного автомобильного моста между китайским городом Даньдун и северокорейским Синьчжу, остаётся незавершённым.

В сложившихся условиях интересна реакция Пхеньяна на предложение граничащих с КНДР стран о развитии транспортного сообщения. Северная Корея выражает готовность развивать сотрудничество со всеми своими географическими соседями, независимо от нынешнего состояния политического диалога и общего уровня торгово-экономических отношений. Подобное поведение Пхеньяна говорит о его намерении извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации в Северо-Восточной Азии и осуществить реконструкцию своей транспортной инфраструктуры за счёт других стран.

Транскорейская магистраль как основной инфраструктурный проект между РК и КНДР. Возобновление политического диалога двух Корей повлекло за собой обсуждение экономических проектов, которые могли бы наполнить установившиеся позитивные отношения двух стран реальным содержанием. Одной из ключевых позиций нынешней южнокорейской политики в отношении КНДР является транспортная составляющая, а именно соединение системы железных дорог Северной и Южной Кореи [12]. Проект восстановления Транскорейской железнодорожной магистрали впервые был озвучен в июне 2000 г., когда на первом межкорейском саммите в Пхеньяне руководители РК и КНДР приняли решение о восстановлении железнодорожного сообщения между двумя частями Корейского полуострова, которое было прервано в 1953 г. в результате войны. Однако проект так и не был завершён из-за очередного обострения межкорейских отношений в период президентства Ли Мен Бака.

Сегодня Мун Чжэ Ин, возобновив политический диалог с КНДР, вновь обратился к проекту Транскорейской магистрали, рассматривая два вектора для соединения системы железных дорог Севера и Юга: западный (линия Кэсон-Синьджу) и восточный (линия Кымгансан-Туманган), протяжённость которых составляет 414 и 777 километров соответственно. Максимальный объём грузовых перевозок по данным железнодорожным веткам будет достигать 30,15 и 7,54 млн тонн.

В политическом плане нынешняя администрация Голубого дома продвинулась гораздо дальше, чем их предшественники. Южнокорейским экспертам впервые был открыт доступ ко всей системе железных дорог Севера [4]. Получив подробные сведения о состоянии транспортной сети КНДР, Южная Корея имеет представление о том, какое количество войск и с какой скоростью способен переместить Пхеньян в пределах страны. Допустив южнокорейских учёных к изучению железных дорог КНДР, Пхеньян дал понять, что Север и Юг сегодня не являются врагами. В ответ на подобную открытость

военные Южной Кореи с января 2019 г. также официально перестали именоваться Вооружённые силы Северной Кореи "врагом" [5].

Однако проведённый южнокорейскими специалистами анализ северокорейской системы железных дорог показал, что для запуска полноценного железнодорожного сообщения между Севером и Югом предстоит проделать гораздо больший объём работ, чем ожидалось. Дороги Северной Кореи мало изменились с момента их восстановления в 1950–1953 гг., хотя на большинстве линий и была проведена электрификация. Движение зачастую ограничено скоростью 40–60 километров в час, а на восточной береговой линии средняя скорость движения и вовсе не превышает 30 километров в час [16]. Таким образом, модернизация железнодорожной сети Северной Кореи по различным оценкам и с учётом различных сценариев потребует от 39 до 77 млрд долларов США, что является неподъемной для Южной Кореи суммой [2].

Однако ключевым препятствием для реализации южнокорейских проектов в КНДР остаются международные санкции, действующие в отношении Северной Кореи. Президент РК Мун Чжэ Ин в своих выступлениях и интервью неоднократно заявлял, что "для успешного развития межкорейских отношений ... требуется отмена международных экономических санкций" [10].

Поскольку шансы на полную денуклеаризацию КНДР крайне малы, то и реализация проекта Транскорейской магистрали представляется затруднительной. Как следствие, лидеры двух стран ведут диалог в позитивном духе, а эксперты оценивают суммы на реализацию задуманных планов. При этом руководство КНДР уже сейчас перестаёт видеть практический смысл во встречах глав Севера и Юга, поскольку власти РК полностью зависимы от США и не могут принимать самостоятельных решений [3]. Данный посыл с недавнего времени появился и в официальных северокорейских СМИ, что является чётким "сигналом" Севера к Югу.

Несмотря на все сложности в реализации проекта, Южная Корея приложит все силы для его осуществления, поскольку важность Транскорейской магистрали для РК трудно переоценить. Помимо политической и экономической составляющей на него возложены важные военно-стратегические надежды Сеула по установлению мира на Корейском полуострове. Об этом говорит тот факт, что в декабре 2018 г., сразу по завершению южнокорейскими экспертами проверки состояния железных дорог КНДР, Администрация Голубого дома "в связи с существенными изменениями ситуации на Корейском полуострове" опубликовала новую стратегию национальной безопасности, в которой среди прочего говорится о "проектах в области энергетики и железных дорог с участием КНДР" [23].

Таким образом, сегодня для Южной Кореи вопрос создания Транскорейской магистрали возведён в ранг проблемы государственного масштаба и закреплён в стратегических документах, отражающих направления развития страны на ближайшие годы. При этом основная цель проекта состоит не столько в получении экономических выгод и политических дивидендов, сколько в решении исторической проблемы установления мира на Корейском полуострове.

Автомобильный мост через реку Туманная как ключевой транспортный проект РФ на северокорейском направлении. В условиях небывалой дипломатической активности КНДР в 2018–2019 г., Россия также предприняла ряд политических шагов по выводу отношений с КНДР на новый уровень. Важным промежуточным итогом в диалоге двух стран стала долгожданная встреча Президента РФ Владимира Путина с лидером КНДР Ким Чен Ыном, состоявшаяся 25 апреля 2019 г. во Владивостоке. Главы двух государств определили основные направления сотрудничества России и Северной Кореи, среди которых немаловажную роль заняла транспортная составляющая, а именно давно обсуждаемый проект автомобильного моста через реку Туманную [13].

Однако ситуация со строительством российско-северокорейского моста во многом схожа с проектом Транскорейской железной дороги. Лидеры двух стран пришли к соглашению, специалисты посчитали сметы, а далее вопрос не получает развития ввиду международных санкций. Ещё 26 апреля 2019 г. Губернатор Приморского края Олег Кожемяко заявил, что технико-экономическое обоснование для моста через пограничную реку Туманную готово и пе-

редано в Минвостокразвития [7]. Как следствие, на сегодняшний день в ходе встречи Министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Александра Козлова с руководством северокорейского МИДа среди прочих вопросов обсуждается и проект строительства моста [9].

Предполагается, что пролёты переправы будут металлическими. Ширина двухполосной проезжей части составит 10 метров. Планируемая протяженность моста – 830 метров (300 метров – российская часть, 530 метров – северокорейская) [8]. Оценивая сведения о схожих по параметрам стройках, можно предположить, что пропускная способность моста составит порядка 6 млн тонн грузов в год, а примерная стоимость проекта – около 1 млрд рублей (около 15 млн долларов США) без учёта стоимости подъездных путей [11]. В масштабах межгосударственного проекта цифра не столь большая. Однако в нынешних экономических реалиях российским федеральным и краевым властям будет не так уж просто отыскать свободные средства на реализацию транспортного проекта, экономическая целесообразность которого в условиях международных санкций не выглядит очевидной. Дело в том, что пропускная способность ныне функционирующего железнодорожного "моста Дружбы" между РФ и КНДР составляет 5 млн тонн грузов в год, в то время как объёмы перевозок по нему гораздо ниже. Так, в 2017 г. по нему перевезено лишь 2,5 млн тонн грузов, а в 2018 г. – ещё на 56% меньше.

Таким образом, данный проект носит скорее политический характер и в первую очередь направлен на закрепление за Россией статуса участника диалога по проблемам Корейского полуострова.

"Новый мост" в Даньдуне как основной проект Китая для увеличения товарооборота с КНДР. На фоне крайне осторожных шагов России и Южной Кореи по обсуждению транспортных проектов с КНДР деятельность Китая на данном направлении выглядит гораздо более практичной и целенаправленной. При этом основным вектором развития трансграничной логистики между КНР и Северной Кореей китайские власти видят направление Даньдун-Синьйчжу [1].

Ещё в июне 2018 г. лидеры Китая и КНДР обсудили перспективы строительства скоростной автомагистрали по маршруту Синьйчжу – Пхеньян – Кэсон, которая, несмотря на заявленный маршрут, в первую очередь обеспечит качественное транспортное сообщение между китайским городом Даньдун и столицей Северной Кореи [2].

Примечательно, что КНР давно планирует модернизировать транспортную артерию между Даньдуном и Синьйчжу. Существующий железнодорожно-автомобильный мост имеет лишь одну железнодорожную колею и одну автомобильную полосу, по которой могут двигаться транспортные средства массой не более 20 тонн. В сутки по мосту проходит всего около 200 автомобилей, в год – около 70 000. В этой связи в 2014 г. в восьми километрах от старого моста был построен новый четырёхполосный автомобильный мост. Общая стоимость проекта, практически полностью финансируемого Китаем, составляет около 360 млн долларов. Пропускная способность моста будет достигать 3 000 грузовых автомобилей в сутки. При условии, что мост будет работать не менее трёхсот дней в году, а средняя масса груза, перевозимая одним транспортным средством, равна тридцати тоннам, годовая пропускная способность объекта составит около 27 млн тонн.

Однако, несмотря на перспективность проекта, на сегодняшний день новый мост так и не запущен в действие, поскольку Северная Корея не подвела к нему подъездные пути, оставив недостроенными около 20 километров дороги на своей территории. По словам китайских экспертов, КНР постоянно ведёт с КНДР переговоры о необходимости завершения работ [2]. Возможно, причиной затягивания сроков сдачи моста является стремление КНДР диверсифицировать направления китайско-северокорейской торговли, распределив грузовые потоки по другим участкам границы, поскольку сегодня через имеющийся мост Даньдун-Синьйчжу проходит по разным оценкам от 60 до 80% товарооборота между странами.

Однако в последнее время в южнокорейской и японской прессе стали появляться заявления анонимных источников о достигнутой в июне 2019 г. в ходе визита Си Цзиньпина в Пхеньян договорённости по поводу завершения строительства моста за счёт китайских средств. Таким образом, не исключе-

но, что в ближайшем будущем реализация данного проекта будет завершена [17].

Развитие китайской транспортной инфраструктуры на всём протяжении границы с КНДР. Параллельно с предпринимаемыми Китаем усилиями по завершению проекта нового моста в Дандуне, КНР активно развивает транспортную инфраструктуру и на других участках границы с КНДР (рисунки 1). В частности, с 2018 г. интенсивно модернизируется автомобильное и железнодорожное сообщение приграничного с КНДР города Цзиань (городской округ Тунхуа, провинция Цзилинь). Так, в апреле 2019 г. был открыт новый автомобильный пункт пропуска Цзиань и возведён ещё один мост через реку Ялу. Проект данного КПП, которому был присвоен статус "пункта пропуска национального уровня", был утверждён ещё в 2014 г., но наиболее активная фаза строительных работ пришлась на 2018 г. Общая стоимость работ составила около 39,2 млн долларов, а заявленная годовая пропускная способность КПП и моста составляет 500 тысяч тонн грузов и 200 тысяч человек [14; 20].

В конце 2018 г. на станции Тунхуа, в ста километрах от железнодорожного пункта пропуска Цзиань, был реконструирован контейнерный терминал, расположенный в точке соединения внутрикитайской железнодорожной сети с веткой, уходящей в КНДР через железнодорожный пункт пропуска Цзиань [21]. Данный факт даёт весомые основания утверждать, что модернизация терминала направлена именно на развитие китайско-северокорейской торговли.

Однако город Цзиань является далеко не единственным приграничным с КНДР районом Китая, где ведётся активная модернизация транспортной инфраструктуры, ориентированной на сотрудничество с КНДР. В 2018 г. были завершены работы по реконструкции автомобильных мостов в китайско-северокорейских пунктах пропуска Тумэнь (город Тумэнь, провинция Цзилинь) [22] и Цюаньхэ (город Хуньчунь, провинция Цзилинь) [19]. Данные объекты схожи по конструкции и параметрам и представляют собой железобетонные мосты шириной в 23 метра, по которым проходят четырёхполосные автомобильные дороги. Длина моста в Тумэне составляет 497 метров, объём инвестиций – 16,4 млн долларов США; в Цюаньхэ данные показатели равны 549 метров и 19,5 млн долларов. Пропускная способность каждого моста составляет около 15 млн тонн грузов в год.

Кроме того, в 2019 г. власти КНР намерены завершить модернизацию пункта пропуска Шуанмуфэн, расположенного в уезде Аньту (Яньбянь-Корейский автономный округ, провинция Цзилинь) напротив северокорейского города Самджиён (провинция Янгандо), и присвоить ему статус "пункта пропуска национального уровня" [18]. Об этом в интервью для интернет-канала "Цзилинь Ван" заявил заместитель директора департамента торговли провинции Цзилинь Сюй Тао. В настоящее время указанный пункт пропуска действует как временный, работая лишь в высокий туристический сезон. По завершению модернизации данный КПП будет функционировать как постоянный, с правом импорта-экспорта лекарственных средств. Стоимость проекта составит около 300 тысяч долларов США [18].

Оценивая информацию о китайских инфраструктурных инициативах на границе с КНДР можно утверждать, что Пекин рассматривает их в первую очередь с точки зрения экономических выгод, отодвигая на второй план политические и военно-стратегические аспекты. Во-первых, развитие китайско-северокорейской транспортной инфраструктуры обеспечит увеличение поставок китайских товаров на северокорейские рынки, а также позволит нарастить поставки природных ресурсов из КНДР в Китай, что значительно поднимет показатели взаимной торговли двух стран и поддержит экономическое развитие северо-восточных районов КНР. Во-вторых, совершенствование логистики на данном направлении улучшает условия доступа к Японскому морю для провинций Цзилинь и Хэйлунцзян, изолированных от портов, что является давней проблемой для властей указанных регионов.

Сравнение транспортных проектов РК, РФ, КНР в отношении КНДР. В ходе анализа содержания и хода реализации международных транспортных проектов на границах с КНДР нужно отметить, что данные шаги осуществляются в условиях относительно слабого развития транспорт-

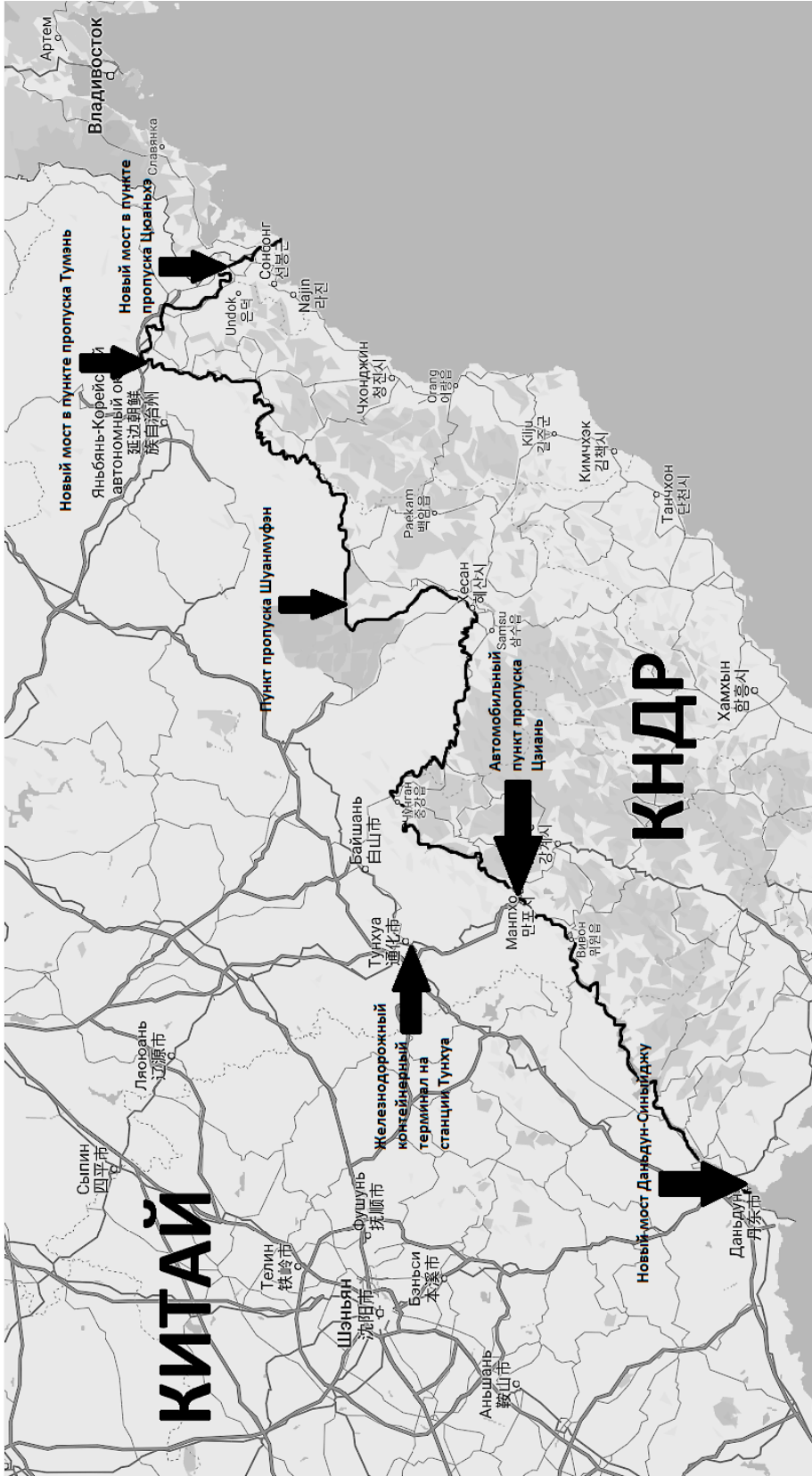

Рис. 1. Расположение транспортных проектов Китая на границе с КНДР. Источник: составлено автором на основе: [17; 19; 20; 21; 22]

ной инфраструктуры РФ, КНР и РК на северокорейском направлении. При этом инициаторами проектов выступают именно граничащие с КНДР страны. Северная Корея, в свою очередь, ведёт переговоры со всеми участниками процесса, поддерживая все инфраструктурные инициативы, предлагаемые ей извне.

В сложившихся условиях Южная Корея, имевшая худшие по сравнению с Китаем и Россией стартовые позиции в диалоге с КНДР, вынуждена предлагать наиболее финансово затратные проекты. Как следствие, южнокорейские транспортные инициативы в отношении Северной Кореи исчисляются в десятках млрд долларов США (от 39 до 77 млрд \$). Для сравнения, суммарная стоимость китайских проектов на границе с КНДР составляет примерно 415 млн долларов США, а российско-северокорейского автомобильного моста – лишь около 15 млн (таблица 1). Однако столь высокая заявленная стоимость южнокорейских инициатив обусловлена тем, что Сеул намерен не только соединить транспортные системы на границе РК и КНДР, но и осуществить реконструкцию ключевых железнодорожных веток Северной Кореи. Масштабность южнокорейских замыслов обусловлена тем, что Сеул при реализации проекта Транскорейской магистрали прежде всего преследует военно-стратегические цели: денуклеаризация КНДР и восстановление мира на Корейском полуострове.

Совокупная стоимость транспортных проектов КНР на северокорейской границе в десятки раз меньше, однако цели Пекина на данном направлении носят в первую очередь экономический характер. Показателен тот факт, что из трёх соседствующих с КНДР стран только Китай испытывает реальную необходимость развития логистики на северокорейской границе. По итогам 2018 г. объём торговли КНР с КНДР составил 2,3 млрд долларов США (95,8% от всего внешнеторгового оборота КНДР), в то время как товарооборот РФ с КНДР оценивается всего в 34 млн, РК с КНДР – в 31 млн.

Таблица 1. Основные характеристики транспортных проектов РК, КНР и РФ в отношении КНДР

	Стоимость (млн.\$ США)	Пропускная способность (млн. тонн в год)	Цели	Реализация на практике
РК <i>Транскорейская магистраль</i>	от 39 000 до 77 000	около 38	<i>военно-стратегические:</i> – денуклеаризация КНДР – мир на Корейском полуострове	– достигнута догово- ворённость с КНДР – проведены расчёты – ожидание отмены санкций
КНР <i>Совокупность транспортных проектов на границе с КНДР</i> <i>в том числе мост Даньдун – Синьиджу)</i>	не менее 415 360	не менее 57,5 около 27	<i>экономические:</i> – доступ к портам Японского моря – доступ к рынку сбыта в КНДР – доступ к природным ресурсам КНДР	– построен КПП Цзиань – построен мост Тумэнь – построен мост Цюаньхэ – ведутся работы на КПП Шуанмуфэн – возобновлены работы на мосту в Даньдуне
РФ <i>Автомобильный мост через реку Туманная</i>	около 15	около 6	<i>политические:</i> – участие в решении проблем Корейского полуострова – косвенная поддержка политики Пекина в КНДР.	– достигнута дого- ворённость с КНДР – проведены расчёты – ожидание отмены санкций

Таким образом, китайские транспортные проекты отличаются от российских и южнокорейских инициатив тем, что ориентированы на получение конкретного практического результата. Реализация вышеописанных инфраструктурных инициатив КНР увеличит общую пропускную способность китайско-северокорейской границы не менее чем на 57,5 млн тонн грузов в год, в то время как предлагаемая южнокорейской стороной Транскорейская магистраль, требующая многомиллиардных вложений, способна обеспечить товарооборот не более чем в 37,8 млн тонн.

Российский проект автомобильного моста в КНДР рассчитан на максимальную годовую нагрузку в пределах 6 млн тонн грузов, что почти в 10 раз меньше цифр, заявленных в китайских проектах, и в 6 раз ниже, чем в южнокорейских. Однако РФ, в отличие от КНР и РК, не испытывает острой необходимости в скорейшей реализации данной инициативы. Во-первых, существующая железнодорожная ветка Хасан-Раджин загружена не более чем на половину от своей максимальной пропускной способности. Во-вторых, в случае снятия санкций с КНДР высока вероятность восстановления паромного сообщения между Владивостоком и Раджином, что создаст дополнительный ресурс для увеличения товарного оборота без серьёзных вложений в транспортную инфраструктуру.

Как следствие, в данном проекте Москва преследует скорее политические цели, нежели стремится к получению экономических дивидендов. Вероятно, основными задачами являются усиление роли РФ в решении проблем Корейского полуострова, а также косвенная поддержка политики Пекина в отношении КНДР.

В сравнительном анализе инфраструктурных проектов РФ, РК и КНР на северокорейских границах важен и тот факт, что на сегодняшний день только Китай находится в стадии их активного воплощения в жизнь. РФ и РК продолжают проработку своих инициатив, ведут переговоры с северокорейской стороной и пр. Руководство России и Южной Кореи не скрывает, что основной причиной, препятствующей началу инфраструктурного строительства, являются международные санкции, действующие в отношении КНДР. В то же время сложности с финансированием проектов также могут серьёзно затруднить их осуществление.

Китай, в свою очередь, действует гораздо решительнее. На сегодняшний день уже запущен новый китайско-северокорейский пункт пропуска Цзиань, завершены стройки мостов в пунктах пропуска Цюаньхэ и Тумэнь, к концу 2019 г. планируется провести реконструкцию КПП Шунанмуфэн, возобновлены работы на мосту Даньдун-Синьдзю. Столь масштабное и активное строительство говорит о том, что Китай ориентируется на значительное увеличение торгового оборота с КНДР. При этом Пекин демонстрирует, что Северная Корея, несмотря на действующие санкции, является его полноценным торговым партнёром.

Важным аспектом сравнения перечисленных транспортных инициатив является оценка их возможного влияния на развитие Азиатско-Тихоокеанского региона. Отталкиваясь от целей, заложенных в каждый проект, можно говорить, что Транскорейская магистраль имеет наибольшее международное стратегическое значение и важна не только в масштабах отношений РК-КНДР, но и для всего АТР. В случае её успешного запуска Южная и Северная Корея существенно укрепят свои экономические и гуманитарные контакты, создав необходимые условия для установления стабильных мирных отношений на Корейском полуострове.

Реализация же китайских проектов на северокорейской границе важна в первую очередь для развития двусторонних отношений самих КНР и КНДР. Улучшение транспортной инфраструктуры между странами позволит Пекину, уже обеспечивающему 95% внешнеэкономического оборота Северной Кореи, ещё более увеличить свою долю в торговле страны.

Российско-северокорейский автомобильный мост в случае его постройки будет иметь скорее местное значение, поддерживая товарооборот российского Дальнего Востока с северными регионами КНДР. Как следствие, данный проект не окажет существенного воздействия на экономическое взаимодействие двух стран и, тем более, на ситуацию в АТР.

Заключение. Таким образом, дипломатическая активность КНДР в 2018 г. побудила приграничные с Северной Кореей страны (РФ, РК, КНР) активизировать обсуждение давно разработанных, но от того не менее важных транспортных проектов (автомобильный мост Хасан-Туманган, Транскорейская ж/д магистраль, мост Дандун-Синьйчжу). Однако каждое из трёх соседствующих с КНДР государств в данной ситуации преследует собственные цели и задачи, которые во многом обуславливают содержание самих проектов и объёмы их финансирования.

Южная Корея, в первую очередь, решает проблемы военно-стратегического характера, рассчитывая вовлечь КНДР в процесс мирного экономического сотрудничества и тем самым сделав шаг в сторону денуклеаризации Корейского полуострова. Как следствие, власти РК предлагают Пхеньяну многомиллиардный проект Транскорейской магистрали, основанный на реконструкции более чем тысячи километров железных дорог Северной Кореи.

Российская Федерация, в свою очередь, не испытывая острой экономической и военно-стратегической необходимости для создания автомобильного моста между РФ и КНДР, стремится к извлечению политических дивидендов даже из самого процесса обсуждения проекта с Пхеньяном. Подобные действия дают России возможность стать активным участником диалога вокруг проблем Корейского полуострова.

Общей чертой в действиях России и Южной Кореи является их отказ от осуществления своих транспортных инициатив в условиях международных санкций. Учитывая, что вопрос денуклеаризации КНДР остаётся открытым, осуществление проектов РФ и РК на данный момент представляется маловероятным.

В то же время Китай, традиционно придерживающийся прагматического подхода во внешней политике, намерен улучшить доступ для северо-восточных районов страны к рынку КНДР, а также побережью Японского моря. Об этом говорит тот факт, что инфраструктурные проекты КНР равномерно распределены вдоль линии границы с Северной Кореей и связаны с развитием как автомобильного, так и железнодорожного сообщения. С другой стороны, та активность, с которой Китай воплощает в жизнь указанные инициативы, даёт основания полагать, что в Пекине понимают, что рано или поздно международные санкции в отношении КНДР могут быть сняты, либо значительно смягчены. При этом, если ослабление ограничений произойдёт в период политического сближения Юга и Севера, экономическая роль Республики Корея, как и России, в жизнедеятельности КНДР может значительно вырасти. В сложившейся ситуации Китай, обеспечивающий уже около 95% всей внешней торговли Северной Кореи, и, вероятно, рассматривающий РК и РФ как конкурентов в реализации своих экономических планов в Северной Корее, стремится к заблаговременному созданию необходимой трансграничной транспортной инфраструктуры с КНДР. В случае смягчения санкций заранее проведённые подготовительные мероприятия позволят КНР выиграть время и приступить к реализации инвестиционных проектов в КНДР, сохранив свою ключевую роль не только в количественных показателях торгово-экономического оборота КНДР, но и в политическом влиянии на Северную Корею.

Литература

1. Кирьянов О. Дандун и новый мост из Китая в Северную Корею // Личный блог Олега Кирьянова в "Живом журнале" [Электронный ресурс]. URL: <https://olegkir2002.livejournal.com/59119.html> (дата обращения: 01.08.2019).
2. Кирьянов О. Китай и Южная Корея развернули борьбу за "будущую КНДР" // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/07/10/kitaj-i-iuzhnaia-koreia-razvernuli-borbu-za-budushchuiu-kndr.html> (дата обращения: 01.08.2019).
3. Кирьянов О. КНДР заявила о бесполезности переговоров с Южной Кореей // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/07/14/kndr-zaiavila-ob-espoleznosti-peregovorov-s-iuzhnoj-koreej.html> (дата обращения: 03.08.2019).
4. Кирьянов О. Первый за 10 лет поезд отправился из Южной Кореи в Северную // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/11/30/iuzhnaia-i-severnaia-koreia-nachali-izuchenie-zheleznyh-dorog-kndr.html> (дата обращения: 03.08.2019).

5. Кирьянов О. СМИ: Военные Южной Кореи перестанут называть армию КНДР "врагом" // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/12/27/smi-voennye-iuzhnoj-korei-perestanut-nazyvat-armiiu-kndr-vragom.html> (дата обращения: 03.08.2019).

6. Кирьянов О. США пригрозили Сеулу санкциями за дружбу с Пхеньяном // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/10/17/ssha-prigozili-seulu-sankciiami-za-druzhu-s-phenianom.html> (дата обращения 01.08.2019).

7. Кожемяко сообщил о готовности технико-экономического обоснования для моста между РФ и КНДР // Вести. Приморье [Электронный ресурс]. URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/76025-kozhemjako-soobshil-o-gotovnosti-tehniko-jekonomicheskogo-obosnovanija-dlja-mosta-mezhdu-rf-i-kndr.html> (дата обращения: 03.08.2019).

8. Минвостокразвития определило технические характеристики автодорожного моста между Россией и КНДР // Информационное агентство "Дорожные новости" [Электронный ресурс]. URL: http://dorinfo.ru/star_detail.php?ELEMENT_ID=73291 (дата обращения 01.08.2019).

9. Министры РФ и КНДР обсудили реализацию проектов торгово-экономического сотрудничества // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6521455> (дата обращения: 03.08.2019).

10. Мун Чжэ Ин: убежден, что Ким Чен Ын привержен цели денуклеаризации // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/6592589> (дата обращения: 01.08.2019).

11. Новые мосты в 2017-м году // Информационный портал "Сделано у нас" [Электронный ресурс]. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/102108/> (дата обращения: 03.08.2019).

12. Президент Южной Кореи предложил КНДР соединить железные дороги // Информационное агентство РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ae2aa3f9a79474c83d8046a> (дата обращения 01.08.2019).

13. Проработка проекта моста в КНДР поручена Министерству развития Дальнего Востока и Арктики // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6387453> (дата обращения: 03.08.2019).

14. Северную Корею и Китай связал новый мост через реку Ялуцзян // Информационное агентство Регнум [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2608083.html> (дата обращения: 01.08.2019).

15. Южная Корея рассчитывает продвигать общие с Россией и КНДР проекты // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190628/1556034077.html> (дата обращения: 03.08.2019).

16. Kang Mi Jin. North Korean railways continue to languish with aging infrastructure = Кан Ми Цзин. Железные дороги Северной Кореи продолжают простаивать со стареющей инфраструктурой // Daily NK [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailynk.com/english/north-korean-railways-continue-to-languish-with-aging-infrastructure/> (дата обращения 05.08.2019).

17. Yoshikazu Hirai. China to fund costs so bridge to North Korea can open to traffic = Йошиказу Хирай. Китай финансирует расходы, в связи с чем мост в Северную Корею может быть открыт для движения // Асахи Симбун [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201907290040.html> (дата обращения: 03.08.2019).

18. 关于外贸竞争吉林又将放大招? 汽车整车进口口岸对长春市民有哪些福利? 这些答案都在这里! = Цзилинь набирает обороты во внешнеторговой конкуренции? Какие выгоды приобретают жители Чанчуня от развития автомобильного экспорта и импорта? Ответы на эти вопросы здесь! // Информационное агентство "China Jilin Wang" [Электронный ресурс]. URL: <http://news.cnjiwang.com/jwyc/201901/2809121.html> (дата обращения: 03.08.2019).

19. 我院设计的中朝圈河—元汀界河公路大桥项目交工验收 = Приёмка проекта китайско-северокорейского автодорожного моста Цюаньхэ-Юаньтин через пограничную реку, спроектированного нашим институтом // 珲春市道路交通运输管理局网站 = Сайт дорожного управления города Хуньчунь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hcysg.net/index.php?id=2862> (дата обращения: 03.08.2019).

20. 赵新. 中朝集安—满浦公路口岸于2019年4月8日正式开通 = Чжао Синь. Китайско-северокорейский автомобильный пункт пропуска Цзиань-Манпхо официально открыт 8 апреля 2019 года // Информационное агентство "Tonghua Jilin Wang" (сайт города Тунхуа провинции Цзилинь) [Электронный ресурс]. URL: <http://th.cnjiwang.com/jdtq/201904/2852451.html> (дата обращения: 03.08.2019).

21. 2018年安图县政府工作报告 = Отчёт о работе правительства уезда Аньту за 2018 год // Официальный сайт Народного правительства уезда Аньту провинции Цзилинь [Электронный ресурс]. URL: http://122.136.128.199:8080/pub/at002/zw_13178/jcxxgk/gzbg/201901/t20190114_357977.html (дата обращения 03.08.2019).

22. 2018年图们市政府工作报告 = Отчёт о работе правительства города Тумэнь за 2018 год // Официальный сайт Народного правительства города Тумэнь провинции

Цзилинь [Электронный ресурс]. URL: http://www.tumen.gov.cn/zhengwu_367/jcxcxgk/gongzuobaoga0/201903/t20190311_395916.html (дата обращения 03.08.2019).

23. 대한민국 국가 안보 전략 = Стратегия национальной безопасности Республики Корея // Официальный сайт Администрации Президента Республики Корея [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.president.go.kr/dn/5c1b2e9a52b8e> (дата обращения 20.09.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Kir'yanov O. Dan'dun i novyy most iz Kitaya v Severnuyu Koreyu // Lichnyj blog Olega Kir'yanova v "ZHivom zhurnale" [Электронный ресурс]. URL: <https://olegkir2002.livejournal.com/59119.html> (дата обрaшhения: 01.08.2019).

2. Kir'yanov O. Kitaj i YUzhnaya Koreya razvernuli bor'bu za "budushhuyu KNDR" // Rossijskaya gazeta [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/07/10/kitaj-i-iuzhnaia-koreia-razvernuli-borbu-za-budushchuiu-kndr.html> (дата обрaшhения: 01.08.2019).

3. Kir'yanov O. KNDR zayavila o bespoleznosti peregovorov s YUzhnoj Koreej // Rossijskaya gazeta [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/07/14/kndr-zaiavila-o-bespoleznosti-peregovorov-s-iuzhnoj-koreej.html> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

4. Kir'yanov O. Pervyy za 10 let poezd otpravilsya iz YUzhnoj Korei v Severnuyu // Rossijskaya gazeta [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/11/30/iuzhnaia-i-severnaia-koreia-nachali-izuchenie-zheleznyh-dorog-kndr.html> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

5. Kir'yanov O. SMI: Voennye YUzhnoj Korei perestanut nazyvat' armiyu KNDR "vragom" // Rossijskaya gazeta [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/12/27/smi-voennye-iuzhnoj-korei-perestanut-nazyvat-armiiu-kndr-vragom.html> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

6. Kir'yanov O. SSHA prigrozili Seulu sanktsiyami za druzhbu s Pkhen'yanom // Rossijskaya gazeta. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/10/17/ssha-prigrozili-seulu-sanktsiyami-za-druzhbu-s-phenianom.html> (дата обрaшhения 01.08.2019).

7. Kozhemjako soobshhil o gotovnosti tekhniko-ehkonomicheskogo obosnovaniya dlya mosta mezhdru RF i KNDR // Vesti. Primor'e [Электронный ресурс]. URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/76025--kozhemjako-soobschil-o-gotovnosti-tehniko-jekonomicheskogo-obosnovaniya-dlja-mosta-mezhdru-rf-i-kndr.html> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

8. Minvostokrazvitiya opredelilo tekhnicheskie kharakteristiki avtodorozhnogo mosta mezhdru Rossiej i KNDR // Informatsionnoe agentstvo "Dorozhnye novosti" [Электронный ресурс]. URL: http://dorinfo.ru/star_detail.php?ELEMENT_ID=73291 (дата обрaшhения 01.08.2019).

9. Ministry RF i KNDR obsudili realizatsiyu proektov torgovo-ehkonomicheskogo sotrudnichestva // ITAR-TASS [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6521455> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

10. Mun CHzheh In: ubezhden, chto Kim CHen Yn priverzhen tseli denuklearizatsii // ITAR-TASS [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/6592589> (дата обрaшhения: 01.08.2019).

11. Novye mosty v 2017-m godu // Informatsionnyj portal "Sdelano u nas" [Электронный ресурс]. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/102108/> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

12. Prezident YUzhnoj Korei predlozhl KNDR soedinit' zheleznye dorogi // Informatsionnoe agentstvo RBK [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/5ae2aa3f9a79474c83d8046a> (дата обрaшhения 01.08.2019).

13. Prorabotka proekta mosta v KNDR poruchena Ministerstvu razvitiya Dal'nego Vostoka i Arktiki // ITAR-TASS [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6387453> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

14. Severnuyu Koreyu i Kitaj svyazal novyy most cherez reku YAlutszyan // Informatsionnoe agentstvo Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2608083.html> (дата обрaшhения: 01.08.2019).

15. YUzhnaya Koreya rasschityvaet prodvigat' obshhie s Rossiej i KNDR proekty // RIA Novosti [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190628/1556034077.html> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

16. Kang Mi Jin. North Korean railways continue to languish with aging infrastructure = Kan Mi TSzin. ZHeleznye dorogi Severnoj Korei prodolzhayut prostaivat' so star eyushhej infrastrukturoj // Daily NK [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailynk.com/english/north-korean-railways-continue-to-languish-with-aging-infrastructure/> (дата обрaшhения 05.08.2019).

17. Yoshikazu Hirai. China to fund costs so bridge to North Korea can open to traffic = Joshikazu KHiraj. Kitaj finansiruet raskhody, v svyazi s chem most v Severnuyu Koreyu mozhet byt' otkryt dlya dvizheniya // Asakhi Simbun [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201907290040.html> (дата обрaшhения: 03.08.2019).

18. 关于外贸竞争吉林又将放大招? 汽车整车进口口岸对长春市民有哪些福利? 这些答案都在这里! = TSzilin' nabiraet oboroty vo vneshnetorgovoj konkurentsii? Kakie vygody priobretayut zhiteli CHanchunya ot razvitiya avtomobil'nogo ehksporta i importa? Otvety na ehti voprosy zdes'! // Informatsionnoe agentstvo "China Jilin Wang" [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://news.cnjiwang.com/jwyc/201901/2809121.html> (data obrashheniya: 03.08.2019).

19. 我院设计的中朝圈河-元汀界河公路大桥项目竣工验收 = Priyomka proekta kitajsko-severokorejskogo avtodorozhnogo mosta TSyuan'kheh-YUan'tin cherez pogranichnuyu reku, sproektirovannogo nashim institutom // 珲春市道路运输管理局网站 = Sajt dorozhnogo upravleniya goroda KHun'chun' [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.hcygs.net/index.php?id=2862> (data obrashheniya: 03.08.2019).

20. 赵新. 中朝集安—满浦公路口岸于2019年4月8日正式开通 = CHzhao Sin'. Kitajsko-severokorejskij avtomobil'nyj punkt propuska TSzian'-Manpkho ofitsial'no otkryt 8 aprelya 2019 goda // Informatsionnoe agentstvo "Tonghua Jilin Wang" (sajt goroda Tunkhua provintsii TSzilin') [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://th.cnjiwang.com/jdtq/201904/2852451.html> (data obrashheniya: 03.08.2019).

21. 2018年安图县政府工作报告 = Otchyot o rabote pravitel'stva uezda An'tu za 2018 god // Ofitsial'nyj sayt Narodnogo pravitel'stva uezda An'tu provintsii TSzilin' [EHlektronnyj resurs]. URL: http://122.136.128.199:8080/pub/at002/zw_13178/jcxxxgk/gzbg/201901/t20190114_357977.html (data obrashheniya 03.08.2019).

22. 2018年图们市政府工作报告 = Otchyot o rabote pravitel'stva goroda Tumehn' za 2018 god // Ofitsial'nyj sayt Narodnogo pravitel'stva goroda Tumehn' provintsii TSzilin' [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.tumen.gov.cn/zhengwu_367/jcxxxgk/gongzuobaogao/201903/t20190311_395916.html (data obrashheniya 03.08.2019).

23. 대한민국 국가 안보 전략 = Strategiya natsional'noj bezopasnosti Respubliki Koreya // Ofitsial'nyj sayt Administratsii Prezidenta Respubliki Koreya [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www1.president.go.kr/dn/5c1b2e9a52b8e> (data obrashheniya 20.09.2019).

Тарантул Р. В. Транспортные проекты РФ, РК и КНР как способ продвижения своих интересов в Северной Корее.

В условиях активизации Северной Кореи в установлении и развитии своих внешнеполитических контактов, приграничные с КНДР страны оценивают потенциальные выгоды в случае снятия международных санкций с КНДР. Однако для успешного развития торгово-экономического сотрудничества с Северной Кореей необходимо создать качественную трансграничную транспортную инфраструктуру, которая обеспечит стабильный межгосударственный товарооборот. Статья посвящена сравнению ключевых инфраструктурных проектов, предлагаемых Северной Корее со стороны России, Китая и РК, а также определению перспектив их реализации в условиях международных санкций.

Ключевые слова: Северная Корея, Россия, Китай, Южная Корея, санкции, транспортный проект, мост, железная дорога, пункт пропуска

Tarantul R. V. Transport projects of the Russian Federation, the Republic of Korea and China as a way to promote their economic interests in North Korea.

In the context of the intensification of North Korea in establishing and developing its foreign policy contacts, the countries bordering the DPRK are assessing the potential benefits if international sanctions are lifted from the DPRK. However, for the successful development of trade and economic cooperation with North Korea, it is necessary to create a high-quality cross-border transport infrastructure that will ensure stable trade between the countries. The article is devoted to comparing the key infrastructure projects proposed by Russia, China and the Republic of Korea to DPRK, and assesses the prospects for their implementation under international sanctions.

Key words: North Korea, Russia, China, South Korea, sanctions, transport project, bridge, railway, checkpoint

Для цитирования: Тарантул Р. В. Транспортные проекты РФ, РК и КНР как способ продвижения своих интересов в Северной Корее // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 71–82. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/71-82

For citation: Tarantul R. V. Transport projects of the Russian Federation, the Republic of Korea and China as a way to promote their economic interests in North Korea // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 71–82. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/71-82

УДК 323

Золотухин И. Н., Журбей Е. В., Куква Н. М.

Опыт экологической политики Индонезии: уроки, проблемы и решения

Юго-Восточная Азия по совокупным экономическим показателям принадлежит к одному из самых динамично развивающихся регионов планеты. Однако платой "азиатским тиграм" за бурный экономический рост и нахождение в авангарде мировых экономических процессов стали серьезные экологические проблемы. Ускоренная модернизация стала лейтмотивом постколониального развития Индонезии, обеспечив рост экономического производства и улучшение уровня жизни населения. В то же время оборотной стороной сопутствующей модернизации политики догоняющего развития стало колоссальное давление на окружающую среду, в особенности интенсивная эксплуатация природных ресурсов. Активизация хозяйственной деятельности, ориентированной на повышение прибыли и материального благосостояния, привела к обострению экологической ситуации, поскольку опиралась на модель индустриального развития, в которой экономический рост вступает в неизбежное противоречие с охраной окружающей среды [3, с. 9]. Интенсивная эксплуатация природных ресурсов, использование преимущественно грязных и ресурсоемких технологий и экономия средств на защиту окружающей среды привели к тому, что на сегодняшний день Индонезия хоть и является стабильно растущей экономикой, но остается страной с серьезными экологическими проблемами.

За последние 30 лет страна потеряла десятки млн га лесных покровов, обогнав в 2012 г. по темпам обезлесения Бразилию. Неконтролируемые коммерческие вырубки уничтожили почти 75% тропических лесов страны [25, р. 37]. Сократилась общая площадь лесного покрова, теперь она составляет 50% территории [39, р. 356]. Хищническая вырубка влечет деградацию почв, изменение климата; исчезновение деревьев приводит к вспышкам вирусных заболеваний [27]. Обезлесение природной среды ведет к стремительному сокращению численности эндемичных видов уникальной флоры и фауны Индонезии. В тропических лесах страны, занимающих всего 1% суши, обитает 10% всех известных в мире видов растений, 12% видов млекопитающих и 17% видов птиц. Печальная статистика гласит, что из 515 видов млекопитающих в стране 135 находятся на грани исчезновения, в том числе орангутанги, суматранские тигры, яванские носороги [20].

Вырубки леса происходят не столько в силу растущего спроса на древесину ценных пород, сколько из-за экспорта пальмового масла. Площадь плантаций масличных пальм в Индонезии за последние несколько лет увеличилась по сравнению с территорией посадки других культур, достигнув 11,3 млн га в 2015 г. по сравнению с 8,99 млн га в 2011 [48, pp. 80–92]. В 2017 г. доход от экспорта пальмового масла составил более 10% от суммарной экспортной прибыли Индонезии (18,5 млрд \$) [30]. Показательно, что замедление темпов вырубки лесов в 2013–2015 г. связывалось со снижением цен на пальмовое масло [4].

Отсутствие мониторинга лесозаготовок приводит к чрезмерной эксплуатации лесных угодий. Многие участки лесозаготовок попадают в категорию

© Золотухин И. Н., Журбей Е. В., Куква Н. М., 2019

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: zolivnik@mail.ru

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: zhurbey.ev@dvvu.ru

КУКВА Наталья Михайловна, бакалавр, направление "Международные отношения" Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: kukva.n@yandex.ru

Таблица 1. Объем выбросов парниковых газов в атмосферу (в тыс. тонн CO₂)

	2010	2011	2012	2013	2014
Энергетика	453 178	488 936	508 120	546 398	577 334
Промышленное производство	36 146	35 768	40 199	38 993	39 702
Сельское хозяйство	108 487	108 718	112 727	112 104	113 441
Отходы	86 341	90 920	94 660	97 545	98 406
Землепользование, изменения в землепользовании, лесное хозяйство	383 405	427 310	487 928	402 252	480 033
Торфяные пожары	51 383	189 026	207 050	205 076	499 389
Итого	1 118 941	1 340 677	1 450 685	1 402 368	1 808 305

Источник: составлено на основе [48, p. 139].

деградированных, чем пользуются плантаторы, изыскивая возможность подавать заявки на превращение некогда девственных лесов в промышленные насаждения или лесопосадки. Сокращению лесных площадей, хотя и в меньших объемах, чем деятельность крупных компаний и лесных концессий, способствует и сельскохозяйственная деятельность мелких фермеров, практикующих подсечно-огневое земледелие [43, p. 644].

Помимо вырубki деревьев лесозаготовители практикуют сжигание участков леса с целью последующей продажи земли по более высокой стоимости, в том числе для выращивания масличных пальм. Пал¹ обходится значительно дешевле использования машинной техники, но сжигание деревьев приводит к страшному бедствию – лесным пожарам разной степени интенсивности, регулярно вспыхивающим в сухой сезон на островах Суматра и Калимантан [42, p. 203]. Лесные пожары, бушевавшие в течение нескольких недель в 2016 г., привели к гибели более 100 000 человек [44]. Пожароопасной ситуации способствуют торфяники, значительная часть которых превращена в сельхозугодья. Из-за высокого содержания углерода сухой торф чрезвычайно подвержен горению.

В свою очередь, это создает еще одну серьезную проблему – дым от лесных пожаров и горящих торфяников, причиняющий страдания не только миллионам индонезийцев на Суматре и Калимантане, многие из которых практически не имеют средств защиты от дыма, но и населению соседних с Индонезией государств – Малайзии, Сингапуру, Таиланду, из-за чего проблема приобретает трансграничный характер. Из-за пожаров в Индонезии в конце июня 2013 г. индекс загрязнения воздуха в малайзийских городах Порт-Кланг, Муар, Малакка несколько дней держался на высоком уровне опасности [47]. После обострения ситуации с пожарами, Индонезии становится все сложнее считать данную проблему своим внутренним делом. Таким образом, ущерб от пожаров наносит вред сельскому хозяйству, здоровью населения, туризму, политической обстановке в стране и ее международному имиджу.

Именно в результате обезлесения и хищнического отношения к земле за счет вырубki леса, лесных пожаров и выжигания торфяников на индонезийских островах образуется значительный процент парниковых газов (см. табл. 1).

По выбросу в атмосферу парниковых газов Индонезия уступает лишь США и Китаю. Кроме лесных пожаров обычным источником парниковых газов служат промышленные предприятия и транспорт. Большое количество транспортных средств в сочетании с отсутствием инфраструктуры является причиной транспортных заторов (главным образом в городских центрах), что приводит к увеличению уровня загрязняющих воздух веществ, которые ока-

¹ Пал – выжигание лесных площадей под сельскохозяйственные нужды.

зывают негативное воздействие на здравоохранение, качество и количество сельскохозяйственных культур, лесов и качество поверхностных вод. С 1992 г. в стране действует правительственная программа Langit Biru ("голубое небо"), направленная на контроль, ограничение и предотвращение загрязнения воздуха со стороны статичных и мобильных источников.

Архипелажное положение Индонезии в сочетании с высокой численностью и плотностью населения, колоссального биоразнообразия и береговой линией длиной в 54 тыс. км делают ее одной из стран, наиболее уязвимых к изменению климата. В докладе 1999 г. о сценарии изменения климата говорилось, что за 100 лет среднегодовая температура в Индонезии увеличилась примерно на 0,3° [16, p. 3]. В стране наблюдается значительная пространственная изменчивость в годовом количестве осадков. В начале XXI в. в южных районах Индонезии (Яве, Лампунге, Южной Суматре) их число сократилось, а в северных (большинстве районов Калимантана и Северного Сулавеси) возросло. Произошел сдвиг и в сезонности осадков: в южных районах страны количество осадков в сезон дождей увеличилось, а в сухой уменьшилось, в то время как в северных наблюдалась противоположная картина. Следовательно, в регионах с уменьшенным количеством осадков существует высокий риск засухи, в то время как регионы с увеличивающимся количеством осадков могут быть подвергнуты наводнениям. Например, наводнение 2 февраля 2007 г. затронуло 80 районов Джакарты, вызвав транспортный хаос и парализовав город. Уровень воды варьировался от 10 см до 5 м, погибло 69 человек, более 70 000 домов были затоплены, 420 440 человек эвакуированы. По подсчетам индонезийского правительства потери составили 4,1 трлн рупий или 450 млн \$ [10].

Изменение климата влияет не только на количество и сезонность осадков, но и на повышение уровня моря. В настоящее время он увеличивается примерно на 2 мм в год (1–3 мм/год в прибрежных районах Азии) и, по прогнозам, возрастет примерно до 5 мм в год в течение столетия, что приведет к значительным потерям: уйдут под воду тысячи островов, коралловые рифы, а вместе с ними мангровые заросли морских побережий. Даже умеренное повышение уровня моря приведет к значительным физическим и социально-экономическим последствиям, поскольку 2/3 населения Индонезии, промышленная инфраструктура и большинство плодородных сельскохозяйственных земель сосредоточены в низменных прибрежных районах [10].

Несмотря на то, что Индонезия входит в десятку самых обеспеченных водными ресурсами стран, обладая потенциалом в 3,9 трлн кубометров, из которого расходуется около 18% [48, pp. 7–8], в стране не решена проблема доступности населения к источникам чистой воды. За последние годы обострилась ситуация с водоснабжением горожан Индонезии. В исследовании "Индонезийский экологический мониторинг за 2003 г." городское население страны лишь на 36% охвачено современными системами водоснабжения [5, с. 187]. На сегодняшний момент более 27 млн индонезийцев не имеют доступа к чистой воде, а 51 млн человек страдает от недостатка санитарных удобств [24]. Источники пресной воды в Индонезии зависят от интенсивности осадков, но 70% дождевой воды практически теряется, уходя в поверхностный сток [48, pp. 7–8]. Глобальное изменение климата, в том числе увеличение продолжительности засушливого сезона, ставит перед правительством вопрос модернизации сбора и сохранения пресной воды, а также улучшения ее качества. Добыча пресной воды сопряжена с рисками, связанными с особенностями ландшафта. Например, одна из причин того, что затопление Джакарты приняло угрожающий характер и столица ежегодно погружается в воду на 25 см, заключается в постепенном обрушении торфяной почвы под городом из-за выкачивания пресной воды [11].

Антропогенная и техногенная нагрузка на водные ресурсы приводит не только к их дефициту, но и к загрязнению. В реки и каналы стекают сточные воды, а с ними бытовые отходы. Серьезной проблемой для Индонезии остаётся загрязнение водоемов и грунтовых вод опасными для жизни веществами: кислотами и солями тяжелых металлов, маслами, ядохимикатами. Большинство рек не пригодны для использования для отдыха на воде, выращивания пресноводной рыбы, скота, орошения сельскохозяйственных культур, а тем более для бытовых нужд.

4 реки Индонезии входят в топ-20 самых загрязненных в мире [45]. Мониторинг качества воды в реках страны, регулярно проводимый Министерством окружающей среды и лесного хозяйства показал, что в 2015-2016 гг. в 17 реках условия остались относительно неизменными, качество 211 рек улучшилось, но в 343 ситуация стала хуже [48, p. 10–11].

Самой загрязненной в Индонезии является река Читарум в Западной Яве, в бассейне которой, составляющем около 13 тыс. кв. км, проживает 9 млн человек. Река обеспечивает водой более 2 000 фабрик и орошает фермы, которые поставляют 5% риса в Индонезии. Засоренная тоннами химического и бытового мусора, она стала доказательством того, как экстенсивная индустриализация за 20–30 лет превращает водную артерию в свалку. Полевые исследования, проведенные международной некоммерческой организацией Blacksmith Institute, выявили, что содержание свинца в воде превышает норму более чем в 1000 раз [41, p. 14].

Загрязнение окружающей среды происходит, в том числе по причине низкого уровня утилизации мусора, количество которого в 2019 г. превысило 60 млн тонн: более 60% приходится на органические отходы, 14% на пластиковые, 9% на бумагу [50]. Примерно 17,7 млн тонн твердых бытовых отходов отправляются для утилизации на региональный уровень, где большая часть мусора не обрабатывается должным образом: почти 11,8 млн тонн отходов отправляются напрямую на свалку, 1,6 млн хоронится под землей, 1,2 млн используется в качестве удобрений, 0,8 млн сжигается и 0,5 млн сбрасывается в реки [38]. Индонезия занимает 2 место в мире по выбросу пластиковых отходов в море (187,2 млн тонн), уступая в этом компоненте лишь Китаю (262,9 млн тонн) [50]. Морской мусор не только причиняет вред экосистеме и хозяйственной деятельности, в частности, рыболовному промыслу, но также создаёт неудобства отдыхающим на индонезийских пляжах. Побережье острова Бали – туристического рая, ежегодно принимающий более 4 млн иностранных туристов, превращается в мусорную свалку, несмотря на сопротивление местных властей и экологов [17].

Как отмечалось выше, Индонезия уязвима к последствиям изменения климата. Рост среднегодовых температур и смещение сезонности осадков способствовали увеличению частоты экстремальных климатических явлений. Индонезия является одной из стран с самым высоким риском стихийных бедствий. Ежегодно число пострадавших составляет десятки тысяч человек (см. табл. 2).

В 2016 г. число зарегистрированных стихийных бедствий на 83,9% превысило показатели 2015 г. Среди них преобладали наводнения и оползни (62,9% от общего числа), а также торнадо (28.8%) [48, p. 145]. За первое десятилетие XXI в. среднегодовая стоимость стихийных бедствий обошлась Индонезии в 0,3 % ВВП или 1,5 млрд. \$, а сильное землетрясение может привести к потерям, превышающим 3 % ВВП [19, p. 6].

Расположение Индонезии в сейсмоопасном поясе и наличие на территории архипелага действующих вулканов по умолчанию создает риски геофизических катастроф. Самыми разрушительными стихийными бедствиями новейшей истории страны стали цунами в Индийском океане в 2004 г., землетрясения в Паданге в 2006 и в Джокьякарте в 2009. В историю вошли два страшнейших извержения индонезийских вулканов Тамбон (1815 г.) и Кракатау (1883 г.), ставшие причиной глобальных природных изменений [8, p. 375].

Ухудшение экологической обстановки угрожает перспективам решения экономических и социальных задач, снижая трудовую и экономическую активность, замедляя приток иностранных инвестиций. Даже в правление Сухарто, когда охрана окружающей среды явно не входила в приоритеты правящего режима, руководство страны осознавало, что игнорировать экологические проблемы означает ставить под удар международный имидж и конкурентоспособность государства на мировой арене. В настоящее время преодоление экологического кризиса прочно вошло в повестку индонезийского правительства, а грамотная и эффективная экологическая политика воспринимается как залог достижения амбициозной цели – ввести Индонезию в 10 крупнейших экономик мира.

Таблица 2. Число пострадавших в результате стихийных бедствий, 2011–2016 годы

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Погибшие	28 300	16 200	29 000	30 000	12 400	16 900
Пропавшие без вести	10 800	4 600	5 100	9 000	4 900	4 900
Раненые	45 200	61 900	145 200	92 200	17 800	18 600
Эвакуированные	877 100	5 793 100	20 521 100	34 326 100	7 196 500	12 952 900

Источник: составлено на основе [46].

К ведущим государственным органам, занимающимся проблемами экологии можно отнести Министерство окружающей среды и лесного хозяйства, Министерство внутренних дел, а также Национальное агентство по планированию развития. Первое занимается сбором статистических данных, разработкой экологических стандартов и составлением программы действий, а также отвечает за сохранение и рациональное использование лесных ресурсов. Министерство внутренних дел следит за нарушениями в сфере экологического законодательства, а агентство занимается разработкой долгосрочных проектов в сфере экологии, в том числе координирует деятельность всех учреждений и организаций, занятых решением вопросов экологической деградации.

Остро стоящая перед правительством проблема сохранения лесов берет начало еще с колониального периода, когда администрация голландской Ост-Индии пыталась выработать эффективные механизмы контроля над лесными угодьями. Практика колониальных властей сочетала централизованное управление лесным хозяйством с предоставлением общинным структурам на местах широких полномочий в сфере лесопользования, в том числе наделяя их правом собственности над лесными угодьями [15, p. 42]. Обратной стороной подобной политики укрепления авторитета колониальной администрации и предотвращения сепаратизма стал контроль над лесными ресурсами со стороны провинциальной элиты, поколебать который частично удалось при режиме Сухарто, когда был принят закон 1967, закрепивший исключительное право государства на владение лесами. Политика "нового порядка" привела к тому, что лесозаготовительные концессии стали формой патронажа, обеспечивавшей финансовые и политические интересы правящей элиты [35, pp. 116–117]. В результате деятельности иностранных компаний и трансмигрантов² было уничтожено десятки тысяч га леса.

Вступивший в силу в 2000 г. Закон о лесном хозяйстве Индонезии № 41/1999 в отличие от предыдущего акта 1967 г., который был сосредоточен главным образом на лесопользовании, нацелен на сохранение лесов. Согласно закону, леса подразделяются на разные категории: государственные, производственные, охраняемые, конверсионные, заповедные, леса коренных народов и др. Особое внимание в законе уделяется восстановлению лесов и охране окружающей среды (ст. 40–51). Каждый владелец разрешения на эксплуатацию производственных лесов помимо выплаты пошлин и сборов должен обеспечить инвестиционный фонд для сохранения лесов. Любое лицо, контролирующее, управляющее и/или использующее непроизводственные леса, должно обеспечить их восстановление, в том числе обратившись за помощью к правительству или любым неправительственным организациям.

² Трансмиграция – программа, инициированная еще в годы колониального режима, а затем нашедшая продолжение в сухартовский и постсухартовский периоды, характеризовавшаяся массовым плановым перемещением населения из густонаселённых островов Индонезии (преимущественно с Явы и Мадур) в менее населённые районы страны. За почти 150 лет существования программы было переселено свыше 3 млн. человек, в том числе более 2,5 млн в период с 1979 по 1989 гг. [40, pp. 229–230]. Подразумевалось, что яванские трансмигранты будут выступать в качестве образцовых фермеров, увеличивая аграрный потенциал региона, в том числе посредством ведения лесного хозяйства [15, p.162].

За нарушение закона предусмотрены тюремные сроки и штрафные выплаты (максимальный – 10 млрд рупий (чуть более 700 тыс. \$) [29].

Основу режима управления лесами и регулирования лесного хозяйства Индонезии составляют десятки нормативных актов и процедур, в числе которых регламент экспорта лесной продукции, система проверки легальности получения и поставок древесины, постановление об измерении и тестировании лесной продукции и др. С 2013 г. Индонезия стала партнёром Евросоюза по программе обеспечения правопорядка, управления и торговли в сфере лесного хозяйства, предусматривающую полный цикл проверки производства лесоматериалов и их лицензирование. В 2018 г. президент Видодо объявил о политике, направленной на дальнейшее увеличение производства пальмового масла на существующих плантациях вместо открытия новых лесных массивов. Индонезия приступила к всеобъемлющему правовому обзору существующих концессий на лесное и сельское хозяйство и активизировала усилия правоохранительных органов по борьбе с лесными преступлениями [20]. Параллельно было заявлено о реформировании структуры проведения оценки воздействия на окружающую среду, предусматривающей более строгий мониторинг любого проекта в области развития, который способен нанести ущерб природе [14].

Кроме того, Индонезия присоединилась к механизму сокращения выбросов в результате обезлесения и деградации лесов (REDD+), принятому Рамочной конвенцией ООН об изменении климата и предусматривающему сохранение лесов, совершенствование управления лесами с соблюдением принципов устойчивого развития и увеличение запасов углерода посредством восстановления лесов [34]. Программа капиталовложений в леса, созданная в рамках Стратегического климатического фонда Мирового банка, предоставляет гранты и низкопроцентные кредиты для восстановления и сохранения лесного покрова Индонезии, а также проведения в стране демонстрационных проектов REDD+.

В то же время лесная политика Индонезии сталкивается с рядом сложностей, главной из которых является проблема взаимодействия центральных органов власти и региональных структур, ответственных за реализацию землепользования и лесозаготовок. Сферы ответственности центральных и периферийных правительств разграничены, и последние руководствуются собственными интересами, не всегда совпадающими с выработанными наверху директивами (например, именно провинциальные власти правомочны устанавливать границы между производственными лесами и охраняемыми лесами, а также и распределять разрешения на эксплуатацию лесных ресурсов [29]. Усугубляет положение огромное число нормативных актов на региональном уровне, как дублирующих содержание федеральных законов, так и противоречащих им. Дополняет сложное положение вещей коррупционная составляющая. Борьба с нелегальными вырубками становится малоэффективной, когда государственные структуры связаны с бизнесом и крупными корпорациями, те, в свою очередь, договариваются с местными властями, полицейским аппаратом и общинными структурами.

Еще одним камнем преткновения в реализации лесной политики является необходимость согласованности действий федеральной власти в отношениях с общностями коренных индонезийцев, пострадавших в период активной трансмиграции и деятельности крупных лесных концессий, не учитывавших этнического разнообразия и самобытности местного населения и воспринимавшихся ими как чужаки [2, с. 136]. В настоящее время этнические группы коренного населения активно отстаивают свое право на пользования угодьями, которые оспаривают у государства как незаконно оккупированные. Во многих районах Индонезии на низовом уровне появляется параллельная сельская администрация, состоящая из представителей автохтонных этнических групп [15, p. 131]. В стране создаются объединения коренного населения, которые становятся влиятельными политическими игроками. Так, Альянс коренных народов архипелага (АКНА), включающий более 2000 общин и насчитывающий 17 млн членов, в 2013 г. смог добиться признания прав коренных народов на землю в пределах государственной лесной территории [15, p. 136]. Кроме того АКНА выходит на глобальный уровень, принимая участие в конференциях ООН. Однако политизация этнических общностей не может не

приводить к конфликтам с федеральными и провинциальными властями, а их поддержка со стороны международных структур ставит индонезийское правительство в неудобное положение. Данная поддержка может быть воспринята как вмешательство во внутренние дела страны, что создает дополнительную социальную напряженность в условиях сложной внутривластной обстановки.

Осуществление лесной политики связано с проблемой ограничения выбросов в атмосферу углекислого газа. В 1997 г. закончилось действие Киотского протокола, который Индонезия хоть и ратифицировала, но не устанавливала обязательных целевых показателей снижения концентрации парниковых газов в атмосфере до уровня, который предотвратил бы опасное антропогенное вмешательство в климатическую систему. С периода преобразований индонезийское правительство существенно продвинулось в направлении международного сотрудничества по борьбе с выбросами парниковых газов и глобальным потеплением.

В мае 2010 г. Индонезия и Норвегия подписали письмо о намерениях по REDD+, согласно которому индонезийская сторона обязывалась сократить выбросы углекислого газа на 26% к 2020 г. и на 41% к 2030 при международной поддержке. В соответствии с соглашением Индонезии предписывалось принять ряд мер, включая разработку национальной стратегии и плана действий по сокращению выбросов, создание специализированного учреждения по осуществлению стратегии, введение двухлетнего моратория на промышленную разработку леса и использование торфяников. Норвежская сторона обязалась заплатить 1 млрд \$ [32]. В феврале 2019 г. Индонезия получила 13% от согласованной суммы, показав сокращение эмиссии парниковых газов [21]. Параллельно правительством продлевается мораторий на выдачу новых лицензий по использованию земель, обозначенных как первичные леса и торфяники.

Индонезия ратифицировала Рамсарскую конвенцию по болотам (1971 г.) и Международное соглашение по тропической древесине (1994 г.). Созданная в 2007 г. Ассоциация лесов и климата занимается оценкой состояния лесных покровов, подсчетом объема выбросов парниковых газов, разработкой мер по снижению выбросов и обезлесению, а также привлечением и распределением финансов для их реализации. Ассоциация финансируется Департаментом международного развития Великобритании, Мировым банком и Германским обществом технического сотрудничества. Благодаря международной поддержке, следование принципам устойчивого развития и приверженность к сокращению выбросов CO₂ становятся приоритетами развития страны [26].

В то же время уменьшение эмиссии парниковых газов и процесс декарбонизации экономики сопряжен с серьезными вызовами для страны, где нефть, газ и уголь остаются доминирующими источниками тепловой и электроэнергетики (см. табл. 3).

Для предотвращения "энергетического голода" власти Индонезии предпринимают шаги по энергетической диверсификации, делая ставку на поощрение развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Согласно постановлению правительства № 79/2014 о национальной энергетической политике новая и возобновляемая энергия должна составлять не менее 23% в 2025 и не менее 31 % в 2050 г. [26]. В настоящее время наиболее приемлемым среди возобновляемых источников в Индонезии является геотермальная энергия, по производству которой страна занимает третье место в мире после США и Филиппин [13]. Для развития данного ВИЭ предлагаются налоговые льготы и кредиты. В прошлом году была полностью запущена крупнейшая геотермальная электростанция в Сарулле (северная Суматра) общей мощностью около 330 МВт, в создании которой участвовало 8 международных кредиторов, в том числе Азиатский банк развития, Национальный австралийский банк, Японский банк международного сотрудничества, Сосиэте Женераль. Проект обошелся в 1,6 млрд \$ [37]. В течение 2019 г. на Суматре планируется запуск сразу трёх геотермальных электростанций меньшей мощности [36].

Использование энергии морских волн является более затратным проектом, хотя и более перспективным по сравнению с использованием солнечной и ветряной энергии. Согласно подсчетам экспертов, 1% индонезийского побе-

Таблица 3. Энергопотребление Индонезии (в млн тонн нефт. эквивалента)

	2008 г.	2012 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Нефть	62,6	78,4	73,8	76,4	79,3	83,4
Уголь	31,5	53	51,2	53,4	57,2	61,6
Газ	34,1	36,9	35,3	33,6	33,1	33,5
Гидроэнергетика	2,6	2,9	3,1	4,2	4,2	3,7
Возобновляемые источники энергии	1,9	2,2	2,4	2,6	3	3,3

Источник: составлено на основе [7].

режъя (примерно 800 км) может обеспечить минимум 16 ГВт электричества [49, p. 11].

В планы индонезийского правительства входит также развитие атомной энергетики, тем более что страна обладает развитым инструментарием анализа и подготовки инфраструктуры в области ядерных технологий и готова начать строительство объектов в любой момент, однако сопутствующие риски, в том числе трансграничного характера, отодвигают ядерные энергопроекты в лучшем случае на среднесрочную перспективу [1, с. 148].

Проблема увеличения доступности воды решается правительством посредством создания водохранилищ, каналов, дамб и плотин, очистки водоемов. В 2015 г. количество водохозяйственных сооружений Индонезии составляло более 200 водохранилищ и более 3000 плотин. Строительство ирригационных сооружений, необходимых для сельскохозяйственных нужд, продолжается, но для их полноценного использования необходимо развивать вспомогательную инфраструктуру, такую как электрические и транспортные сети [33].

Сектор водоснабжения по-прежнему остается проблемным. К 2019 г. планировалось увеличить емкость водохранилищ на 2,8 % до 56,6 куб. м на душу населения, что значительно ниже, чем в Таиланде (1277 куб. м) [48, pp. 11–13]. Высокие темпы роста населения страны и его диспропорциональное размещение, неразвитая инфраструктура водоснабжения и незаинтересованность бизнеса в ее модернизации не позволяют решить проблему равномерного распределения чистой питьевой воды в краткие сроки.

Потенциал водных запасов используется и как источник электроэнергии, ему уделяется внимание как альтернативному углеводородам ресурсу, способному снизить выбросы в атмосферу парниковых газов. Гидроэнергетика обеспечивает примерно 8% поставок электроэнергии, мощность подключенных к сети гидроэлектростанций составляла 5,3 ГВт (на 2016 г.), а теоретически объем гидроэнергетических мощностей оценивается в 2,16 ПВт ч/год [18]. В планы правительства входит увеличение потребления энергии благодаря гидроресурсам на 19 ГВт [48, p. 13].

Грандиозные экономические планы сложно реализовать без проведения широкомасштабных работ по очистке водных ресурсов и борьбы с их загрязнением. С конца 1980-х гг. в стране запущена программа PROKASIH ("чистые реки"), предусматривавшая подписание компаниями, загрязняющими отходами реки, добровольных обязательств по сокращению на 50% выбросов [6, p. 4]. За последние годы значительная часть бюджетных расходов уходит на проведение очистки рек, имеющих большое хозяйственное значение. Так, в феврале 2018 г. президент Индонезии Джоко Видодо приступил к осуществлению амбициозного дорогостоящего (стоимость проекта в 2011 г. составляла 4 млрд \$) семилетнего плана по очистке реки Читарум. Вдоль реки были установлены очистные сооружения и перекрыты выходы сточным водам [12]. Однако для успешной реализации задуманного плана необходимы как координация действий на местном уровне (в том числе достижение договоренности с предприятиями, сливающими в реку отходы), так и борьба с последствиями экологического нигилизма на уровне государства.

Выражая обеспокоенность сохранением и защитой водных ресурсов, основы национальной безопасности, правительство планирует дальнейшее проведение мероприятий по очистке водоёмов и источников пресной воды, параллельно осуществляя модернизацию системы водоснабжения, однако масштабы проблемы оборачиваются колоссальной нагрузкой на бюджет, что ставит под сомнение выполнимость проектов и, возможно, потребует поддержки со стороны международного сообщества.

Касательно проблемы утилизации отходов, правительство придерживается принципов их ресайклинга, вторичного использования и переработки. В Джакарте еще в конце 1990-х гг. работало 150 предприятий по переработке отходов, а производитель этанола компания PT Molindo Industrial Co создавала из промышленных отходов удобрения [3, с. 60]. Еще одной формой борьбы стал запуск правительством проектов по превращению мусора в электроэнергию. В общей сложности планируется построить 22 завода суммарной мощностью 234 МВт [22].

Индонезия объявила о сокращении к 2025 г. на 70% выбросов пластика в море [45], обязавшись в июне 2017 выделить ради этой цели 1 млрд \$ [28], однако пока в стране отсутствует система контроля пластиковых отходов, а масштабы потребления пластика растут, несмотря на запреты и налог на использование пластиковых пакетов.

Очевидно, что бороться с проблемой загрязнения окружающей среды на государственном уровне не только затратно, но и сложно, особенно, когда население воспринимает ответственным за экологические проблемы только правительство, оставаясь в стороне. Экологическое сознание индонезийского общества остается крайне низким, у населения отсутствует понимание опасности последствий варварского отношения к природе. Слабый интерес к экологическим проблемам и невысокая гражданская активность связаны, в том числе и с плохой информированностью населения. В этом отношении показателен опыт "зеленой теологии" – просветительской деятельности мусульманских сообществ по пропаганде охраны природы, среди которых представлены такие влиятельные организации, как Мухаммадийя и Нахдатул Улама. Экоислам способен стать примером для подражания в других мусульманских странах с нерешенными экологическими проблемами [5, с. 212–215].

Инструментом защиты природных объектов и уникальной среды Индонезии может стать экотуризм, который параллельно с ориентацией на повышение доходов от туристической деятельности акцентирует внимание туристов на привлекательность местных достопримечательностей. Экотуризм позволяет туристам вникнуть в проблемы сохранения биоразнообразия, внушая им важность охраны природы, параллельно давая возможность насладиться прелестью экзотических мест, а также способствует повышению уровня экологической культуры местного населения. Потенциальными местами для экотуризма являются национальный парк Комодо, остров Рубиа, природный парк Гунунг Панкар и др. С другой стороны, данная сфера предусматривает высокие социальные и экологические издержки на принимающую сторону, в том числе в обеспечении экологической безопасности [9, р. 95].

Поскольку частота и последствия катастроф, вызываемых опасными природными явлениями, становятся все более ощутимыми, очевидно, что борьба с ними перешла от сосредоточения на ликвидации их последствий к более активной и всеобъемлющей политике в области ликвидации последствий стихийных бедствий. Последствия цунами и землетрясения в Аче в декабре 2004 г., унесшего жизни почти 167 тыс. человек [31, р. 2], заставили государство обратить внимание на несовершенство системы управления рисками и перейти от реагирования к всеобъемлющему подходу.

Вскоре после катастрофы в стране создается Совет по восстановлению и реконструкции после цунами при финансовой и технической поддержке международных учреждений. В результате землетрясений в Джокьякарте (2006 г.), Бенгкулу (2007 г.) и Паданге (2009 г.) страна получила финансовую помощь со стороны различных международных организаций, таких как Всемирный банк и Программа развития ООН. В рамках закона о борьбе со стихийными бедствиями (2007 г.) создается Национальное агентство, при содействии которого в 2008 г. была создана система раннего предупреждения цунами [23]. В течение пяти лет осуществлялось внедрение региональ-

ных систем раннего предупреждения цунами в 21 районе; создаются пункты временного размещения пострадавших и планы маршрутов эвакуации. Стратегический план агентства на 2015–2019 гг. включает полный перечень управления стихийными бедствиями: начиная с этапа подготовки и заканчивая оказанием гуманитарной помощи, реконструкцией инфраструктуры и подготовкой материально-технического обеспечения. Важным элементом стратегии противодействия стихийным бедствиям является развитие информационно-коммуникационных технологий и связей с общественностью.

Прилагая усилия по защите окружающей среды, правительство осознает, что решение экологических проблем неразрывно связано со стратегией устойчивого развития Индонезии и должно затрагивать все сферы жизни индонезийского общества. Вместе с тем государственные затраты на природоохранную деятельность не превышают 1% бюджетных расходов, хоть и возросли в 3 раза за последние 10 лет [48, р. 215–216]. По сей день отсутствует надлежащий контроль над выполнением природоохранных законов. Государственные и коммерческие структуры, которые играют ключевую роль в реализации программ государственного развития, проявляют экологический интерес лишь на словах, а на практике приоритетность экономического роста остается неоспоримой. Нерешенные проблемы экологии тормозят вхождение Индонезии в число ключевых международных игроков, несмотря на то, что страна вносит свой вклад в глобальные усилия по защите окружающей среды и борьбе с опасными последствиями изменения климата.

Действия политического руководства Индонезии по охране окружающей среды, обусловленные не только усилением экологического императива в международных отношениях и амбициозными планами экономического развития, но и пониманием масштабов экологического кризиса в стране, могут стать основой более целостной и комплексной экологической политики. Однако вопрос эффективности ее реализации во многом будет зависеть от умения политической элиты выработать баланс между экономическими и экологическими интересами.

Литература

1. Золотухин И. Н., Цзя Су Ян. Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 145–157.
2. Кузнецов А. М. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX – начале XXI вв.: монография /А.М. Кузнецов, И. Н. Золотухин. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. 224 с.
3. Рогожина Н. Г. Экологическая стратегия стран Юго-Восточной Азии (социальнополитический аспект). М.: ИМЭМО РАН, 2010. 197 с.
4. Фридман Э. Канада и Россия обогнали тропические страны по объему потерь лесных покровов [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/world/20150412/227459486.html> (дата обращения: 14.07.2019).
5. Экологические проблемы стран Азии и Африки / Под ред. Д. В. Стрельцова и Р. А. Алиева. М.: Аспект Пресс, 2012. 271 с.
6. Afsah S, Laplante B, Makarim N. Program-Based Pollution Control Management. The Indonesian PROKASIH Program. The World Bank Policy Research Department Environment and Infrastructure Division. May 1996. 44 p.
7. BP Statistical Review of World Energy, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://brazilenergyinsight.com/wp-content/uploads/2019/06/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).
8. Bradley K. P., Statler M. Encyclopedia of Disaster Relief. 2011. Vol.2. 984 p.
9. Butarbutar R., Soemarno. Environmental Effects Of Ecotourism In Indonesia // Journal of Indonesian Tourism and Development Studies. Vol.1. No.3. September, 2013. Pp. 97–107.
10. Case M., Ardiansyah F., Spector E. Climate Change in Indonesia Implications for Humans and Nature [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/237325800_Climate_Change_in_Indonesia_Implications_for_Humans_and_Nature (дата обращения: 26.06.2019).
11. Frearson Amy. Indonesia to replace sinking Jakarta with new capital city [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dezeen.com/2019/05/01/indonesia-new-capital-city-jakarta-sinking/> (дата обращения: 16.06.2019).

12. Freischlad N. In Indonesia, cleaning up the Citarum, 'the world's dirtiest river', is now a military operation // Post Magazine. 5 January, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/long-reads/article/2180655/indonesia-cleaning-citarum-worlds-dirtiest-river> (дата обращения: 10.07.2019).
13. Geothermal energy in Indonesia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indonesia-investments.com/business/commodities/geothermal-energy/item268> (дата обращения: 19.06.2019).
14. Gokkon B. Indonesia to strengthen environmental impact assessments through process review... [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mongabay.com/2018/01/indonesia-to-strengthen-environmental-impact-assessments-through-process-review/> (дата обращения: 23.06.2019).
15. Hein J. I. Political Ecology of REDD+ in Indonesia. Agrarian Conflict and Forests Carbon. London: Routledge, 2018. 230 p.
16. Hulme M., Sheard N. Climate Change Scenarios for Indonesia. - Climatic Research Unit, Norwich, UK, 1999. 6 p.
17. Hunt Luke. Bali's Garbage Emergency Exposes Indonesia's Big Rubbish Problem [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/balis-garbage-emergency-exposes-indonesias-big-rubbish-problem/> (дата обращения: 30.06.2019).
18. Hydropower in Indonesia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldenergy.org/data/resources/country/indonesia/hydropower/> (дата обращения: 29.06.2019).
19. Indonesia Advancing a National Disaster Risk Financing Strategy – Options for Consideration. Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2011. 92 p.
20. Indonesia's Rainforests: Biodiversity and Endangered Species [Электронный ресурс]. URL: https://www.ran.org/indonesia_s_rainforests_biodiversity_and_endangered_species/ (дата обращения: 03.07.2019).
21. Indonesia reports reduced deforestation, triggering first carbon payment from Norway [Электронный ресурс]. URL: <https://www.norway.no/en/indonesia/norway-indonesia/news-events/news2/indonesia-reports-reduced-deforestation-triggering-first-carbon-payment-from-norway/> (дата обращения: 07.07.2019).
22. Indonesia to auction three waste-to-energy projects this year // The Jakarta Post, 27 June 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2019/06/27/indonesia-to-auction-three-waste-to-energy-projects-this-year.html> (дата обращения: 27.06.2019).
23. Indonesia Tsunami Early Warning System Meteorology [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wmo.int/pages/prog/drr/events/MHEWS-II/Presentations/Session%201/OtherCountries/08-MHEWS-II-Indonesia.pdf>. (дата обращения: 29.06.2019).
24. Indonesia's water and sanitation crisis [Электронный ресурс]. URL: <https://water.org/our-impact/indonesia/> (дата обращения: 09.07.2019).
25. Indonesia without trees? Record breaking logging of last rainforests // Clashes with Corporate Giants. Friends of the Earth. Amsterdam, 2002. 56 p.
26. Intended Nationally Determined Contribution [Электронный ресурс]. URL: http://ditjenppi.menlhk.go.id/reddplus/images/resources/ndc/NDC_kompilasi.pdf (дата обращения: 09.07.2019).
27. Kessler R. What Exactly Is Deforestation Doing to Our Planet? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecohealthalliance.org/2017/11/deforestation-impact-planet> (дата обращения: 06.07.2019).
28. Langenheim Johnny. Indonesia pledges \$1bn a year to curb ocean waste [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/environment/the-coral-triangle/2017/mar/02/indonesia-pledges-us1-billion-a-year-to-curb-ocean-waste> (дата обращения: 11.07.2019).
29. Law of the Republic of Indonesia Number 41 of 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://forestlegality.org/sites/default/files/country_documents/Forestry%20Law%20of%201999_Indonesia.pdf (дата обращения: 14.07.2019).
30. List of products exported by Indonesia [Электронный ресурс]. URL: https://www.trademap.org/tradestat/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c360%7c%7c%7c%7c%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 28.06.2019).
31. Nazara, S., Resosudarmo, B. P. Aceh-Nias reconstruction and rehabilitation: progress and challenges at the end of 2006 discussion. Tokyo: Asian Development Bank Institute. 2007. 44 p.
32. Norway gives Indonesia US\$1 billion to help reduce deforestation [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.nationalgeographic.org/2010/05/27/norway-gives-indonesia-us1-billion-to-help-reduce-deforestation/> (дата обращения: 10.07.2019).
33. Piesse M. Indonesian Water Security: Improving but Still Subject to Shocks [Электронный ресурс]. URL: <http://www.futuredirections.org.au/publication/indonesian-water-security-improving-but-still-subject-to-shocks/> (дата обращения: 12.07.2019).
34. Reducing emissions from deforestation in developing countries and approaches to stimulate action // UNFCCC. Report of the Conference of the Parties on its 13th session, held in Bali Part Two... [Электронный ресурс]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2007/cop13/eng/06a01.pdf> (дата обращения: 27.06.2019).

35. Resosudarmo I. A. P. Closer to People and Trees: Will Decentralization Work for the People // *The European Journal of Development Research*. 2004. Vol.16 (1). Pp. 110–132.
36. Richter A. Start of three geothermal plants expected in Indonesia in 2H of 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thinkgeoenergy.com/start-of-three-geothermal-plants-expected-in-indonesia-in-2h-of-2019/> (дата обращения: 20.06.2019).
37. Richter A. 330 MW Sarulla geothermal plant in Indonesia completed with third unit online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thinkgeoenergy.com/330-mw-sarulla-geothermal-plant-in-indonesia-completed-with-third-unit-online/> (дата обращения: 20.06.2019).
38. Solid Waste Management and Treatment in Indonesia (7.09.2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://bestonsortingmachine.com/solid-waste-management-and-treatment-in-indonesia/> (дата обращения: 01.07.2019).
39. Statistical Yearbook. 2018 edition. 61st issue. United Nations. New York, 2018. 501 p.
40. The Indonesian Crisis: A Human Development Perspective. Contributors. Edited by Aris Ananta. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2002. 444 p.
41. The world's top ten toxic threats in 2013. – Blacksmith Institute. Green Cross, 2013. 56 p.
42. Varkkey H. Patronage politics, plantation fires and transboundary haze // *Environmental Hazards*. 2013. Vol.12(3-4). Pp. 200–217.
43. Waters T. The Persistence of Subsistence Agriculture // *Journal of Agrarian Change*. Lexington Books. 2008. September. Pp. 643–646.
44. Wright S. Study estimates 100,000 deaths from Indonesia haze [Электронный ресурс]. URL: <https://phys.org/news/2016-09-southeast-asian-haze-crisis.html> (дата обращения: 25.06.2019).
45. Wright Thomas. The Conversation: How can Indonesia win against plastic pollution [Электронный ресурс]. URL: <https://coconuts.co/jakarta/features/conversation-can-indonesia-win-plastic-pollution/> (дата обращения: 29.06.2019).
46. Badan Pusat Statistik [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bps.go.id/sdgs/15> (дата обращения: 15.07.2019).
47. Kenyataan Akhbar 24 Jun 2013, 5 Petang (Status Kualiti Udara) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doe.gov.my/portalv1/info-hebahan/press-release/kenyataan-akhbar-24-jun-2013-5-petang-status-kualiti-udara/313251> (дата обращения: 05.07.2019).
48. Statistik Lingkungan Hidup Indonesia (Environment Statistics of Indonesia), 2017. 270 p.
49. Sugiyono A. Pengembangan Energi Alternatif di Daerah Istimewa Yogyakarta: Prospek Jangka Panjang. – Seminar Nasional VI, At Universitas Teknologi Yogyakarta, Volume: Buku 4: Teknologi Industri, 2010. Pp. 1–13.
50. Wahyuni T. Indonesia Penyumbang Sampah Plastik Terbesar Kedua Dunia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnnindonesia.com/gaya-hidup/20160222182308-277-112685/indonesia-penyumbang-sampah-plastik-terbesar-ke-dua-dunia> (дата обращения: 15.07.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Zolotukhin I. N., TSzya Su YAn. Razvitie yadernoj ehnergetiki v Yugo-Vostochnoj Azii: istoriya, tendentsii, perspektivy // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2018. № 4. S. 145–157.
2. Kuznetsov A. M. EHtnopoliticheskaya istoriya Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v KhKh – nachale KhKhI vv.: monografiya /A.M. Kuznetsov, I. N. Zolotukhin. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2011. 224 s.
3. Rogozhina N. G. EHkologicheskaya strategiya stran Yugo-Vostochnoj Azii (sotsial'nopoliticheskij aspekt). M.: IMEHO RAN, 2010. 197 s.
4. Fridman EH. Kanada i Rossiya obognali tropicheskie strany po ob"emu poter' lesnykh pokrovov [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://inosmi.ru/world/20150412/227459486.html> (дата обрashheniya: 14.07.2019).
5. EHkologicheskie problemy stran Azii i Afriki / Pod red. D. V. Strel'tsova i R. A. Alieva. M.: Aspekt Press, 2012. 271 s.
6. Afsah S, Laplante B, Makarim N. Program-Based Pollution Control Management. The Indonesian PROKASIH Program. The World Bank Policy Research Department Environment and Infrastructure Division. May 1996. 44 r.
7. BP Statistical Review of World Energy, 2019 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://brazilenergyinsight.com/wp-content/uploads/2019/06/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (дата обрashheniya: 15.07.2019).
8. Bradley K. P., Statler M. Encyclopedia of Disaster Relief. 2011. Vol.2. 984 r.

9. Butarbutar R., Soemarno. Environmental Effects Of Ecotourism In Indonesia // Journal of Indonesian Tourism and Development Studies. Vol.1. No.3. September, 2013. Rr. 97–107.
10. Case M., Ardiansyah F., Spector E. Climate Change in Indonesia Implications for Humans and Nature [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.researchgate.net/publication/237325800_Climate_Change_in_Indonesia_Implications_for_Humans_and_Nature (data obrashheniya: 26.06.2019).
11. Frearson Amy. Indonesia to replace sinking Jakarta with new capital city [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.dezeen.com/2019/05/01/indonesia-new-capital-city-jakarta-sinking/> (data obrashheniya: 16.06.2019).
12. Freischlad N. In Indonesia, cleaning up the Citarum, ‘the world’s dirtiest river’, is now a military operation // Post Magazine. 5 January, 2019 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/long-reads/article/2180655/indonesia-cleaning-citarum-worlds-dirtiest-river> (data obrashheniya: 10.07.2019).
13. Geothermal energy in Indonesia [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.indonesia-investments.com/business/commodities/geothermal-energy/item268> (data obrashheniya: 19.06.2019).
14. Gokkon B. Indonesia to strengthen environmental impact assessments through process review... [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://news.mongabay.com/2018/01/indonesia-to-strengthen-environmental-impact-assessments-through-process-review/> (data obrashheniya: 23.06.2019).
15. Hein J. I. Political Ecology of REDD+ in Indonesia. Agrarian Conflict and Forests Carbon. London: Routledge, 2018. 230 p.
16. Hulme M., Sheard N. Climate Change Scenarios for Indonesia. - Climatic Research Unit, Norwich, UK, 1999. 6 p.
17. Hunt Luke. Bali’s Garbage Emergency Exposes Indonesia’s Big Rubbish Problem [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/balis-garbage-emergency-exposes-indonesias-big-rubbish-problem/> (data obrashheniya: 30.06.2019).
18. Hydropower in Indonesia [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.worldenergy.org/data/resources/country/indonesia/hydropower/> (data obrashheniya: 29.06.2019).
19. Indonesia Advancing a National Disaster Risk Financing Strategy – Options for Consideration. Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2011. 92 r.
20. Indonesia’s Reforests: Biodiversity and Endangered Species [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.ran.org/indonesia_s_rainforests_biodiversity_and_endangered_species/ (data obrashheniya: 03.07.2019).
21. Indonesia reports reduced deforestation, triggering first carbon payment from Norway [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.norway.no/en/indonesia/norway-indonesia/news-events/news2/indonesia-reports-reduced-deforestation-triggering-first-carbon-payment-from-norway/> (data obrashheniya: 07.07.2019).
22. Indonesia to auction three waste-to-energy projects this year // The Jakarta Post, 27 June 2019 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2019/06/27/indonesia-to-auction-three-waste-to-energy-projects-this-year.html> (data obrashheniya: 27.06.2019).
23. Indonesia Tsunami Early Warning System Meteorology [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.wmo.int/pages/prog/drr/events/MHEWS-II/Presentations/Session%201/OtherCountries/08-MHEWS-II-Indonesia.pdf>. (data obrashheniya: 29.06.2019).
24. Indonesia’s water and sanitation crisis [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://water.org/our-impact/indonesia/> (data obrashheniya: 09.07.2019).
25. Indonesia without trees? Record breaking logging of last rainforests // Clashes with Corporate Giants. Friends of the Earth. Amsterdam, 2002. 56 p.
26. Intended Nationally Determined Contribution [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://ditjenppi.menlhk.go.id/reddplus/images/resources/ndc/NDC_kompilasi.pdf (data obrashheniya: 09.07.2019).
27. Kessler R. What Exactly Is Deforestation Doing to Our Planet? [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.ecohealthalliance.org/2017/11/deforestation-impact-planet> (data obrashheniya: 06.07.2019).
28. Langenheim Johnny. Indonesia pledges \$1bn a year to curb ocean waste [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/environment/the-coral-triangle/2017/mar/02/indonesia-pledges-us1-billion-a-year-to-curb-ocean-waste> (data obrashheniya: 11.07.2019).
29. Law of the Republic of Indonesia Number 41 of 1999 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://forestlegality.org/sites/default/files/country_documents/Forestry%20Law%20of%201999_Indonesia.pdf (data obrashheniya: 14.07.2019).
30. List of products exported by Indonesia [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.trademap.org/tradestat/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c360%7c%7c%7c%7c15%7c%7c%7c4%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (data obrashheniya: 28.06.2019).
31. Nazara, S., Resosudarmo, B. P. Aceh-Nias reconstruction and rehabilitation: progress and challenges at the end of 2006 discussion. Tokyo: Asian Development Bank Institute. 2007. 44 p.

32. Norway gives Indonesia US\$1 billion to help reduce deforestation [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://blog.nationalgeographic.org/2010/05/27/norway-gives-indonesia-us1-billion-to-help-reduce-deforestation/> (data obrashheniya: 10.07.2019).
33. Piesse M. Indonesian Water Security: Improving but Still Subject to Shocks [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.futuredirections.org.au/publication/indonesian-water-security-improving-but-still-subject-to-shocks/> (data obrashheniya: 12.07.2019).
34. Reducing emissions from deforestation in developing countries and approaches to stimulate action // UNFCCC. Report of the Conference of the Parties on its 13th session, held in Bali Part Two... [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2007/cop13/eng/06a01.pdf> (data obrashheniya: 27.06.2019).
35. Resosudarmo I. A. P. Closer to People and Trees: Will Decentralization Work for the People // The European Journal of Development Research. 2004. Vol.16 (1). Pp. 110–132.
36. Richter A. Start of three geothermal plants expected in Indonesia in 2H of 2019 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.thinkgeoenergy.com/start-of-three-geothermal-plants-expected-in-indonesia-in-2h-of-2019/> (data obrashheniya: 20.06.2019).
37. Richter A. 330 MW Sarulla geothermal plant in Indonesia completed with third unit online [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.thinkgeoenergy.com/330-mw-sarulla-geothermal-plant-in-indonesia-completed-with-third-unit-online/> (data obrashheniya: 20.06.2019).
38. Solid Waste Management and Treatment in Indonesia (7.09.2018) [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://bestonsortingmachine.com/solid-waste-management-and-treatment-in-indonesia/> (data obrashheniya: 01.07.2019).
39. Statistical Yearbook. 2018 edition. 61st issue. United Nations. New York, 2018. 501 p.
40. The Indonesian Crisis: A Human Development Perspective. Contributors. Edited by Aris Ananta. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2002. 444 p.
41. The world's top ten toxic threats in 2013. – Blacksmith Institute. Green Cross, 2013. 56 p.
42. Varkkey H. Patronage politics, plantation fires and transboundary haze // Environmental Hazards. 2013. Vol.12(3-4). Pp. 200–217.
43. Waters T. The Persistence of Subsistence Agriculture // Journal of Agrarian Change. Lexington Books. 2008. September. Pp. 643–646.
44. Wright S. Study estimates 100,000 deaths from Indonesia haze [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://phys.org/news/2016-09-southeast-asian-haze-crisis.html> (data obrashheniya: 25.06.2019).
45. Wright Thomas. The Conversation: 'How can Indonesia win against plastic pollution' [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://coconuts.co/jakarta/features/conversation-can-indonesia-win-plastic-pollution/> (data obrashheniya: 29.06.2019).
46. Badan Pusat Statistik [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.bps.go.id/sdgs/15> (data obrashheniya: 15.07.2019).
47. Kenyataan Akhbar 24 Jun 2013, 5 Petang (Status Kualiti Udara) [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.doe.gov.my/portalv1/info-hebahan/press-release/kenyataan-akhbar-24-jun-2013-5-petang-status-kualiti-udara/313251> (data obrashheniya: 05.07.2019).
48. Statistik Lingkungan Hidup Indonesia (Environment Statistics of Indonesia), 2017. 270 p.
49. Sugiyono A. Pengembangan Energi Alternatif di Daerah Istimewa Yogyakarta: Prospek Jangka Panjang. – Seminar Nasional VI, At Universitas Teknologi Yogyakarta, Volume: Buku 4: Teknologi Industri, 2010. Pp. 1–13.
50. Wahyuni T. Indonesia Penyumbang Sampah Plastik Terbesar Kedua Dunia [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.cnnindonesia.com/gaya-hidup/20160222182308-277-112685/indonesia-penyumbang-sampah-plastik-terbesar-ke-dua-dunia> (data obrashheniya: 15.07.2019).

Золотухин И. Н., Журбей Е. В., Куква Н. М. Опыт экологической политики Индонезии: уроки, проблемы и решения.

В статье рассматривается экологическая ситуация в Индонезии, в том числе проблемы, риски окружающей среды и угрозы ей, а также влияние экологического кризиса на развитие страны. В работе освещен индонезийский опыт природоохранной политики, практика противодействия антропогенным факторам и стихийным бедствиям, сотрудничество с международным сообществом в отношении внутренних и глобальных экологических вызовов. Методической основой работы является анализ результатов исследований, статистические материалы, данные экспертных обзоров по экологической обстановке в Индонезии и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: *Индонезия, Юго-Восточная Азия, окружающая среда, экологическая политика, климат, стихийные бедствия, экологическая безопасность, зеленая теология, экотуризм*

Zolotukhin I. N., Zhurbey E. V., Kukva N. M. The experience of Indonesian environmental policy: implications, problems and solutions.

The research explores the ecological situation in Indonesia including problems, risks, and threats to the environment, as well as the impact of the environmental crisis on the development of the country. The paper highlights the Indonesian experience of environmental policy, the practice of countering anthropogenic factors and natural disasters, the cooperation with the international community regarding domestic and global environmental challenges. The article is based on the analysis of the results of the researches, statistics and the data of experts' reviews dealing with the environmental issues in Indonesia and South-East Asia.

Key words: *Indonesia, Southeast Asia, environment, environmental policy, climate, natural disasters, environmental security, green theology, ecotourism*

Для цитирования: Золотухин И. Н., Журбей Е. В., Куква Н. М. Опыт экологической политики Индонезии: уроки, проблемы и решения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 83–97. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/83-97

For citation: Zolotukhin I. N., Zhurbey E. V., Kukva N. M. The experience of Indonesian environmental policy: implications, problems and solutions // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 83–97. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/83-97

Трансформация этнической структуры населения Якутии (территориальный срез)

Актуальность проблемы. Динамика национального (этнического) состава населения региона обуславливает динамику межнациональных отношений, требующую соответствующей реакции со стороны государственной власти, ответственной за стабильность в регионах, что особенно актуально для полиэтнических территорий, к которым можно отнести Республику Саха (Якутия). Безусловно, для формирования и укрепления толерантных взаимоотношений в многосоставном обществе требуются время, нормы и ценности, механизмы и средства, которые зависят от специфики этнокультурного функционирования, обусловленной этнической структурой населения.

Интерес к анализу протекающих изменений в составе этноструктуры региона обусловлен такими основными моментами, как:

- Якутия – это одна из немногих национальных республик России, где коренные народы составляют большинство;
- Сибирь и Дальний Восток, к которым относят Якутию, традиционно воспринимаются как наиболее спокойные в межэтническом отношении территории, но в силу этнизации власти некоторая межэтническая напряженность присутствует в национальных регионах данных макротерриторий [22];
- низкий уровень внешней миграции (по сравнению со среднероссийскими показателями) [12].

Одним из ключевых индикаторов состояния и тенденций межнациональных отношений в регионе является изменение этноструктуры населения. Несмотря на реализацию политики по поддержке этнокультурного многообразия и укрепления гражданского единства, проводимой в Якутии, качественный состав полиэтнического региона и его динамика должны отслеживаться, как и матрица идентичности регионального сообщества (уровень гражданской, региональной, этнической идентичности).

Научная разработка проблемы, цель и методы исследования. Безусловно, этноструктура Якутии всегда вызывала интерес исследователей, прежде всего, региональных. Важный вклад в изучение демографических изменений в Якутии внесли такие ученые, как С. А. Сукнёва, Т. С. Мостахова [18; 14], углубленно национальный состав населения изучался В. Б. Игнатьевой [7; 8; 9], имеются работы, связанные с анализом динамики изменения в конкретных районах Якутии [10; 11], междисциплинарные (генетика и демография, экономика и социология) исследования движения населения [3; 4], миграции в республике [13; 19]. Большинство последних региональных публикаций оперирует общими данными по Якутии [1; 4; 12; 21], также имеется исследование территориальной локализации этносов Якутии в контексте определения этнокультурных ландшафтов [6]. Современные статьи, затрагивающие анализ динамики этноструктуры населения Якутии, при определении детерминантов трансформации к основным факторам, оказывающим влияние на этнический состав населения, относят перманентную миграцию русскоязычного населения (представленного, главным образом, русскими), усилившуюся иммиграцию из стран Средней Азии, рост численности городского населения за счет внутренней сельской миграции, положительное saldo естественного прироста коренных народов.

В то же время, этноструктура районов Якутии как фактор гармонизации межнациональных отношений и планирования государственной националь-

ной политики в регионе не становилась отдельным предметом исследования. В настоящей статье автор представит трансформацию этноструктуры региона в контексте анализа данных по всем 36 муниципальных образованиям Якутии, что позволит более детально представить картину полиэтничности республики и отследить динамику изменения этнического состава в районах Якутии, тем самым выявив потенциальные зоны рисков межнациональных отношений, на которые республиканским органам власти следует обратить особое внимание.

Для изучения трансформации этнической структуры населения улусов (районов) воспользуемся официальными статистическими данными Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), представленными по итогам ВПН-2002 (Всероссийской переписи населения 2002 г.) и ВПН-2010 (Всероссийской переписи населения 2010 г.).

А также для сравнительного анализа и возможной типологизации районов на основе данных о районировании Якутии [6, 17, 20] объединим улусы республики в пять дифференцированных природно-климатических и экономических зон:

- арктическая, включающая: Аллаховский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский, Анабарский улусы (районы), а также недавно вошедшие в Арктическую зону России Оленёкский, Жиганский, Эвено-Бытантайский, Верхоянский, Момский, Абыйский, Среднеколымский, Верхнеколымский улусы (районы);

- восточная: Оймяконский, Усть-Майский, Томпонский улусы (районы);

- западная: Верхневилуйский, Вилуйский, Ленский, Мирнинский, Нюрбинский, Сунтарский улусы (районы);

- южная: Алданский, Олёкминский, Нерюнгринский улусы (районы);

- центральная: Амгинский, Горный, Кобяйский, Мегино-Кангаласский, Намский, Таттинский, Усть-Алданский, Хангаласский, Чурапчинский улусы (районы) и г. Якутск (включающий городской округ (ГО) "Якутск" и ГО "Жатай").

Результаты. Исходя из национального (этнического) состава населения 36 муниципальных образований Якутии (с учетом ГО "Жатай"), выделяются улусы (районы) с доминированием:

- якутов (саха) в очень высокой доле (90% и более): Усть-Алданский, Таттинский, Чурапчинский, Намский, Верхневилуйский, Нюрбинский, Сунтарский, Амгинский, Горный, Мегино-Кангаласский улусы (районы); высокой доле (от 70% до 90%): Абыйский, Верхоянский, Вилуйский, Среднеколымский улусы (районы); выше средней доли (от 60% до 70%): Кобяйский и Момский улусы (районы); со средней долей (от 50% до 60%): Хангаласский улус (район); в ниже средней доли (от 40% до 50%): Усть-Янский улус (район), ГО "Якутск". Данные особенности характерны для всей центральной зоны и районов так называемой Вилуйской группы, входящих в западную зону;

- русских в высокой доле (от 70% до 90%): Нерюнгринский и Алданский районы, ГО "Жатай"; выше средней доли (от 60% до 70%): Ленский, Мирнинский районы; со средней долей (от 50% до 60%): Верхнеколымский, Оймяконский, Усть-Майский улусы (районы). Такое доминирование наблюдается в южной, восточной и западной зонах;

- представителей коренных малочисленных народов Севера (эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи) (далее – КМНС) в высокой доле (от 70% до 90%): Оленёкский и Анабарский улусы (районы); со средней долей (от 50% до 60%): Жиганский и Эвено-Бытантайский улусы (районы). Высокая доля КМНС в структуре населения встречается в основном в районах арктической зоны;

- двух этнических групп с примерно равным соотношением между русскими и якутами (Томпонский, Олёкминский улусы (районы)); между якутами и КМНС (Анабарский улус (район)); и примерно равным соотношением между русскими и КМНС (Нижнеколымский район). Такое доминирование наблюдается в районах, входящих и в арктическую, и в восточную зоны;

- трех основных этнических групп (примерно равное соотношение между русскими, якутами и КМНС): Булунский и Аллаховский улусы (районы), относящихся к арктической зоне.

Анализ динамики позволил выделить следующие тренды среди трех основных этнических групп в территориальном разрезе:

- увеличение доли КМНС на фоне снижения долей русских и якутов (Анабарский, Жиганский, Оленёкский, Эвено-Бытантайский улусы (районы);
- увеличение доли КМНС при сохранении доли якутов и снижении численности русского населения с постепенным переходом КМНС в доминирующую группу населения (Булунский улус (район);
- сохранение доминирующего положения русского этноса, но при некоторых подвижках к росту численности представителей коренных народов (Мирнинский район, Верхнеколымский улус (район), ГО "Жатай");
- небольшой рост доли русских при сохранении ими доминирующего положения (Нерюнгринский, Алданский и Ленский районы);
- снижение доли русских как доминирующего этноса на фоне небольшого роста доли коренных народов (Нижнеколымский, Оймяконский улусы (районы);
- снижение доли русских как доминирующего этноса на фоне роста КМНС и небольшого снижения якутов (Усть-Майский улус (район);
- уравнивание долей двух этносов (русские и якуты) и тренд к смене доминирующей группы (Олёкминский, Томпонский улусы (районы));
- уравнивание долей двух этносов (русские и якуты), значительный рост доли КМНС и формирование равновесия трех основных этносов (Аллаиховский улус (район);
- рост доли якутов и приближение её значения к 100% (Амгинский, Верхневилуйский, Горный, Мегино-Кангаласский, Намский, Нюрбинский, Сунтарский, Таттинский, Усть-Алданский, Чурапчинский улусы (районы);
- рост доли якутов в составе населения и сокращение русских (Верхоянский, Вилюйский, Хангаласский улусы (районы), ГО "Якутск");
- небольшой рост доли якутов как доминирующей группы и сокращение русского населения при небольшом повышении доли КМНС (Кобяйский улус (район);
- рост доли якутов и её "движение" к доминированию на фоне сокращения русских и повышения доли КМНС (Усть-Янский улус (район);
- небольшой рост доли якутов как доминирующей группы и высокий темп роста доли КМНС при сокращении относительной численности русских (Абыйский улус (район);
- небольшое снижение доли якутов как доминирующей группы, рост КМНС на фоне снижения доли русских (Момский, Среднеколымский улусы (районы).

Наложение зонирования позволяет выделить три контрастных типа районов с диаметрально противоположным этническим составом населения: "центральный", "южный" и "арктический" типы.

Центральная Якутия – это колыбель и оплот якутской культуры и якутской идентичности. Центральная зона Якутии – моноэтническая территория.

Уникальность арктической зоны Якутии состоит в наличии территорий с высокой численностью представителей коренных малочисленных народов, обладающих доминирующими позициями в структуре. Именно здесь образованы четыре национальных района (Анабарский, Оленёкский, Жиганский и Эвено-Бытантайский), а с учетом оттока русского населения потенциальным пятым районом с доминирующей численностью КМНС может стать Нижнеколымский.

"Южный" тип отличает наличие высокой доли русских в составе населения и обозначается нами именно таким словосочетанием, поскольку характерен для районов, входящих в южную зону Якутии.

Можно выделить еще три уникальных типа этноструктуры на территории Якутии. Так, в составе центральной зоны выделяются два района: Хангаласский улус и г. "Якутск", где доля якутов в составе населения не столь высока (от 49 до 60%), как в остальных районах центральной зоны, а доля русских достаточно представительна (от 31 до 40%). Такое соотношение практически соответствует структуре населения в целом всей республики, что позволяет нам обозначить наблюдаемую особенность как "общереспубликанский" тип этноструктуры.

Территориям восточной зоны характерно доминирование русского населения, но здесь, в отличие от южного типа, наблюдается рост доли коренных народов. Таким образом, можно выделить "восточный" тип этноструктуры, который наблюдается полностью во всех восточных районах, а также в Олёкминском (южная зона) и Верхнеколымском (арктическая зона) улусах.

В арктической зоне, помимо районов с доминированием представителей КМНС, имеются выраженные полиэтнические территории, где доли русских, якутов и КМНС условно стремятся к равновесию, что позволяет нам объединить этнические структуры таких районов (Аллаиховский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский улусы) под условным названием "арктический смешанный" тип. Надо сказать, что в некоторых районах арктической зоны выделяются территории, этноструктура которых характерна для центральной зоны (Абыйский, Верхоянский и Среднеколымский).

В западной зоне Якутии наблюдаются районы, этническая структура которых характерна для центральной (Верхневилуйский, Вилуйский, Нюрбинский, Сунтарский улусы) и южной зон (Ленский и Мирнинский район). Таким образом, в западной зоне мы наблюдаем наличие или "центрального", или "южного" типа этноструктуры населения.

Основное движение в составе населения связано с миграцией и естественным приростом. Напомним, что в целом по Якутии наблюдается постепенное снижение доли русских в составе населения и повышение доли коренного населения (якутов, эвенов, эвенков). По данным ВПН-2010 в Якутии якуты составляли 49,9%; русские – 37,8%; украинцы – 2,2%; эвены – 1,6%; татары – 0,9%; буряты – 0,8%; киргизы – 0,5%; армяне – 0,4%; узбеки – 0,4%; других национальностей (этнических групп) – 3,3%. Это свидетельствует о миграционной убыли некогда приезжего и осевшего в Якутии населения, что обусловлено комплексом причин (социальных, природно-климатических, экономических), среди которых, по нашему мнению, существенное влияние имеет низкий уровень качества жизни, заставляющий ранее "приехавших" мигрировать в другие более благоприятные регионы России. Так, по данным Присяжного М. Ю., только Мирнинский район и г. Якутск, а также, с некоторой долей условности, Нерюнгринский, Хангаласский, Чурапчинский и Булунский улусы можно отнести к территориям с более удовлетворительным качеством жизни (анализ был составлен на основе 13-ти показателей, среди которых: движение населения, здоровье, денежные доходы, особенности рынка труда, жилищные условия, уровень преступности и т.д.) [17]. Остальные районы Якутии совершенно не дотягивают даже до средне-республиканского показателя уровня качества жизни населения.

Безусловно, динамика структуры населения зависит от исторических процессов, череды экономических и политических событий. Центральная зона Якутии считается территорией традиционного расселения якутов, здесь сохраняется высокая значимость скотоводства и коневодства; преобладает сельское население. Промышленное освоение Якутии в советское время дало толчок развитию Южной Якутии и некоторых территорий арктической зоны, что повлекло массовый приток иноэтнического населения, однако последующие политические процессы (распад СССР) привели к экономической стагнации, закрытию предприятий и ряда поселков. Массовый отток населения в этот сложный период сформировал новые этносоциальные тренды, задал динамику современных этноструктурных процессов в Якутии. Прежде всего, это коснулось столицы Якутии и некогда "густонаселенных" арктических и южных районов республики (например, в 1989 г. численность населения Усть-Янского улуса была 41 265 чел., Верхнеколымского – 10 072, Нерюнгринского – 117 358 чел., а в 2010 г. население составило в Усть-Янском улусе 8 056 чел., Верхнеколымском – 4 723, в Нерюнгринском – 82 766 чел.). Сегодня арктическая зона вновь характеризуется низкой плотностью населения и сохранением традиционного природопользования (прежде всего, оленеводства и рыболовства).

Если в центральной и арктической зонах наблюдается высокая доля сельского населения, то в современных промышленных районах южной и западной зон Якутии – высокий уровень урбанизации. Наличие развитой сети промышленных предприятий в южной и западной зонах позволяет сохранить

высокий уровень заработной платы, что сдерживает массовую миграцию русских из этих районов.

Помимо роста численности коренного населения, в Якутии увеличивается численность представителей Средней Азии (киргизов, узбеков). Рост доли представителей Средней Азии зафиксирован не во всех улусах Якутии. Небольшая динамика наблюдалась в Анабарском, Булунском, Ленском, Мегино-Кангаласском, Нерюнгринском, Олэкминском, Томпонском, Хангаласском улусах (районах), ГО "Жатай", высокая – в Мирнинском районе и ГО "Якутск". Выборочное "заселение" представителей Средней Азии Якутии связано с экономическими возможностями районов, представляемыми для них. Немаловажно значение при формировании политики в сфере межнациональных отношений имеет учет динамики включения в состав населения нетипичных этнических групп (например, такие изменения привели к митингу в г. Якутске весной 2019 г. [2]), а также на фоне актуализации прав КМНС и их взаимоотношений с промышленными компаниями изменения доминирующих позиций среди представителей коренных народов (якуты / КМНС).

Обсуждение и заключение. В Якутии, несмотря на ее полиэтничность, наблюдается функционирование трех весьма полярных типов этноструктур населения, которые условно обозначены нами как "арктический", "южный" и "центральный", тяготеющих к моноэтническому составу. Причем именно в центральной зоне сформировались районы с более чем 90,0% населением, идентифицирующим себя с одной этнической группой – якуты, и таких моноэтнических районов в Якутии десять единиц, что составляет 28% всех районов, где проживает 22,8% от всего населения Якутии.

На территориях с высокой долей русских в составе населения проживает около 13,7% от общей численности жителей Якутии (Ленский, Нерюнгринский районы и ГО "Жатай"). При определенных обстоятельствах и с некоторой условностью к группе районов с приближающейся долей к 90,0% населения, идентифицирующего себя с одной этнической группой, можно отнести два русскоязычных района: Нерюнгринский район и ГО "Жатай".

Территории с абсолютным доминированием представителей КМНС (четыре единицы) населяют всего 1,5% от общей численности жителей Якутии.

В границах районов, которые представляют собой выраженные полиэтнические территории, где три основных этноса стремятся к уравниванию (пять единиц), проживает около 7,4% населения Якутии.

54,6% (основное большинство) населения Якутии проживает на территориях с конкурирующими долями в этнической структуре якутов и русских.

Интересным является и то, что только одна территория Якутии (по данным ВПН-2010) более точно отражает национальный (этнический) состав населения в целом по республике – ГО "Якутск". В дополнении к полученным результатам можно отнести заключение, что ГО "Якутск" вполне репрезентативен при формировании выборки социологического исследования по вопросам этносоциальных процессов в республике.

Итак, результаты анализа динамики этнического состава населения 36 муниципальных районов Якутии позволяют заключить, что национальная политика, осуществляемая в республике, должна учитывать уникальность ее территорий в этноструктурном плане. Так, например, О. Б. Подвинцев пишет, что в регионе имеются угрозы целостности, обусловленные тем, что региональные элиты неспособны или у них нет возможности найти адекватные ответы на появляющиеся вызовы [15]. Унифицируя полученные результаты, можно говорить о необходимости учета особенностей шести выделенных типов этнического состава населения и формирования как минимум трех основных подходов при реализации национальной политики и гармонизации межнациональных отношений: арктического, центрального и южного, каждый из которых должен отражать как уникальность, так и быть взаимообусловлен единством. О. Б. Подвинцев отмечает, что тиражируемые сегодня в Якутии идеи единства на основе отнесения себя к "якутянам" и принадлежности к "арктической цивилизации" достаточно легко могут стать благоприобретенной идентичностью, не требующей отказа от этнической, но этот эффект пока весьма трудно прогнозировать в отношении русскоязычного "Юга" республики [15], что подтверждает важность учета при реализации национальной политики и гармонизации межнациональных отношений этноструктурных ти-

пов районов Якутии. Более активная трансформация этнических структур с учетом роста численности представителей Средней Азии, не являющихся типичными для Якутии в таких районах, как Анабарский, Булунский, Ленский, Мегино-Кангаласский, Нерюнгринский, Олѣкминский, Томпонский, Хангаласский, Мирнинский и, конечно, г. Якутск, при определённых условиях может спровоцировать рост неудовлетворенности межнациональной ситуацией в регионе. Данные районы должны в первую очередь быть во внимании у органов власти при проведении политики по гармонизации межнациональных отношений. Результаты исследования позволяют сделать заключение о необходимости глубинного анализа этнического состава как фактора устойчивости межнациональных отношений и трансформации матрицы идентичности.

Литература

1. Байанаева Д. И., Федотова С. А. Проблемы народонаселения Республики Саха (Якутия) // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 82–85.
2. В Якутии устроили митинг против мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infpol.ru/198089-v-yakutii-ustroili-miting-protiv-migrantov/> (дата обращения: 01.06.2019).
3. Данилова А. Л., Кучер А. Н., Максимова Н. Р., Сухомясова А. Л., Николаева И. А., Павлов Ф. В., Ноговицына А. Н. Генетико-демографический анализ сельских популяций Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. 2005. № 2. С. 98–103.
4. Данилова А. Л., Максимова Н. Р., Сухомясова А. Л., Ноговицына А. Н., Кучер А. Н. Генетико-демографическое исследование народонаселения РС(Я) // Якутский медицинский журнал. 2009. № 2 (26). С. 37–40.
5. Дегтева Ж. Ф. Трансформация этнической структуры Республики Саха (Якутия) // Региональные исследования. 2013. № 1 (39). С. 80–85.
6. Дегтева Ж. Ф. Пространственная организация этнокультурных ландшафтов Якутии: Автореферат дис. ... кандидата географических наук. Иркутск, 2017. 23 с.
7. Игнатьева В. Б. Население Республики Саха (Якутия): динамика современных демографических процессов // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2000. С. 9–34.
8. Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Республики Саха (Якутия) 1959–1989 гг.: Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Якутск, 1993. 23 с.
9. Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Якутии. Этно-статистическое исследование. Якутск, 1994. 144 с.
10. Курчатова Т. Т. Национальный состав населения Олѣкминского района: история формирования и развития в конце XIX – начале XX века // Вестник северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2017. № 3 (07). С. 17–22.
11. Кучер А. Н., Максимова Н. Р., Ноговицына А. Н., Сухомясова А. Л. Генетико-демографическое описание сельского населения Усть-Алданского улуса Республики Саха (Якутия): национальный и половозрастной состав, витальные статистики, семейная структура // Генетика. 2004. Т. 40. № 5. С. 677–684.
12. Маклашова Е. Г. Государственная национальная политика России: практика реализации в Дальневосточном федеральном округе. Якутск, 2018. 226 с.
13. Маклашова Е. Г., Васильева О. В. Проблемы интеграции мигрантов в полиэтничном сообществе (на примере Республики Саха (Якутия)) // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта Материалы IX международного научно-практического Форума. В 2-х томах. Под научной редакцией С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой. 2017. С. 126–129.
14. Мостахова Т. С. Демографическая безопасность региона: подходы к оценке и индикаторы угроз в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2018. № 2 (10). С. 15–22.
15. Подвинцев О. Б. "Переселенческие территории" в составе "национальных окраин": противоречия субрегиональной структуры российских республик // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 1. С. 108–115.
16. Подойницына И. И. Этнокультурные аспекты разделения труда в Якутии: социологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 3. С. 256–265.

17. Присяжный М. Ю. Анализ качества жизни при планировании регионального развития // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2011. Т. 8., № 2. С. 74–79.
18. Сукнёва С. А., Семенова Е. Н. Проблемы и перспективы социального развития региона (на примере Республики Саха (Якутия)) // Экономика устойчивого развития. 2018. № 3 (35). С. 177–184.
19. Томаска А. Г., Федотова Н. Д., Санникова Я. М., Винокурова Д. М. Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Якутск, 2018. 185 с.
20. Федорова Е. Н., Пономарева Г. А., Бубякин В. И. Опыт социально-экономического районирования Республики Саха (Якутия) методом экспертных оценок // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 16. С. 57–61.
21. Филипова В. В., Гнатюк Г. А. Пространственно-временная дифференциация населения Республики Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3 (205). С. 59–65.
22. ЦИНК | Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 – весна 2014 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (дата обращения: 01.06.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bajanaeva D. I., Fedotova S. A. Problemy narodonaseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya) // Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya. 2014. № 2. S. 82–85.
2. V YAkutii ustroili miting protiv migrantov. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.infpol.ru/198089-v-yakutii-ustroili-miting-protiv-migrantov/> (data obrashheniya: 01.06.2019).
3. Danilova A. L., Kucher A. N., Maksimova N. R., Sukhomyasova A. L., Nikolaeva I. A., Pavlov F. V., Nogovitsyna A. N. Genetiko-demograficheskij analiz sel'skikh populyatsij Respubliki Sakha (Yakutiya) // Nauka i obrazovanie. 2005. № 2. S. 98–103.
4. Danilova A. L., Maksimova N. R., Sukhomyasova A. L., Nogovitsyna A. N., Kucher A. N. Genetiko-demograficheskoe issledovanie narodonaseleniya RS(YA) // YAkutskij meditsinskij zhurnal. 2009. № 2 (26). S. 37–40.
5. Degteva ZH. F. Transformatsiya ehnticheskoj struktury Respubliki Sakha (Yakutiya) // Regional'nye issledovaniya. 2013. № 1 (39). S. 80–85.
6. Degteva ZH. F. Prostranstvennaya organizatsiya ehntokul'turnykh landshaftov YAkutii: Avtoreferat dis. ... kandidata geograficheskikh nauk. Irkutsk, 2017. 23 s.
7. Ignat'eva V. B. Naselenie Respubliki Sakha (Yakutiya): dinamika sovremennykh demograficheskikh protsessov // EHtnosotsial'noe razvitie Respubliki Sakha (Yakutii): potentsial, tendentsii, perspektivy. Novosibirsk, 2000. S. 9–34.
8. Ignat'eva V. B. Natsional'nyj sostav naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya) 1959–1989 gg.: Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. YAkutsk, 1993. 23 s.
9. Ignat'eva V. B. Natsional'nyj sostav naseleniya YAkutii. EHtno-statisticheskoe issledovanie. YAkutsk, 1994. – 144 s.
10. Kurchatova T. T. Natsional'nyj sostav naseleniya Olyokminskogo rajona: istoriya formirovaniya i razvitiya v kontse XIX – nachale KhKh veka // Vestnik severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo. 2017. № 3 (07). S. 17–22.
11. Kucher A. N., Maksimova N. R., Nogovitsyna A. N., Sukhomyasova A. L. Genetiko-demograficheskoe opisanie sel'skogo naseleniya Ust'-Aldanskogo ulusa Respubliki Sakha (Yakutiya): natsional'nyj i polovozrastnoj sostav, vital'nye statistiki, famil'naya struktura // Genetika. 2004. T. 40. № 5. S. 677–684.
12. Maklashova E. G. Gosudarstvennaya natsional'naya politika Rossii: praktika realizatsii v Dal'nevostochnom federal'nom okruge. YAkutsk, 2018. 226 s.
13. Maklashova E. G., Vasil'eva O. V. Problemy integratsii migrantov v poliehtnicheskom soobshestve (na primere Respubliki Sakha (Yakutiya)) // Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli ehffektivnogo upravleniya migratsiej v usloviyakh razvitiya evrazijskogo integratsionnogo proekta Materialy IX mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo Forum. V 2-kh tomakh. Pod nauchnoj redaktsiej S. V. Ryazantseva, M. N. Khramovoj. 2017. S. 126–129.
14. Mostakhova T. S. Demograficheskaya bezopasnost' regiona: podkhody k otsenke i indikatory ugroz v Respublike Sakha (Yakutiya) // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: EHkonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya. 2018. № 2 (10). S. 15–22.
15. Podvintsev O. B. "Pereselencheskie territorii" v sostave "natsional'nykh okrain": protivorechiya subregional'noj struktury rossijskikh respublik // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2017. № 1. S. 108–115.

16. Podojnitsyna I. I. Ehtnokul'turnye aspekty razdeleniya truda v YAkutii: sotsiologicheskij analiz // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. 2012. № 3. S. 256–265.
17. Prisyazhnyj M. Yu. Analiz kachestva zhizni pri planirovanii regional'nogo razvitiya // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. 2011. T. 8., № 2. S. 74–79.
18. Suknyova S. A., Semenova E. N. Problemy i perspektivy sotsial'nogo razvitiya regiona (na primere Respubliki Sakha (YAkutiya)) // EHkonomika ustojchivogo razvitiya. 2018. № 3 (35). S. 177–184.
19. Tomaska A. G., Fedotova N. D., Sannikova YA. M., Vinokurova D. M. Respublika Sakha (YAkutiya): osobennosti territorial'noj i sotsial'noj mobil'nosti. YAkutsk, 2018. 185 s.
20. Fedorova E. N., Ponomareva G. A., Bubyakin V. I. Opyt sotsial'no-ehkonomicheskogo rajonirovaniya Respubliki Sakha (YAkutiya) metodom ehkspertnykh otsenok // Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika. 2010. № 16. S. 57–61.
21. Filipova V. V., Gnatyuk G. A. Prostranstvenno-vremennaya differentsiatsiya naseleniya Respubliki Sakha (YAkutiya) // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2017. № 3 (205). S. 59–65.
22. TSINK | Grozd'ya gneva. Rejting mezhehtnicheskoy napryazhennosti v regionakh Rossii. Osen' 2013 – vesna 2014 goda. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (data obrashheniya: 01.06.2019).

Маклашова Е. Г. Трансформация этнической структуры населения Якутии (территориальный срез).

В данной статье дается оценка изменений в национальном (этническом) составе Якутии. Проводится анализ официальных статистических данных о движении национального (этнического) состава в 36 муниципальных районах Якутии, представленных ВПН-2002 и ВПН-2010. Выявлены сдвиги в этноструктурах районов Якутии, локализованы территории возможных рисков межнациональных конфликтов. В статье автор выделяет шесть уникальных типов этнического состава населения на территории Якутии, которые должны быть учтены при реализации национальной политики в регионе и гармонизации межнациональных отношений на территории Якутии.

Ключевые слова: *Якутия, муниципальные районы Якутии, национальный (этнический) состав, этническая структура, якуты, русские, коренные малочисленные народы Севера, национальная политика, гармонизация межнациональных отношений*

Maklashova E. G. Ethnic structure's transformation of the population of Yakutia (territorial view).

In this article the estimate of the changes in the national (ethnic) structure of Yakutia is given. The analysis of official statistical data on the movement in the national (ethnic) structure of 36 municipal districts of Yakutia, which submitted by national census-2002 and national census-2010, is carried out. Shifts in the ethnic structures of the regions of Yakutia are revealed, the territories of possible risks of interethnic conflicts are localized. In the article, the author identifies three unique types of ethnic structure of the population in the territory of Yakutia, which should be taken in implementing of the ethnonational policy in the region and harmonizing interethnic relations in Yakutia.

Key words: *Yakutia, municipal districts of Yakutia, national (ethnic) composition, ethnic structure, Yakuts, Russians, Indigenous Peoples of the North, ethnonational policy, harmonization of interethnic relations*

Для цитирования: Маклашова Е. Г. Трансформация этнической структуры населения Якутии (территориальный срез) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 98–105. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/98-105

For citation: Maklashova E. G. Ethnic structure's transformation of the population of Yakutia (territorial view) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 98–105. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/98-105

УДК 39+91

*Латушко Ю. В., Самар А. П.,
Белая Е. Г., Левченко А. В.*

Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.)

Памяти Е. А. Гаер

Летом 2019 г. группа исследователей из Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН провела серию экспедиций – на Амуре, Сахалине и Камчатке. Работа осуществлялась в рамках темы "историко-культурные ландшафты (ИКЛ) островной и прибрежной зон Северной Пасифики". Суть проекта в накоплении и анализе этнологических и культурно-антропологических данных по проблеме формирования и изменения ИКЛ северо-западной части тихоокеанского побережья и связанных с ним бассейновых территорий; в оценке роли аборигенных и пришлых культур в данном процессе, а также трансляции соответствующих знаний в рамках локальных этнических, профессиональных и иных миноритарных сообществ и субкультур.

Термин "историко-культурный ландшафт" (или "культурный ландшафт") пришел в этнологию из географии [6]. Историческая география оперирует им, желая показать единство природных и культурных объектов, влияющих как на формирование тех или иных культур, так и на специфику антропогенного освоения конкретной территории.

Впрочем, категория ландшафта давно эмансипировалась и сегодня, с учетом предметных нюансов, широко используется в целом ряде дисциплин – от географии и экологии до культурной антропологии и психологии.

В этнологии данная категория имплицитно присутствует в подавляющем большинстве работ всех направлений. Так, например, характеристика народов по хозяйственно-культурным типам или же историко-культурным областям начинается с очерчивания ареальных границ культуры. Слово "ландшафт" может и не использоваться, но почти всегда подразумевается. Часто связку естественного и культурного ландшафтов (связка "человек-природа") показывают в рамках "энвайронменталистского" подхода, который имеет глубокие культурно-экологические корни в антропологии, а сегодня зачастую решается на основе междисциплинарных исследований [5, с. 9].

Ландшафт как научная категория описывает генетически однородный природно-территориальный комплекс [21]. Здесь важно отметить его структурированность и внутреннюю связность всех компонент. В естественных науках внимание уделяется геологическому фундаменту, рельефу, гидрографическим особенностям, почвенному покрову, климатическим условиям и биоценозам. Антропологи же акцентируют внимание на образе территории, который напрямую или опосредованно отражен в культуре/субкультуре (эт-

© Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г., Левченко А. В., 2019

ЛАТУШКО Юрий Викторович, канд. ист. наук, заведующий лабораторией антропологии Северной Пасифики Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** latushko@ihaefe.ru

САМАР Андрей Петрович, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** samar_a2004@mail.ru

БЕЛАЯ Евгения Григорьевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** vlasov54@bk.ru

ЛЕВЧЕНКО Арина Вадимовна, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** arina_levchenko_25@mail.ru

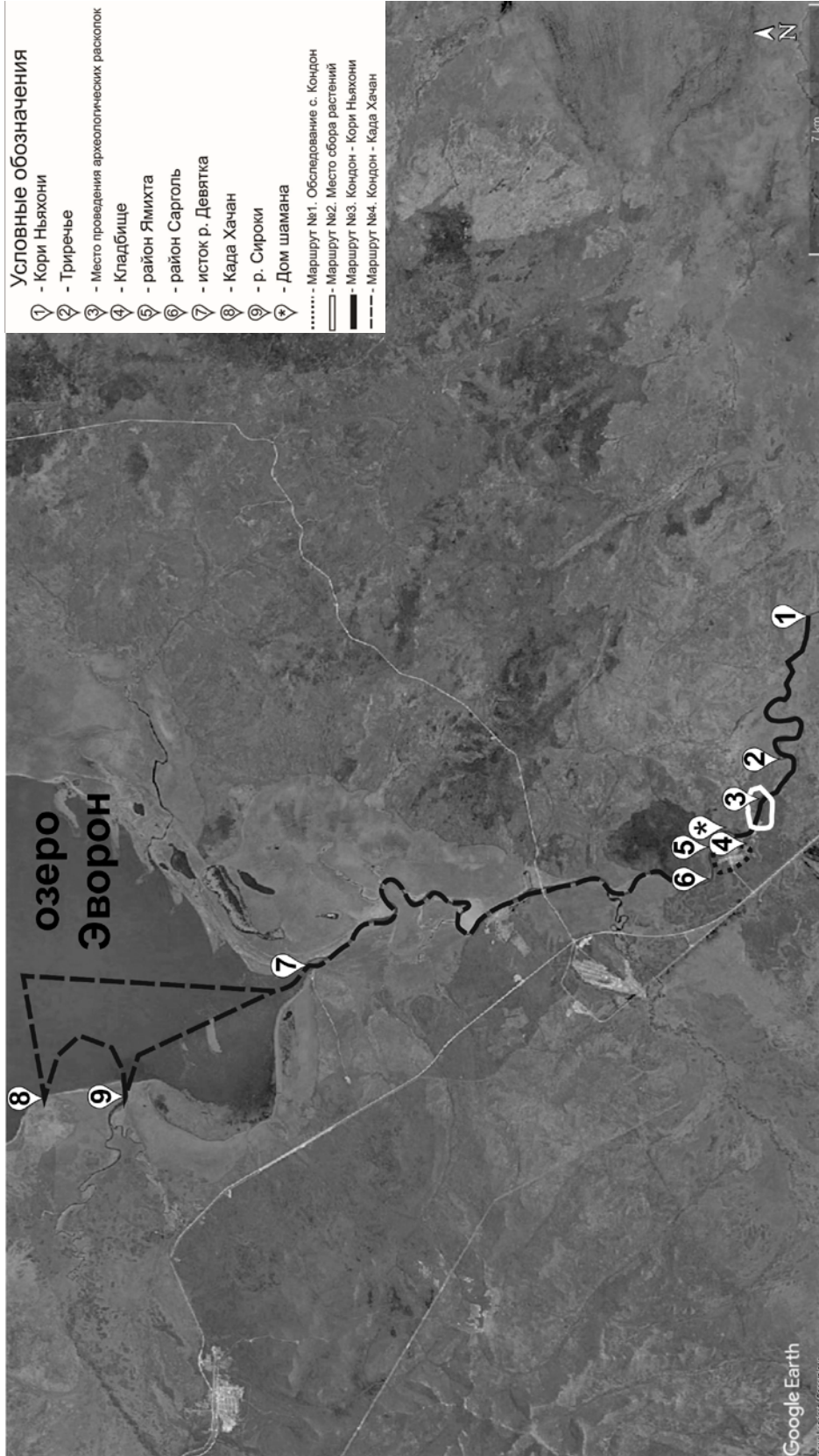

Рис. 1. Карта-схема маршрутов Амурского этнологического отряда ИИАЭ ДВО РАН, июль 2019 г. Источник: составлено авторами.

Фото. 1. Вид на с. Кондон с р. Девятка (р. Хуин). Центральный район села. (Автор Ю. В. Латушко).

нической, профессиональной, конфессиональной и др.). Этот образ формирует и очерчивает территориальные границы исследуемой культурной группы, влияет на деятельность людей, их стереотипные представления о поведении "своих" и "чужих", рождая символическое поле коммуникации.

Таким образом, "историко-культурный ландшафт" учитывает как существующие культурные реалии, так и исторические особенности формирования культурного наследия на данной территории, а также исторические объекты, которые не сохранились до наших дней. Он формирует региональное этнокультурное поле, включающее всю совокупность элементов материального и нематериального наследия, принадлежащего всем этносам, оставившим след в культуре данного региона [2]. Это и традиционные жилища, пища, одежда, местный фольклор, мифология места, восприятие местным сообществом своих традиций и образа ближайших соседей, благодаря чему проходит демаркация своего и чужого пространств. В таком случае физико-географические (ареальные) границы могут многое рассказать не только о характере и модальности хозяйственного освоения территории, но и структуре массового сознания той или иной группы населения, а также дать дополнительные сведения о культурной специфике и векторе ее изменений [14].

В настоящей статье мы не ставим перед собой цель углубить теоретическое понимание ИКЛ, а предлагаем обратиться к части нашего исследования, а именно к первичному анализу полевых данных, собранных Амурским этнологическим отрядом в национальных селах Кондон и Бельго (рис. 1). Опорной точкой исследования выступало село Кондон, точкой контрольного сравнения – с. Бельго. Оба села – места традиционного проживания нанайцев. Село Бельго расположено примерно в 20 км ниже Комсомольска-на-Амуре по основному руслу Амура, однако расстояние по автодороге почти в пять раз больше. В 2013 г. село было разрушено катастрофическим наводнением, новое село, отстроенное несколько в стороне, в 2019 г. также подверглось значительному подтоплению.

Село Кондон расположено в более удобном месте – на р. Девятка, которая впадает в р. Горин – левый приток Амура (фото 1). Свой исток Девятка берет в оз. Эворон (примерно в 32 км к северу от с. Кондон). Особенностью реки является то, что она единственная вытекает из озера, остальные

Фото 2. Мари. (Автор Ю. В. Латушко).

восемь – впадают (отсюда и название). Такая особенность, безусловно, отразилась и в фольклоре местного населения. Девятке приписывались особые свойства.

Еще одним важным обстоятельством является расположение села на границе Среднего и Нижнего Амура, в пределах естественного коридора, который как минимум с неолитического времени был удобным путем для перемещения людей с основного русла Амура в его среднем течении на Охотское побережье и обратно по системе озер – Эворон и Чукчагирского – в бассейны рек Амгунь и Тугур. Примерно по границе озер проходила и линия раздела между народами-рыболовами и народами-оленоводами. В разные эпохи климат мог меняться, поэтому эта граница была весьма пластичной. Демографическое движение подобного рода отдельная тема для изучения и не является задачей настоящей статьи.

Эворонская депрессия и окружающая её территория расположены в пределах западного крыла Амура-Уссурийского синклинория (геологическая складчатая структура). Формы рельефа этого района объединяют в несколько типов: денудационные (древние поверхности выравнивания), эрозионно-денудационный (мелкосопочник и отдельные останцевые горы), эрозионно-аккумулятивный (озерные и речные морфологические комплексы) [16, с. 57, 59].

Котловина оз. Эворон – часть Эворон-Чукчагирской депрессии шириной 50 км и длиной более 100 км по периферии – обрамлена мелкосопочником и остатками реликтовых поверхностей выравнивания. Речные долины имеют пологие вогнутые склоны с широким заболоченным дном и заняты марями (фото 2) и мелкими озерами. Геоморфологический комплекс представлен поймой и серией надпойменных террас [16, с. 60].

Исследуемый район находится под воздействием восточноазиатской муссонной циркуляции. Вследствие этого происходят сезонные изменения направления ветра и правильное чередование типов погоды в разное время года. По восточной окраине азиатского антициклона холодный воздух поступает в южные широты. Летом морской воздух проникает на сушу, принося обильные осадки и облачность.

Климат района умеренно холодный и влажный. Среднегодовая температура воздуха в районе 2,9°C (в Комсомольске – 0,7°C); средняя температура января –28,2°C; июля +18,1°C [1; 16, с. 60]; годовая температура амплитуды –46,3°C. Температурный режим района отличается от среднеширотного в сторону большей континентальности. За год выпадает 550–600 мм осадков. Зима длится более 5 месяцев и относится к типу умеренно-суровых. Весна хо-

Фото 3. Сопка "Спящий Дракон". (Автор Ю. В. Латушко).

лодная и ветреная. Лето умеренно теплое и влажное. Вегетационный период продолжается 90–115 дней, сумма температур 1800°С. За это время выпадает 70–96% годовой нормы осадков. Осень короткая, вторая половина сухая.

Гидрографическая сеть района представлена системой рек, впадающих в оз. Эворон, которое относится к числу крупнейших водоёмов Нижнего Приамурья. Его длина 25 км, ширина 10–12 км, глубина 2–3 м с сезонными и годовыми колебаниями. Берега озера окружены поймой и серией террас. Пойма заболочена, имеет небольшие увалы и озера. Долинный комплекс рек представлен надпойменными террасами и поймой. Тяжелый механический состав пород, близкое залегание многолетней и сезонной мерзлоты – главные причины заболачивания пойм [16, с. 62–64].

Район расположен на стыке двух ботанико-географических подобластей: на севере и востоке южнохотской темнохвойной и на юге и западе восточносибирской светлохвойной. Здесь проходит граница некоторых представителей маньчжурской флоры, проникших сюда по долине р. Горин (ясень маньчжурский, ильм лопастной, дуб монгольский и др.) Сухие каменистые склоны южной экспозиции часто заняты дубом монгольским, образующим редкое криволесье с разнообразным травным покровом [8; 9; 23].

Водоразделы, склоны речных долин и отдельные вершины гор покрыты горными лиственничниками. Главная лесобразующая порода – лиственница даурская. Также обычны здесь ель аянская и береза даурская, встречается пихта почкочешуйная.

Природные ландшафты тесно связаны с комплексом промысловой обрядности, символическим осмыслением пространства в искусстве и сохраняющихся до сих пор представлениях, ритуально-типизированных действиях и праздниках [13; 18].

Культ скал. К комплексу промысловой обрядности нанайцев относится культ почитания хозяев гор, скал и других природных объектов. Своим происхождением эти ритуалы уходят далеко в прошлое. В представлениях нанайцев от хозяев гор и отдельных местностей зависела промысловая удача охотников. Оказавшиеся на маршруте культовые места обязательно посещались охотниками, следовавшими на промысел. Артель останавливалась у таких объектов, совершались обряды, угощали ритуальной пищей священные скалы для получения промысловой удачи, просили помочь не заболеть во время промысла.

В окрестностях села Кондон, вдоль реки Девятки, компактно расположен комплекс из трех основных мест поклонения культу священных скал. В этом комплексе главным считается *Кайласон* (фото 3) – спящий дракон ("черепаходракон", от кайлан (нан.яз.) – амурская речная черепаха), части

Фото 4. "Сердце Дракона". (Автор Ю. В. Латушко).
(ныне памятный знак – День Победы в Великой отечественной войне).

тела дракона так же наделены священным статусом. Через реку напротив стойбища Кондон располагается *Миава* – сердце дракона (фото 4), чуть ниже по течению голова дракона *Кондо*, выше по течению реки, на ее изгибе, находится его живот (стойбище *Ямихта*), на другом повороте реки заканчивается гряда сопки – это хвост дракона *Ургули*, его ноги *Чонги* (стойбище *Сарголь*) (фото 5). [15, с. 135].

Таким образом, все основные географические точки села, его исторические районы объединяются общим телом мифического животного. Сердце Дракона расположено напротив центрального района, некогда главного стойбища одной из трех основных родовых групп, образовавших село. Численность жителей окраинных районов села могла колебаться в разное время, в центре же она оставалась сравнительно стабильной.

В нескольких километрах от села расположен другой не менее важный ритуальный комплекс – *Мория хурэн*. Недалеко от этого места река расходится на три рукава, и в точке схождения в одно русло разбивается о вертикально стоящую скалу. На склоне у места слияния располагаются фигуры мифических животных – Лошади Морин и двух жеребят, группа состоит из небольших скальных выступов. Ниже по течению, в месте, где сопка уходит в сторону от берега, есть осыпь скальной породы, лишенная растительности – это место падения и смерти птицы Кори — *Кори Ньяхони* (фото 6). Согласно легенде, огромная как амбар птица, с когтями на лапах, словно огромные пшени, перьями из железа, охотилась на людей. Богатырь (мэргэн) убил чудовище из лука, птица упала на сопку, скатилась к реке и там околела. Этому месту кондонцы и сегодня поклоняются и приносят жертвоприношения.

Место выше, где сопка как бы расколота ущельем, старики называют *Пудин пачилохани*. Оно связано с легендой о Пудин-богатырше, которая ударила по черту, и от удара кройной доской сопка раскололась на две части.

Вверх по реке находится озеро *Эворон*, в прошлом его называли *Самагирским*, здесь среди небольших скал на северо-западном побережье находится сопка *Када-Хачан*. *Када* – это каменные столбы на речных и морских мысах, такие природные объекты, как правило, становились местом поклонения.

Фото 5. Район Сарголь, вид с р. Девятка (р. Хуин). (Автор Ю. В. Латушко).

Немаловажно повторение еще одного видимого признака. Часть сопки здесь почти лишена растительности, как и в случае с *Кори Ньяхони*.

С данным местом связаны представления о хозяйке озера, которая живет в этих скалах. Охотники угощали табачком и водкой старую женщину – хозяйку сопки. Принося ритуальное угощение, охотники просили у неё благоприятной погоды на воде, "...угощали медвежьим жиром, чтобы вода была гладкой как жир". Нередко после отправления ритуала озеро успокаивалось. Охотники отправляли подобный обряд всякий раз по пути на промысловые участки. Когда времени совсем не было, промысловики ограничивались угощением хозяйки озера на воде, повернувшись в сторону *Када-Хачан* (Архив ИИАЭ ДВО РАН¹. Д. 526. Л. 34–35) (фото 7).

В культовой скульптуре отразились представления кондонских нанайцев о хозяине реки *Хуин* (р. Девятка), зооморфная фигура объединяет в себе черты мифического водного существа и медведя [3, с. 194].

Стойбище Кондон и его окрестности представляют собой единый комплекс мифоритуального пространства. В культе природных объектов сохраняется родство представлений у всех территориальных групп нанайцев и в целом у этносов, населяющих Амуро-Сахалинскую историко-этнографическую область [19, с. 110]. Память о месте носит живой характер через придание значимости географическим объектам в бытовой культуре и сознании жителей села.

Декоративное искусство. Образы места довольно точно воспроизводятся в легендах и становятся частью картины мира, которая в символическом виде сохраняется в народном творчестве. Важнейшим каналом осмысления и сохранения своей культурной идентичности сегодня является декоративное искусство.

В селе Кондон есть детский сад, среднеобразовательная школа, а также национальный культурный центр. Во всех учреждениях ведётся деятельность по сохранению традиционной культуры и её передаче как в канонизированной, так и в актуализированной формах. По результатам опросов и анкетирования, стало известно, что, по меньшей мере, 15 человек (преимущественно женщины) из 570 жителей села заняты в сфере декоративно-прикладного

¹ Архив ИИАЭ ДВО РАН – Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

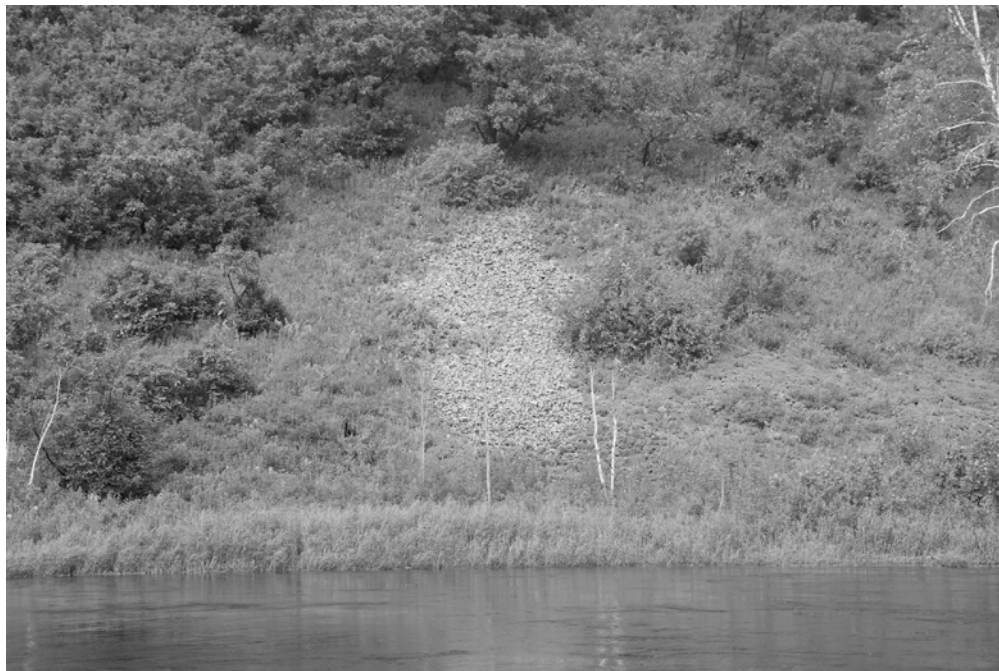

Фото 6. Кори Ньяхони. (Автор Ю. В. Латушко).

искусства и имеют от этого тот или иной доход, в том числе не менее 10 профессиональных вышивальщиц (Левченко А. В. Полевые материалы. Кондон, 2019).

Различие подходов к творчеству можно проиллюстрировать примерами двух наиболее известных мастеров села: Людмилы Фёдоровны Самар и Натальи Мамоджоновны Дигор. Несмотря на то, что они тесно сотрудничают друг с другом, концепции их творчества противоположны.

Н. М. Дигор занимается актуализацией² нанайского искусства (фото 8). Она имеет высшее художественное образование, специализируется на бумагопластике, является единственным мастером в селе, работающим с рыбьей кожей. Помимо занятий народными ремёслами, Наталья с детства училась народным танцам у известного хореографа Мадо Сопчоновны Дечули, теперь же самостоятельно руководит хореографическим ансамблем "Кэку" (фото 9).

Творчество Н. М. Дигор основано на стилизации художественных элементов нанайского искусства. Канон является для неё не шаблоном, а источником вдохновения.

Условно, её работы делятся на два типа: утилитарные и декоративные. К первым относятся такие изделия, как поясные сумки, наручные и налобные украшения. Все эти предметы шьются мастером из рыбьей кожи, украшаются вышивкой, бисером, а также фурнитурой из современных материалов. Одна из поясных сумок была украшена старинной круглой металлической подвеской (со слов мастера, маньчжурского происхождения). Мастер не стремится использовать лишь природные материалы и традиционные способы оформления. Данные изделия полностью функциональны и задуманы автором как аксессуары, вписывающиеся в тенденции современной моды. "Сумочки современные. Я хочу придумать так, чтобы это было интересно носить самому. Если я что-то делаю, я делаю как для себя, что я хотела бы и могла носить. И в то же

² Актуализация – под этим термином мы понимаем перевод чего-либо из состояния потенциального, не соответствующего современным условиям, в состояние реальное, актуальное, соответствующее современным условиям; превращение чего-либо в нечто важное, насыщенное, актуальное.

Фото 7. Озеро Эворон, Када-Хачан, угощение хозяйки места А. Г. Самаром. (Автор Ю. В. Латушко).

время, чтобы это было с национальным колоритом", – говорит Н. М. Дигор (Левченко А. В. Полевые материалы. Кондон, 2019).

Традиционный компонент этих изделий связан с материалом (рыбья кожа) и сюжетом (Небесный Дракон, элементы узоров). Актуализация обусловлена использованием современного дизайна с расчётом на широкого потребителя. Так же мастер отступает от традиционных способов размещения орнамента на аксессуарах, что значительно отдаляет образ вещей от традиционных аналогов.

Другой тип работ Н. М. Дигор – крупноформатные бумажные аппликации. Произведения создаются путём вырезания фигур на одном листе бумаги и наложением его на другой целый лист контрастного цвета.

Техника бумагопластики хорошо известна на Амуре: Анна Александровна Самар (1918 г. р.) из Комсомольска-на-Амуре славилась виртуозным умением вырезать орнаментальные композиции из бумаги без нанесения предварительного эскиза. Людмила Уламовна Пассар вырезает

композиции на бересте, иллюстрируя старинные мифы и легенды. У каждого из мастеров присутствует в работах индивидуальное авторское начало. Но в творчестве Н. М. Дигор известная техника применена к современной эстетике [22, с. 56–60].

Стилизация происходит через упрощение и сведение различных вариантов спирального орнамента к простейшему спиральному паттерну. Сюжеты аппликаций восходят к представлению о священном (шаманы, животные, образы места и т. п.).

Произведения имеют внутреннюю динамику, благодаря свободному расположению отдельных элементов и мягкости разнонаправленных волнистых линий, "чешуек" и небольших спиралей.

Традиционные нанайские композиции, напротив, более статичны. Их строгая симметрия и упорядоченность фигур придает композиции эффект замкнутости и неподвижности.

Характерным элементом творчества Н. М. Дигор является небесный дракон *Сиймур*, который имеет змеевидную форму тела и крылья [22, с. 75]. Кондонские мастера считают образ дракона одним из древнейших в нанайском искусстве и используют его в своём творчестве.

Н. М. Дигор часто принимает участие в художественных выставках и конкурсах, в том числе международного уровня. Так, например, в 2019 г. она была удостоена Гран-при Международного конкурса "Великая моя страна!" в рамках творческого проекта "КИТ" в номинации "декоративно-прикладное искусство". Нередко ей приходится параллельно участвовать в нескольких проектах не только как художнику, но и как хореографу. Такая разносторонняя творческая деятельность, безусловно, способствует популяризации традици-

Фото 8. Пояс из рыбьей кожи, мастер Н. М. Дигор. (Автор А. В. Левченко).

онного нанайского искусства, а также развитию его современных форм. Сегодня для Н. М. Дигор декоративное искусство не является основным средством заработка. Её работы покупаются редко, но по хорошей цене. Художница не рекламирует своих изделий, о них узнают случайно или через знакомых. Среди поклонников искусства Н. М. Дигор есть и постоянные покупатели её произведений. Специального подсчёта проданных изделий мастер не ведёт, много работ она дарит. Таким образом, ее творчество можно считать авторским.

Произведения создаются к выставкам, либо по пришедшему вдохновению. Через свое искусство Н. М. Дигор заявляет о себе как о представителе нанайского этноса, пробуждает интерес у публики к традиционной культуре её народа: "... хочу как-то заявлять о себе. Хочу, чтобы люди, которые приходят на мои выставки, смотрели на мои работы и заинтересовывались нашей культурой <...> Чтобы не говорили о нанайцах плохо" (Левченко А. В. Полевые материалы. Кондон, 2019). Художница гордится своей национальностью и, несмотря на имеющиеся возможности, не собирается покидать родного села.

Следующий пример относится к творчеству Л. Ф. Самар. Она известна как большой мастер в пошиве нанайских праздничных халатов, искусная вышивальщица, автор узоров. Мастерством овладевала с детства, перенимая навыки у своей матери. Со временем она освоила технику работы с берестой, рыбьей кожей и шкурами животных. Л. Ф. Самар работает только в традиционном стиле, при этом она никогда не копирует готовые орнаменты. Все узоры на изделиях разработаны ею лично. Таким образом, становление Л. Ф. Самар как мастера имеет иную форму.

Как правило, в ее работах нет очевидных инокультурных влияний, даже близких тунгусских. Оформление вышивки этих узоров Л. Ф. Самар заказывает у местных вышивальщиц. В настоящее время, шитьё традиционных халатов является основным средством её заработка. Основными её заказчиками также являются народные ансамбли (*фото 10*).

Материалом для шитья служит ткань, которую она предпочитает трудоёмкой работе с рыбьей кожей.

Кроме работы над заказами для танцевальных коллективов, мастер не учитывает пожеланий индивидуальных заказчиков. Автор основывается на личном видении традиции. При этом в её работах отчётливо прослеживается собственный стиль.

Среди работ Л. Ф. Самар часто встречается свадебный халат *сикэ*. Такой халат имеет застёжку спереди, на задней нижней части его подола помещаются изображения Родового Древа. Рукава и полочки зачастую украшаются чешуйчатым орнаментом, либо цветными вставками прямоугольной, ромбовидной, треугольной, зигзагообразной и т. п. формы [12, с. 18]. В изделиях Л. Ф. Самар соблюдает каноны оформления *сикэ*. Как правило, вы-

Фото 9. Ансамбль "Кэку" на праздновании Дня Рыбака, с. Кондон, 12.07.2019 г.
(Автор Ю. В. Латушко).

шивка выполнена разноцветными шёлковыми нитями или нитями мулине. Однако в её изделиях заметно некоторое смещение декоративных акцентов. Сама мастерица отмечает, что силуэт традиционной одежды изменился: халат стал длиннее и потерял характерный клёш. Сравнивая праздничные халаты Л. Ф. Самар и те, что имели хождение среди горинских нанайцев ещё во второй половине XX в., выяснилось, что стиль их оформления заметно изменился [17]. Изделия Л. Ф. Самар очень пёстрые, часто сшиты из отдельных контрастных лоскутов. Линия орнаментальной вязи стала шире, сам мотив укрупнился и потерял в плотности. Количество орнаментальных раппортов уменьшилось. Таким образом, акцент с орнамента сместился на контрастные детали ткани. В старину праздничные халаты так же могли шиться из разных по величине контрастных лоскутов, но орнамент не "терялся" на их фоне и всегда был важнейшим декоративным элементом [17]. Сама Л. Ф. Самар не придаёт этой особенности значения. Возможно, такое смещение акцентов происходит по причине большого разнообразия тканей, доступных сегодня.

Трансформации в оформлении костюмов, которые шьёт Л. Ф. Самар, закономерны и с точки зрения развития традиции. Нанайские женщины, перенимая орнамент у матери, всегда стремились внести в него нечто от себя [11, с. 8, 17]. Появление различных тканей, цветных ниток и других рабочих и декоративных материалов сказывалось на нанайских нарядах. И, тем не менее, ее работы имеют принципиальные отличия, которые могут влиять сегодня на будущий образ нанайского костюма.

Халаты Л. Ф. Самар пользуются спросом среди нанайцев по всему Хабаровскому краю. Учитывая авторитет, который имеет мастерица среди кондонцев, можно предположить, что халаты её работы оказывают достаточное влияние на представления о традиционной эстетике нанайской одежды.

Фото 10. Ансамбль "Горин" в костюмах работы Л. Ф. Самар.
Источник: семейный альбом Н. М. Дигор.

Творчество Л. Ф. Самар и Н. М. Дигор являют собой два контрастных примера развития современного нанайского искусства. Подходы мастеров в творчестве разные, но степень их влияния на нанайское искусство соразмерна, как и роль в популяризации нанайской культуры и формирования её образа далеко за пределами родного села.

Отметим и то, что отраженный в искусстве символический образ местности закрепляется в сознании не только локальной нанайской общины, но и широко известен их соседям.

Современные праздники. Праздники являются концентрированным выражением духовной и материальной культуры. Среди них календарные праздники наиболее этно специфичны. В то же время они отражают типологическую общность человеческой культуры, влияние историко-культурных контактов и связей [7, с. 3]. Мы понимаем праздник как сюжетное событие, значение которого передается из поколения в поколение, отражая общественный уклад народа с установленными традициями, обычаями и обрядами. В результате проведенных в советское время реформ произошли существенные изменения в этническом сознании и культуре, сформировались новые ценности нанайского общества. Советский праздник действовал как пропагандистский инструмент, направленный на внедрение новых символов, ритуалов, не сильно считаясь с национальным своеобразием культуры. В результате в повседневную жизнь нанайцев наряду с традиционными праздниками прочно вошли такие, как Новый год, День защитника Отечества, Международный женский день, День космонавтики, День Победы, День рыбака, День физкультурника, День Конституции СССР, День учителя и др.

Эти изменения отразились в структуре национального праздника. Например, День рыбака, который широко отмечается на Амуре ежегодно во второе воскресенье июля, был официально установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР первого октября 1980 г. Так как рыбный промысел является основным источником жизнеобеспечения местного населения, то и празднику придается особое значение.

Сравнение празднования Дня рыбака в двух селах наглядно демонстрирует тесное взаимопроникновение нанайской и русской культур. В практику вошло выступление солистов с русскими народными песнями и нанайскими танцами. Важно, что национальные традиции проведения некоторых обрядов не ушли в прошлое, а сохраняются и в наши дни. Так, например, гости празд-

Фото 11. Обряд кормления духа воды на праздновании Дня Рыбака, с. Бельго, 12.07.2019 г. (Автор Е. Г. Белая).

ника, в обоих селах проходят через ивовые ворота, что является символом очищения в ходе обряда *илчиори*. Ива считается священным деревом, листья которого отпугивают злых духов.

До сих пор важную роль в современных праздничных мероприятиях играет культ воды и огня, который состоит из разнообразных ритуалов моления или кормления духов. В селе Бельго после обряда очищения приглашают к обряду умиловствления духа огня *Подя* – кормлению жертвенной пищей из ритуальной посуды *нойона*.

В обоих селах на плетеных маленьких тарелках из тальника *соро* раздавали цветные лоскуты, чтобы гости повязали их на Древо Жизни, загадав при этом желания. Священное дерево часто выступает пространственным центром в обрядах кормления хозяев территорий. Мы предполагаем, что этот ритуал пришел из нанайского осеннего праздника *Унди* или лечебного обряда *Дусху*. В те времена завершающий ритуал шамана проходил около дерева *тороан* (тальник). Одним из главных атрибутов был шаманский пояс *соона* с разноцветными лоскутками, за которые во время обряда держались присутствующие. Считалось, что таким образом они получают через шамана от верховного божества силу плодородия [10, с. 176]. При беседе с директором школы с. Бельго, Ольгой Ивановной Кузюриной, выяснилось, что этот ритуал в селе возродился недавно (Белая Е. г. Полевые материалы. Кондон, Бельго, 2019).

Традиционно хозяином водной стихии считался дух *тэму*. К берегу реки несли жертвенную пищу *сугдиче*, бросали ее в воду со словами: "Гей, Тэму! Получай! тебе даем угощенье! И твоей собаке тоже. Помогите хорошо про-

мышлять, не мешай!" Для кормления несли жертвенную пищу – пшеничную кашу, фасоль, корни лекарственных трав [4] (фото 11). У самого берега устанавливали столбики со священными стружками. На берегу загружали *нойона* оставшейся пищей и от среднего столбика отталкивали в реку. Считалось, что дух воды принимает дары, если пища быстро идет ко дну [4, с. 26]. В селе Бельго этот канон соблюдался. В Кондоне же обряд кормления проводился без особого сопровождения.

Структурообразующим праздником выступает и традиционный осенний праздник первой рыбы *дава биани*, когда в реку Амур на нерест заходит рыба кета. Раньше перед началом путины нанайцы преподносили жертвенную пищу духу-хозяину, просили его помощи в рыбной ловле. Важность рыбного промысла отражена в календаре нанайцев, в нем пять месяцев носили названия по именам рыб. Основной смысл праздника – совершение обряда задабривания *Муэ Эднурни*, владыки Амура. В селе Кондон его называют праздником "первой рыбы" и не отмечают массовыми гуляниями, как в нанайских селениях по основному руслу Амура. В этом отличии, возможно, проявляется локальная специализация разных групп нанайцев.

Нанайский Новый год отмечают по восточному календарю, который обычно выпадает на конец января – середину февраля. Отмечают его люди пожилого возраста, которые помнят традиционные обряды и ритуалы обращения к духам. По нашим наблюдениям, на протяжении всего праздника в квартире с восточной стороны вывешивается нанайский трехцветный флаг *алха тун*. Он символизирует гармонию мироздания. Зеленый цвет – *солги тун*, обозначает кормовую базу всех живых существ на земле. Красный – *сэгде тун*, разум человеческого рода. Синий – *нёнгиан тун*, символизирует воздушную и водную стихию [4; 20, с. 286]. По словам Екатерины Дмитриевны Самар, гости должны были обязательно разделить поровну и съесть из вазочки ритуальную пищу для верховного божества неба. Считается, что это принесет здоровье, благополучие и удачу на весь год. В вазочке обычно были фрукты, печенье, конфеты (Белая Е. Г. Полевые материалы. Кондон, Бельго, 2019).

Праздник национальной кухни *Амта* ("вкусно") проводится в обоих селах, но в разное время. Обычно в культурную программу включают национальные игры, состязания, которые служат своеобразной подготовкой к промысловому сезону, развивая ловкость и выносливость. Игры и забавы – важная составляющая этнического самосознания, способ нравственного воспитания молодого поколения.

Таким образом, мы видим в настоящее время сохранение и/или возрождение традиционных нанайских праздников, которые причудливо соединяются с русскими. Важно и то, что праздники по основному руслу Амура и в районе р. Девятка обладают этнотерриториальной спецификой, выступая зримым маркером элементов историко-культурного ландшафта.

Литература

1. Агроклиматический справочник по Хабаровскому краю / Гл. упр. гидрометеорол. службы при Совете Министров СССР. Ленинград: Гидрометеиздат, 1961. 204 с.: табл., карты.
2. Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. М.-Л.: Сельхозгиз, 1931. 401 с.
3. Березницкий С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амура-Сахалинского региона. Владивосток. Дальнаука. 2003. 682 с.
4. Гаер Е. А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX – начале XX в. М: Мысль, 1991. 128 с.
5. Давыдов В. Н., Симонова В. В., Сем Т. Ю., Брандишаускас Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.
6. Дахин С. Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187–190.
7. Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Наука, 1985. 264 с.

8. Дикie съедобные растения / под ред. акад. В. А. Келлера. АН СССР; Моск. ботан. сад и Ин-т истории матер. культуры им. Н. Я. Марра. М.: б. и., 1941. С. 8–40.
9. Елина Г. А. Аптека на болоте: Путешествие в неизведанный мир. СПб.: Наука, 1993. 496 с.
10. История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. 326 с.
11. Киле А. С. Искусство нанайцев: вышивка, орнамент. Традиции и новации. Хабаровск: Российский Медиа Альянс, 2004. 130 с.
12. Кочешков Н. В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина. СПб.: Наука, 1995. 152 с.
13. Ларькин В. Г. Орочи: Историко-этнографический очерк (с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. 175 с.
14. Латушко Ю. В. Формирование физического и символического пространств Восточной России // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 7–10.
15. Мальцева О. В. Горинские нанайцы: система природопользования. Традиции и новации: XIX – начало XXI в. // Дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.07. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии РАН, 2008. 213 с.
16. Никонов В. И. Природные урочища Призворонья // Вопросы географии Приамурья. 1967. Хабаровск: Изд-во ХГПИ. С. 57–79.
17. Открытый архив СО РАН // Фонд этнографических экспедиций. Фонд экспедиций к нанайцам, [Электронный ресурс]. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_kray_634993802507080078_5789 (дата обращения 02.10.2019).
18. Подмаскин В. В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.
19. Самар А. П. Традиционное собаководство нанайцев. Владивосток: Дальнаука, 2011. 255 с.
20. Самар Е. Д. Под сенью Родового Древа. Книга вторая. Записки об этнокультуре и воззрениях гуринских нанайцев Самандё-Моха-Монгол. Хабаровск: Рыбак Хабаровского края, 2016. 312 с.
21. Стрелецкий В. Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во МГУ. 2003. С. 42–54.
22. Титорева Г. Т. Художественные особенности орнаментального искусства нанайцев // Дис. ... канд. Искусствоведения: 17.00.04. Санкт-Петербург, 2004. 280 с.
23. Шретер А. И. Лекарственная флора советского Дальнего Востока. Москва: Медицина, 1975. 327 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Agroklimaticheskij spravocnik po Khabarovskomu krayu / Gl. upr. gidrometeorol. sluzhby pri Sovete Ministrov SSSR. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1961. 204 s.: tabl., karty.
2. Berg L. S. Landshaftno-geograficheskie zony SSSR. CH. 1. M.-L.: Sel'khozgiz. 1931. 401 s.
3. Bereznijskij S. V. Ehtnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona. Vladivostok. Dal'nauka. 2003. 682 s.
4. Gaer E. A. Traditsionnaya bytovaya obryadnost' nanajtsev v kontse XIX – nachale XX v. M: Mysl', 1991. 128 s.
5. Davydov V. N., Simonova V. V., Sem T. Yu., Brandishauskas D. Ogon', voda, veter i kamen' v ehvenkijskikh landshaftakh. Otnosheniya cheloveka i prirody v Bajkal'skoj Sibiri. SPb.: MAEH RAN, 2016. 196 s.
6. Dakhin S. D. Istoriko-kul'turnyj landshaft kak osnova kompleksnogo analiza material'nogo kul'turnogo naslediya polikul'turnogo regiona // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. № 3. S. 187–190.
7. Dzharylgasimova R. SH., Kryukov M. V. Kalendarnye obychai i obryady narodov Vostochnoj Azii. Novyj god. M.: Nauka, 1985. 264 s.
8. Дикie съедобные растения / под ред. акад. В. А. Келлера. АН СССР; Моск. ботан. сад и Ин-т истории матер. культуры им. Н. Я. Марра. М.: б. и., 1941. С. 8–40.
9. Elina G. A. Apteka na bolote: Puteshestvie v neizvedannyj mir. SPb.: Nauka, 1993. 496 s.
10. Istoriya i kul'tura nanajtsev: istoriko-ehtnograficheskie ocherki / отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. 326 с.
11. Kile A. S. Iskusstvo nanajtsev: vyshivka, ornament. Traditsii i novatsii. Khabarovsk: Rossijskij Media Al'yans, 2004. 130 s.
12. Kocheshkov N. V. Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. SPb.: Nauka, 1995. 152 s.
13. Lar'kin V. G. Orochi: Istoriko-ehtnograficheskij ocherk (s serediny XIX v. do nashikh dnei). M.: Nauka, 1964. 175 s.

14. Latushko Yu. V. Formirovanie fizicheskogo i simvolicheskogo prostranstv Vostochnoj Rossii // Rossiya i ATR. 2018. № 4. S. 7–10.
15. Mal'tseva O. V. Gorinskie nanajtsy: sistema prirodopol'zovaniya. Traditsii i novatsii: XIX – nachalo XXI v. // Diss. ... kand. istoricheskikh nauk: 07.00.07. Novosibirsk: In-t arkheologii i etnografii RAN, 2008. 213 s.
16. Nikonov V. I. Prirodnye urochishha Priehvoron'ya // Voprosy geografii Priamur'ya. 1967. Khabarovsk: Izd-vo KhGPI. S. 57–79.
17. Otkrytyj arkhiv SO RAN // Fond etnograficheskikh ehkspeditsij. Fond ehkspeditsij k nanajtsam, [Elektronnyj resurs]. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_kray_634993802507080078_5789 (data obrashheniya 02.10.2019).
18. Podmaskin V. V. Narodnye znaniya tunguso-man'chzhurov i nivkhov: problemy etnogeneza i etnicheskoj istorii. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 540 s.
19. Samar A. P. Traditsionnoe sobakovodstvo nanajtsev. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 255 s.
20. Samar E. D. Pod sen'yu Rodovogo Dreva. Kniga vtoraya. Zapiski ob ehtnokul'ture i vozzreniyakh gehrinskikh nanajtsev Samandyo-Mokha-Mongol. Khabarovsk: Rybak Khabarovskogo kraja, 2016. 312 s.
21. Streletskij V. N. Kul'turno-landshaftnye issledovaniya v Germanii: traditsii i sovremennost' // Kul'turnyj landshaft: teoreticheskie i regional'nye issledovaniya. M.: Izd-vo MGU, 2003. S. 42–54.
22. Titoreva G. T. Khudozhestvennye osobennosti ornamental'nogo iskusstva nanajtsev // Dis. ... kand. Iskusstvovedeniya: 17.00.04. Sankt-Peterburg, 2004. 280 s.
23. SHreter A. I. Lekarstvennaya flora sovetskogo Dal'nego Vostoka. Moskva: Meditsina, 1975. 327 s.

Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г., Левченко А. В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.).

В статье раскрывается понятие историко-культурного ландшафта, дается оценка его отражению в сознании, трансформации представлений о нем в современной культуре нанайцев, а также анализируется трансляция данного образа посредством современного прикладного творчества и праздничной культуры. Работа представляет собой результат реализации первого этапа комплексного проекта по изучению историко-культурных ландшафтов Северной Пасифики и базируется на проведенном летом 2019 г. полевом исследовании в бассейне р. Амур (в селах Бельго и Кондон). Помимо сбора ценной антропологической информации, выявлены общие и особенные территориально дифференцированные элементы культуры указанных групп.

Ключевые слова: *Антропогеография, историко-культурный ландшафт, Амур, нанайцы, географические представления, искусство, праздники*

Latushko Yu. V., Samar A. P., Belaya E. G., Levchenko A. V. The historical and cultural landscapes of the Amur River in modern Nanai culture (based on field study materials, 2019).

The article reveals the concept of historical and cultural landscape, assesses its reflection in consciousness, the transformation of ideas about it in the modern Nanai culture, and analyzes the translation of this image through modern arts and crafts and festive culture. This work is the result of the implementation of the first stage of a complex project for study of the historical and cultural landscapes of the North Pacific and is based on a field study conducted in the summer of 2019 in the Amur river basin (in the villages of Belgo and Condon). In addition to collecting valuable anthropological information, common and territorially unique elements of the culture of these groups are identified.

Key words: *Anthropogeography, historical and cultural landscape, Amur River, Nanai, geographical images, art, holidays*

Для цитирования: Латушко Ю. В., Самар А. П., Белая Е. Г., Левченко А. В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 106–121. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/106-121

For citation: Latushko Yu. V., Samar A. P., Belaya E. G., Levchenko A. V. The historical and cultural landscapes of the Amur River in modern Nanai culture (based on field study materials, 2019) // Oikumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 106–121. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/106-121

Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.)

Постановка проблемы. Одним из методов изучения социальной стабильности в российских регионах является учет фактора присутствия иностранных трудовых мигрантов. Проблема особенно злободневна и в контексте происходящих сегодня событий в миграционной сфере в современной Европе, и в миграционных процессах в Северо-Восточной Азии, а также в связи с новым подходом России к развитию дальневосточного региона.

Хотя в отечественном законодательстве нет определения "трудящегося-мигранта", а есть понятие "иностранного работника"¹ [33], в историческом исследовании вполне допустимо применение термина иностранные трудовые мигранты (ИТМ). Смысл его введения заключается в том, что историк рассматривает иностранного работника не только как рабочую силу, а как часть дальневосточного социума, даже в период временного его пребывания. Важный аспект исторической постановки проблемы – выявление изменений позиций региональной политической элиты в отношении к ИТМ, которые разными информационными путями транслируются в социум.

Дискуссии о необходимости привлечения в российскую экономику иностранной рабочей силы ведутся уже давно, и далеко не последнее место в них занимает Дальний Восток России. В период с 2012 по 2019 гг. в стране были приняты Концепции государственной миграционной политики (2012, 2018) [19; 20]. До принятия концепции 2012 г. дальневосточный регион, с учетом реализации российской миграционной политики, пережил разные ситуации. Их можно охарактеризовать в контексте двух проблем: разрешение ситуации дефицита трудовых ресурсов путем привлечения мигрантов и накопление общественных рисков в этой сфере, опыт их устранения. Сам подход не новый, но изучаемый отрезок времени своеобразен для дальневосточного региона. К тому же в литературе, с ориентацией на конкретный дисциплинарный подход, эти проблемы рассматриваются, как правило, отдельно.

Цель статьи – на основе синтетического подхода раскрыть отношение Федерального центра и региона к иностранным трудовым мигрантам до и после принятия в 2012 г. "Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года" [19] (далее в тексте – Концепция), в которой разработчики попытались разрешить непроходящий комплекс проблем, возникающий в процессе привлечения ИТМ (справиться с дефицитом трудовых ресурсов в регионе и одновременно обеспечить социальную безопасность).

Для достижения цели важно решить конкретные задачи: охарактеризовать основные тенденции в истории постсоветской миграционной политики, в той ее части, что касается ИТМ; определить позиции дальневосточных политиков в данном вопросе, выявить основные изменения в самих мигра-

¹ Иностраный работник – иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность.

ционных потоках, влияние определенных факторов на количественные их характеристики; установить факты взаимосвязи между отношением социума к иностранным трудовым мигрантам и особенностями позиций региональных политиков.

Четкую периодизацию региональной политики относительно иностранной трудовой миграции в рамках обозначенных аспектов дать сложно. Проблема заключается в том, что развитие миграционной политики и изменения в составе ИРС на территориях происходили не синхронно. А меры, отражающие курс прагматизма и обеспечения социальной безопасности, также могут не совпадать. В статье использована методика выделения главных общероссийских и местных событий, которые в той или иной степени оказывали воздействие на позиции политиков в лице губернаторов, а также на изменения в потоках ИРС.

Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов в 1990-е – 2008 гг. Постсоветское правительство унаследовало российскую и советскую традицию относительно Дальнего Востока: ставить на повестку дня одновременно два вопроса: как решить дефицит трудовых ресурсов на территории и как обеспечить социально-политическую безопасность в связи с присутствием иностранцев? Хотя был небольшой отрезок времени – 90-е годы XX в., когда в условиях развала советской экономики и роста безработицы вопрос о дефиците трудовых ресурсов на территории у политиков отошел на второй план. Регионалам-управленцам пришлось заниматься обустройством беженцев и вынужденных переселенцев [4]. Главным направлением стала также борьба с незаконной китайской миграцией. Вполне можно согласиться с мнением А. А. Киреева, что в истории политики в 1988–2012 гг. по отношению к китайской рабочей силе можно выделить четыре этапа [18, с. 18]. На рубеже XX и XXI в. власти уделяли внимание и контролю за оставшимися с советских времен на территории Приморского и Хабаровского краев, Амурской области северокорейскими рабочими [14, с. 112–114; 31; 34].

Именно все эти вопросы оказались в центре внимания созданных на территориях контролирующих органов – Федеральной миграционной службы (ФМС). А научные дискуссии по миграционным процессам в дальневосточном регионе, которые наполняли информационное пространство, велись преимущественно вокруг темы "желтой опасности" или миграционной экспансии Китая, о чем подробно уже изложено в литературе [1; 22, с. 140; 28].

Миграционные службы на местах постепенно приобретали опыт регулирования иностранных трудовых потоков. По мере формирования рыночной системы власти дальневосточных субъектов РФ должны были учитывать интересы нового социального слоя предпринимателей; для которого актуально получение прибыли за счет экономии затрат, в частности более низкой оплаты труда мигрантов, их дисциплины, исполнительности. Сами же трудовые мигранты, заинтересованные в быстром, пусть даже невысоком, а стабильном получении источника доходов, увидели для себя такие возможности в 1990-е – начале 2000- гг. на южных приграничных территориях Дальнего Востока.

Наибольшую активность проявили китайские граждане, используя несовершенство российского законодательства, отсутствие опыта у территориальных УФМС. Они, опираясь на свою изобретательность и открывшиеся возможности туристических поездок в приграничные российские районы, стали серьезным вызовом для политиков и управленцев. К концу 1990-х г. властям Приморского и Хабаровского краев, Амурской области удалось навести относительный порядок в пребывании псевдотуристического китайского потока. Это был определенный успех на пути к сокращению социально-политических рисков, хотя добиться ликвидации незаконной занятости рабочей силы из КНР и снижения административных правонарушений в регионе не удалось [5]. Например, в Приморском крае ежегодно привлекались 6–10 тыс. тыс. китайских граждан, это в среднем 70% от иностранных рабочих, в 2001 г. – 80% (ТА ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН². Материалы полевых исследований 1999–2001 г. А. С. Ващук; Ответы УФМС на запросы ИИАЭ ДВО РАН). Многие

² ТА ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН – Текущий архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН

предприниматели не оформляли пребывание рабочих из КНР должным образом, и их занятость оказывалась незаконной. Эксперты считают, что тогда на одно оформленного легального китайского рабочего в России приходилось 10 незаконно трудящихся [21]. С начала 2000-х годов смыслом иммиграционной политики становится борьба с незаконной миграцией. В 2002 г. ФМС России была передана в ведомство МВД.

Споры вокруг незаконной миграции, проходившие на различных экспертных площадках в центре и в дальневосточном регионе, имели резонанс в политических кругах и стимулировали разработку новых норм регулирования на федеральном уровне. Кроме того, в начале 2000-х годов на Дальнем Востоке обозначился новый фактор – рост нового трудового потока из государств участников СНГ, который значительно актуализировал необходимость внесения корректив в иммиграционную политику.

С увеличением данного потока развитие теневого сектора на рынке труда получило новый импульс. Наибольший удельный вес среди нелегалов занимали лица, занятые в теновом и частном секторах, примерно 40% и 32% соответственно [21]. В среднем доля занятых работников из государств-членов СНГ в экономике региона тогда составляла 10%. При этом надо учесть, официальной статистикой охватывалось только от 5 до 10% реальной трудовой миграции [21, с. 75].

Увеличение и усложнение состава иностранных трудовых мигрантов в России, в том числе и в регионе, наличие теневого сектора на рынке труда, включая иностранцев, а также рост административных правонарушений приехавших как из КНР, так и из государств СНГ, формирование иностранными трудовыми мигрантами определенных отраслевых ниш [14, с. 139–145; 27] – все это продолжало быть основой для мигрантофобий и поводом для бурных обсуждений в экспертном и академическом сообществах, и в целом фактором внесения новых корректив в миграционное законодательство. Как известно, не все негативные практики привлечения иностранной рабочей силы были связаны с пробелами в миграционном законодательстве, но именно такие вопросы оказались в центре внимания Федерального центра.

Специфика исторического момента 2005-2006 гг. состояла в том, что одновременно на уровне Президента РФ поднимается вопрос о развитии Дальнего Востока как главным инструменте обеспечения национальной безопасности российских территории [14, с. 148]. Региональные политики и экспертное сообщество мгновенно реанимировали тему трудовых ресурсов, вывели её на первый план дальневосточной политики. Команда В. В. Путина предпринимает шаги по восстановлению роли государства в регулировании обеспечения региона трудовыми ресурсами.

С 2007 г. в стране вводится уведомительный порядок для трудовых мигрантов из государств СНГ. Либерализация порядка въезда в определенной степени была продиктована на тот период экономическими и социально-политическими обстоятельствами. Во-первых, переосмыслением Федеральным центром роли мигрантов из СНГ в дальневосточном регионе как возможной альтернативы внутреннему переселению. Во-вторых, инициаторы включения этой новации в миграционное законодательство надеялись на то, что уведомительный порядок в комплексе с другими мерами приведет к снижению правонарушений мигрантами. Нововведения 2007-2008 гг., уже проанализированные в литературе [18, с. 17–14; с. 146–156], не дали ожидаемых результатов в дальневосточном регионе. Так рост численности приехавших из Узбекистана сопровождался в дальнейшем увеличением числа административных правонарушений. В общей массе всех административных правонарушений самая большая доля относилась к сфере въезда, режима пребывания иностранцев (ст.ст. 18.8, 18.9, 18.11, 18.12, 18.18, 18.19 КоАП РФ) [5, с. 97]. Ситуация по-прежнему заставляла все структуры системы управления миграциями уделять пристальное внимание законности пребывания мигрантов из государств СНГ, включая контрольные проверки предприятий, которые использовали ИРС.

В 2007 г. численность въехавших с целью работать в ДФО из стран СНГ, в основном из Узбекистана, Таджикистана и Украины, возросла почти на 13% по сравнению с предшествующим годом. В Приморье в безвизовом порядке в этом же году въехало мигрантов в 8,5 раз больше, чем в 2006 г. Подобное явление

ние вызвало разную реакцию в экспертном сообществе и среди управленцев. В Приморском крае были сильны позиции ряда чиновников и также части экспертов, которые оставались сторонниками привлечения рабочей силы из КНР³. Такой же позиции придерживался и приморский губернатор в те годы С. М. Дарькин [9]. Ориентация на китайскую составляющую для поддержки сельского хозяйства проявлялась также в ЕАО. Сдержанный характер по вопросу привлечения мигрантов из КНР и СНГ проявлялся в политической риторике в Хабаровском крае. Представители других региональных органов власти высказывались против миграции китайцев: например, вице-губернатор Сахалинской области И. Малахов предлагал восстановить приграничную зону всех островов, входящих в состав области [26, с. 1031].

После 2007 г. действия правительства по сокращению рисков в иммиграционной сфере имели на региональном уровне несколько особенностей и все они касались правого регулирования. Были сделаны шаги по усовершенствованию процедуры квотирования. Применительно к ИРС из дальнего зарубежья она стала проводиться в регионах России еще с 2003 г., с 2007 г. механизм предоставления квот изменился: стали учитывать как количественные, так и качественные характеристики (профессию, квалификацию, состояние здоровья трудовых мигрантов), а также региональные особенности российского рынка труда.

Введение такого порядка была попыткой ограничить численность въезжающих в Россию с учетом емкости локальных рынков труда принимающих регионов. В 2008 г. правительство выступило с инициативой сократить квоты на привлечение иностранной рабочей силы в России на 2009 г. в два раза [30]. Реально в целом по стране смогли снизить квоты только на 16,4% [12].

Сначала путем квотирования власть приветствовала поддержку определенных отраслей в регионах, куда могли привлекаться ИРС, но уже в 2009 г. она пошла на сокращение квот для Дальнего Востока (то есть из стран с визовым въездом). Данное событие послужило "сигналом" для корректировки некоторыми губернаторами своих позиций в этом вопросе. В 2007-2008 гг. основное внимание власти на местах было сосредоточено на упорядочении торговой деятельности граждан КНР и на контроле над соблюдением прибывающими из Узбекистана, Таджикистана миграционного законодательства.

Изменения в политике привлечения ИТМ и потоках ИРС гг. в 2009–2018 гг. Политика постоянной балансировки между прагматическими выгодами использования ИРС и решением задачи обеспечения социально-политической безопасности, осуществляемая на Дальнем Востоке России в течение более десяти лет, привела к реанимации одной из форм советского опыта – организованному набору ИРС на строительство объектов саммита 2012 г. во Владивостоке. (Безусловно, в несколько измененной форме). Согласно ФЗ от 8 мая 2009 г., правительством РФ был установлен ускоренный и упрощенный порядок выдачи приглашений на въезд в Россию и разрешений на работу иностранным гражданам, занятым на строительстве объектов саммита [32]. Численность таких мигрантов не входила в общую квоту для иностранцев. Данный пример ярко демонстрирует прагматизм власти при реализации крупного национального проекта. После завершения основных объектов активизировались меры по обеспечению социальной стабильности – в публичной демонстрации отправки мигрантов из государств СНГ на родину и в активной кампании по борьбе с незаконной занятостью рабочих из Узбекистана. Тема отправки гастарбайтеров была озвучена лично Приморским губернатором В. В. Миклушевским: "В Приморье действует достаточно жесткое правило: сокращение квоты на привлечение иностранной рабочей силы. С работодателями, которые привлекали мигрантов на стройки АТЭС, была договоренность: после окончания строек мигрантов организовано, соблюдая все права человека, сажали на автобусы с офицером ФМС, везли в аэропорт, сажали на самолет – и они улетали", – сказал губернатор [25].

Динамика официальной численности занятых ИТМ в регионе после 2010 г. постоянно колебалась [29], и даже в 2015 г. она сократилась в Приморье и Хабаровском крае. Кроме того, появилась тенденция сокращения доли

³ Выводы сделаны автором на основе многочисленных материалов круглых столов, проводившихся на разных площадках Владивостока, посвященных ситуационному анализу.

Таблица 1. Численность иностранных граждан, имевших действующие патент и разрешения (2013–2016) в ДФО (по данным МВД)

	2013	2014	2015	2016
Патент*	64 260	62 824	49 406	43 186
Разрешения	72 478	70 939	34 443	30 135

* Согласно законодательству за 2013-2014 гг. данные только о работающих у физических лиц, с 2015 г. – физических и юридических лиц

Источник: составлено на основе [23, с.81, 82, 88].

граждан из КНР и КНДР в общем потоке иностранной рабочей силы, о чем свидетельствуют сведения о получивших разрешение на работу из дальнего зарубежья (табл. 1).

Граждане, въезжающие в Россию в безвизовом порядке, с 2015 г. получили возможность трудиться по патенту не только у индивидуальных предпринимателей, но у юридических лиц (ранее по патенту мигранты могли работать только у физических лиц). Число тех, кто приобрел патенты, не только не увеличилось, а напротив, сократилось. Данные таблицы подтверждают мнение экспертов, что доля незаконно занятых трудящихся на рынке труда не сокращалась (см.: табл. 1). Правда, надо учитывать, что иностранным работникам из государств, входящих в ЕАЭС (например, из Киргизии и Армении и др.), патент покупать не нужно.

В рассматриваемый период и сами структуры управления трудовой миграцией на местах не смогли в своей деятельности преодолеть негативных явлений, которые также представляли угрозы в сфере безопасности иностранной трудовой миграции. Присутствием иностранных трудовых мигрантов пользовались и отдельные жители региона, регистрируя десятками иностранцев на своей жилой площади за хорошую плату. В целом территория своими специфическими проблемами привлечения ИТМ вливалась в общероссийскую проблему обеспечения социально-политической безопасности.

Региональная особенность складывается под влиянием совпадения во времени решения двух политических событий: это образование Указом Президента РФ от 21 мая 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока и принятию 13 июня 2012 г. новой миграционной концепции в РФ до 2025 г. В регионе началось активное внедрение новых форм развития территорий (в частности, ТОРыбов, Свободного порта Владивосток), и одновременно власти пытались реализовать миграционную Концепцию 2012 г.

Правительство, разрабатывая эту Концепцию, вынуждено было признать: миграционное законодательство России не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества; оно было ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержало мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов. В Концепции подчеркивалось, что привлечение ИРС в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития, хотя не единственным инструментом.

После принятия новой Концепции критическое восприятие местными политиками использования ИРС как инструмента решения дефицита трудовых ресурсов начинает проявляться достаточно ярко. Во-первых, поднимается вопрос об отношении китайских работников к соблюдению экологических норм в сельском хозяйстве. В 2012 г. впервые за значительный отрезок времени в Амурской области (как территории концентрации трудовых мигрантов) власть пошла на резкое сокращение заявок. В Сахалинской области после завершения строительства завода сжижено-природного газа (СПГ) обострилось отношение местных жителей к трудовым мигрантам, и власти стали сдерживать "аппетиты" работодателей, сокращая квоту [3, с. 190–194]. В 2013 г. по

причине нарушений земельного законодательства в Амурской области был введен запрет на привлечение китайских мигрантов в сельское хозяйство. Потребности области в трудовых ресурсах компенсировались за счет привлечения граждан СНГ и КНДР. В Приморском крае также обсуждался этот вопрос [3, с. 190–194]. В 2014 г. на совещании в Октябрьском районе В. В. Миклушевский четко выразил свою позицию: "В вашем районе вопрос привлечения иностранной рабочей силы стоит остро – мы поддерживаем привлечение инвестиций, но их надо использовать для создания рабочих мест, в первую очередь, для приморцев. Мы должны действовать исключительно в интересах жителей края"[16]. (Хотя, как выяснилось позже нами, при взятии интервью, не все управленцы этого района разделяли мнение губернатора о необходимости сокращения рабочей силы из КНР. (ТА ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Интервью А. С. Ващук с представителями Администрации Покровского сельского поселения Октябрьского муниципального района Приморского края. 14 июля 2017 г.).

Градус общественного резонанса в Приморье по отношению к ИРС изучается многими социологами, и результаты отличаются конкретными его характеристиками за определенные годы и в связи с разными задаваемыми вопросами в анкете. Тем не менее, общий вывод ученых все-таки можно сравнивать. Так, М. Алексеев, профессор из университета Сан Диего (Калифорния) считает, что уровень мигрантофобии на 2013 г. оставался высоким. Почти три четверти респондентов и в 2005, и в 2013 г. высказались против предоставления всем мигрантам безусловного права на постоянное жительство в Приморье. Число респондентов, поддержавших лозунг "Россия – для русских", выросло за этот период времени с 65% до 77%" [2]. Имеются данные приморских исследователей, которые позволяют заметить, что такая оценка несколько преувеличена при определении ситуации. Например, А. В. Винокурова и А. Ю. Ардалянова справедливо подчеркивают, что, с одной стороны, эксперты и коренные жители осознают необходимость привлечения трудовых мигрантов. (Например, 2015 г. в домохозяйствах Приморского края работали 26 тыс. иностранцев, в том числе – 9,4 тыс. граждан Узбекистана и 8,4 тыс. чел. из КНР). С другой стороны, высказываются мнения, выражающие тревогу относительно притока трудовых мигрантов из бывших союзных республик и стран АТР. Инфранты также демонстрируют высокий уровень тревожности в связи с неопределёнными собственными жизненными перспективами [6]. Это вывод дополняется мнением других специалистов. "Большинство респондентов-приморцев (63%) высказались нейтрально, отвечая на вопрос о поддержке митингов и пикетов против иностранных трудовых мигрантов" 15% поддерживают такие акции [24, с. 108]. Чуть более трети опрошенных (38%) демонстрируют положительные установки на взаимодействие с ними (с мигрантами общаются практически ежедневно). В ответах по другим вопросам прослеживается более критическое отношение населения к присутствию ИТМ из Узбекистана и Таджикистана, в частности к совместному обучению с детьми мигрантов, к занятости в медицинских учреждениях выходцев из государств Средней Азии [24, с. 108]. Безусловно, статистически трудно отразить противоречивое влияние общественного мнения на позиции политиков, тем не менее, как мы видим, губернаторы разъясняют свои решения защитой интересов местных граждан.

Приморские социологи уловили современную тенденцию в общественном поведении. Население находится в рамках определенной модели поведения: между прагматическими интересами присутствия иностранных мигрантов (часть населения заинтересована в использовании труда приезжающих для работы в домохозяйствах, в приобретении дешевых товаров на рынках у иностранных торговцев, в сокращении затрат при ведении бизнеса) и чувствами необходимости защиты себя государственными мерами.

Вследствие переплетения внутренних социально-политических обстоятельств в регионе, а также в силу внешних факторов, менялась структура потока международной миграции. Достаточно ярко это было выражено на территории приграничной Амурской области. В 2001 г. сюда прибыло всего лишь 499 чел. из стран – членов СНГ. В 2011 г. доля трудовых мигрантов из СНГ составляла 15,8%, в 2014 г. – уже 30,0%, а в абсолютном выражении их численность увеличилась более чем в 2 раза. Хотя в абсолютных показа-

Таблица 2. Трудовые мигранты в Амурскую область из СНГ, КНР и КНДР (2010–2014 гг.)

Страны-доноры	2010	2011	2012	2013	2014
СНГ	1686	1824	2769	2260	3411
КНР и КНДР	8660	8474	8013	7917	7941

* Согласно законодательству за 2013-2014 гг. данные только о работающих у физических лиц, с 2015 г. – физических и юридических лиц.

Источник: составлено на основе (ТА ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН. Ответ УФМС Амурской области на запрос ИИАЭ ДВО РАН. 2015).

телях таких было в два раза меньше, чем из традиционного зарубежья (см. табл. 2).

Позиция губернаторского корпуса в вопросе о рациональной необходимости сокращения в регионе ИРС была в определенной степени ответом на негативное общественное мнение и демонстрацией своих позиций – выступить защитником интересов дальневосточников. Бывший губернатор Хабаровского края, а также бывший полномочный представитель Президента РФ по ДФО В. И. Ишаев с осторожностью относился к возможности предоставлять гражданство китайцам. В Сахалинской области, в соответствии с Постановлением губернатора Сахалинской области, на 2016 г. был введен запрет на привлечение хозяйствующими субъектами иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по некоторым видам экономической деятельности (производство хлеба и хлебобулочных изделий, производство мучных кондитерских изделий, перевозка автомобильным пассажирским транспортом в междугородном сообщении, а также деятельность автобусного транспорта и такси, торговля алкогольными напитками и табачными изделиями) [26].

В дальневосточном регионе ситуация противоречий между экономическими выгодами использования ИРС и остротой обеспечения социальной стабильности стала одним из главных факторов формирования политического и экспертного мнения: необходим переход от ситуационных принятых решений к стратегическому подходу. Это мнение вливалось в общее русло многочисленных общероссийских обсуждений и дискуссий. [Подробно см.: 15]. Одновременно в управленческих кругах шло обсуждение идеи о новых формах управления развития дальневосточной территории.

Организация Министерства по развитию Дальнего Востока и создание ТОРов в регионе стали дополнительным и важным фактором корректировки отношения политиков к ИРС, в котором стала часто проследиваться поддержка инвесторов, резидентов ТОРов, и Свободного порта Владивосток. Такую позицию продемонстрировал бывший Министр РФ по развитию Дальнего Востока А. Галушка. Он, пребывая в очередной раз в Пекине по вопросу сотрудничества, обратил внимание на то, что российские власти намерены постепенно восполнять нехватку квалифицированных специалистов в ряде новых видов производства на российском Дальнем Востоке отечественными кадрами. Министр привел конкретный пример из практики. "У нас действительно не было нужных специалистов, и в силу нехватки была иностранная рабочая сила. Но чтобы проект не тормозить, мы с инвестором договорились, и это модельное решение, – отметил он, приводя пример индийской компании во Владивостоке. – Да, на начальном этапе задействована иностранная рабочая сила, но и самому инвестору это невыгодно. И у нас программа постепенного переобучения, а также замещения иностранцев людьми, которые проживают в Приморье, российской рабочей силой, так мы этот вопрос решили... Наша работа и обязанность – обеспечить инвестиционные проекты необходимыми кадрами" [8]. По законодательству иностранная рабочая сила может привлекаться кампаниями-резидентами ТОРов, предусмотрены также упрощенные сценарии. Оценка потребностей в иностранных специалистах и

решение данного вопроса должны производиться на уровне наблюдательного совета каждой территории.

Для решения проблемы трудовых ресурсов правительство РФ в 2015 г. специально учредило Агентство развития человеческого капитала на Дальнем Востоке. В этом же году была заявлена программа "Повышение мобильности трудовых ресурсов", участниками которой стали дальневосточные субъекты. Так, в редакции Федерального закона от 03.07.2018 N 190-ФЗ статья 22.2. посвящена содействию работодателям в привлечении трудовых ресурсов в рамках реализации региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов [11]. Принятие данной программы показывает, что власть возвращается к идее стимулировать внутреннюю миграцию на Дальний Восток, постепенно ограничивая численность ИРС. Работодателю, участвующему в региональной "Программе повышения мобильности трудовых ресурсов", в целях привлечения для трудоустройства работников из других субъектов Российской Федерации предоставляется финансовая поддержка [11]. Хотя практика трехлетней деятельности АРЧК и реализация региональных программ трудовой мобильности пока видимых результатов не принесли.

Миграционные потери ДФО в обмене с другими регионами России в результате проводимого государственного курса в 2012–2016 гг. и под воздействием других объективных обстоятельств составили 170 тыс. чел. Миграционный прирост за счет международной миграции – около +50 тыс. чел. Это сократило общую миграционную убыль за пять лет до 120 тыс. чел. Доля международных мигрантов в составе прибывших в ДФО в 2012–2016 гг. составляла 26%, среди выбывших – 14%. За этот же период общее положительное сальдо сократилось в 1,7 раза, с 16 до 8 тыс. чел. Особенно заметно это снижение произошло в Приморском, Камчатском краях, Чукотской автономной области, увеличение произошло только в Магаданской области [10, с. 88–94].

В связи с принятой методикой учета можно говорить о численности ИТМ только в рамках тенденций. Проблему статистики историк может лишь частично решить, обратившись к информации о мотивах приезда. В 2016 г. из 450 тыс. иностранцев, поставленных на миграционный учет в ДФО первично, только 154 тыс. чел. или 34% указали целью прибытия "работу". Число иностранцев, проживающих в ДФО (по виду на жительство и разрешению на временное проживание), в конце 2016 г. достигло всего 36 тыс., это всего лишь 3% общероссийского показателя. Большинство из ИТМ жили и трудились в Приморском (36%) и Хабаровском краях (20%).

Из общей численности граждан, имевших разрешение на работу по ДФО, 29% были гражданами КНР [10]. С 2013 г. количество выданных разрешительных документов на работу (разрешений и патентов) уменьшилось с 136 до 73 тыс., а их доля в общероссийском показателе снизилась с 6,5% в 2012 г. до 2,7 в 2016 г. [23, с. 62, 88].

Как справедливо подчеркивают многие исследователи, о составе потока потенциальных трудовых мигрантов по выданным разрешениями на работу и патентам судить сложно: эта система не охватывает граждан ряда государств. А сами разрешения не отражают настоящую численность. Дальневосточный опыт подтверждает, что расширение "формата" патента для граждан из государств, имеющих безвизовый режим с Россией, не сказалось на повышении уровня законопослушности приезжающих из Узбекистана (одним из способов определения уровня законопослушности мигрантов является количество совершаемых ими административных правонарушений) [см. подробно: 5].

В то же время ужесточение условий допуска иностранцев на российский рынок труда⁴ как часть политики снижения общественных рисков все-таки сказалось на сокращении численности трудовых мигрантов из стран СНГ в 2015–2016 г. К 2018 г. многие мигранты из Узбекистана уже адаптировались к новым требованиям, включились в процесс сдачи тестов и получили опыт приобретения патентов. В 2017 г. 78% трудовых мигрантов, которые приобрели патенты, работали у физических лиц [23]. Основные специальности, по

⁴ С 2015 г. иностранные граждане обязаны пройти тестирование на знание русского языка, основ истории и законодательства РФ, оплатить (купить) полис медицинского страхования, патент, стоимость которого дифференцирована по территориям.

которым граждане ближнего зарубежья оформляли патенты, – подсобный рабочий (67%), а также повар, продавец, уборщик и водитель.

Изменения в ситуации привлечения ИРС связаны с разными причинами. Новой характеристикой ситуации привлечения ИРС стало резкое сокращение северокорейских рабочих на региональном рынке труда, это было прямым следствием присоединения России к санкциям в отношении КНДР, связанных и испытанием ядерного оружия [34].

На пограничных территориях после образования нового министерства в дальневосточном губернаторском корпусе начинается ярко прослеживаться линия на сокращение иностранной рабочей силы как из КНР, так и из стран СНГ, в частности их Узбекистана. Например, в Приморье с приходом на пост губернатора О. Кожемяко курс на сокращение привлечения иностранной рабочей силы приобрел характер жесткой установки. В июле 2019 г на совещании с главами муниципальных районов по кадровому вопросу он, подводя итоги, сказал: "Главам мы поставили задачу – опираться на собственные возможности, искать трудовые резервы на своих территориях, решать вопросы трудоустройства населения и платить им достойную зарплату" [17]. Губернатор подписал распоряжение, согласно которому с 2020 г. в Приморье вводится запрет на работу в сфере транспорта для иностранцев. Ограничение коснется работы иностранных граждан по патентам как в общественном транспорте, так и в такси [7].

Выводы. Таким образом, процесс привлечения ИРС в экономику региона в начале XXI в. имел очень динамичный характер, в период с 2006 г. власти главное внимание уделяли законодательному регулированию. До 2012 г. на приграничных территориях власть активно пыталась балансировать между решением двух задач: способствовать решению проблемы дефицита трудовых ресурсов, обращая особое внимание на составляющую ИТМ; путем жесткого контроля над потоками ИТМ обеспечивать социально-политическую безопасность. После создания Министерства по развитию Дальнего Востока крен был сделан в сторону обеспечения социально-политической безопасности, под прикрытием идеологии внедрения новых форм управления развитием дальневосточных территорий, а также интересов местного населения. Идеологическая направленность государственной миграционной концепции на период до 2025 г. была воспринята региональными политиками как сигнал на сокращение привлечения ИРС. Кроме того, многие характеристики диверсификации ИРС в регионе были связаны не только с принятием поправок в законодательстве и с политическими решениями, но и с целым набором факторов, которые исходили от процессов в стране-доноре, как в случае с КНР и Украиной или внешнеполитических обстоятельств – в ситуации с КНДР, а также проявлениями экономического кризиса в странах. Данный блок факторов оказался новым вызовом для российской иммиграционной политики, они не могли быть предусмотрены и фактически не брались во внимание российской политикой в области планирования привлечения иностранной рабочей силы.

В 2015–2018 гг. наиболее ярко в публичном пространстве прослеживается жесткая риторика по отношению к иностранным трудовым мигрантам, что можно расценивать как отражение линии на укрепление социально-политической безопасности. В эти годы прагматический курс меняет свое содержание под влиянием утверждения новой стратегии управления развитием дальневосточных территорий и тактикой поддержки иностранных компаний - инвесторов, которые сами имеют возможность привлекать ИРС. Со стороны Федерального Центра прослеживается попытка реанимировать внутреннюю миграцию на Дальний Восток. Тем не менее, быстро отказаться от масштабного использования неквалифицированной рабочей силы в некоторых отраслях на Дальнем Востоке в ближайшее время не удастся.

Авторский подход к изучению проблемы дает основание утверждать, что в политике на Дальнем Востоке происходило некоторое обобщение: этническое, социальное и культурное разнообразие мигрантов объединялось в единое явление, противостоящее в свою очередь социально-культурному монолиту принимающего сообщества. Этническая окрашенность трудовой миграции особенно болезненно воспринималась местными сообществами.

Литература

1. Авраменко С. В. Организация мероприятий по борьбе с незаконной миграцией на российско-китайской границе // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-meropriyatiy-po-borbe-s-nezakonnoy-migratsiey-na-rossiysko-kitayskou-granitse> (дата обращения: 26.08.2019).
2. Алексеев М. Китайская миграция на российском Дальнем Востоке // Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1324796-echo/> (дата обращения: 27.08.2019).
3. Ващук А. С. Миграционные тренды и проблемные точки реализации миграционной политики на Дальнем Востоке России (2007–2014 гг.) / А. С. Ващук // Восьмые Гродековские чтения. Дальний Восток России: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Хабаровск, 15–17 апр. 2015 г.). Хабаровск, 2015. Т. 1. С. 188–196.
4. Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 2002. 229 с.
5. Ващук А. С., Шишкина О. Е. Состояние административной деликтности в сфере миграции в 2010–2014 гг. (на материалах Приморского края и Амурской области) // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право. Научный и общественно-политический журнал. Владивосток: ДВФУ, 2015. № 3. С. 90–100.
6. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки // Вестник Института социологии. 2016. № 16. С. 43–55.
7. Власти Приморья вводят запрет на работу иностранцев в сфере городского транспорта // БФМ.РУ – официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/424840> (дата обращения: 18 сентября 2019).
8. Галущко А. С. Иностранная рабочая сила на Дальнем Востоке будет замещаться российской // Рамблер. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/baltic/38333445-galushka-inostrannaya-rabochaya-sila-na-dalnem-vostoke-budet-zameschatsya-rossiyskou> (дата обращения: 24.08.2019).
9. Дарькин С. М. Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность. М.: Дело, 2007. 440 с.
10. Донец Е. В., Чудиновских О. С. Современные тенденции миграции в регионах дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 88–94.
11. Закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 (ред. от 11.12.2018) "О занятости населения в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 24.08.2019).
12. Занданова О. Ф. Квотирование иностранной рабочей силы: региональный аспект // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvotirovanie-inostrannoy-rabochey-sily-regionalnyu-aspekt> (дата обращения: 12.08.2019).
13. Иванов С. А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 4. С. 35–46.
14. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начала XX в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 229 с.
15. Ихванюк И. Поучительная история концептуализации миграционной политики в Российской Федерации // Миграции в России 2000–2012. Хрестоматия в трех т. Т. II. М.: Спецкнига, 2013. С. 158–194.
16. Квоту на привлечение иностранной рабочей силы в Приморье сократят // Без формата. [Электронный ресурс]. URL: <http://vladivostok.bezformata.com/listnews/kvotuna-privlechenie-inostrannoj-rabochej/22796985/> (дата обращения: 12.09.2019).
17. Квоты выдавать не будем. Кожемяко выгоняет иностранную рабочую силу из Приморья. [Электронный ресурс]. URL: <https://portofranko-vl.ru/ru/publication/kvoty-vydavat-ne-budem-kozhemyako-vygonyaet-inostrannuyu-rabsilu-iz-primorya> (дата обращения: 12.09.2019).
18. Киреев А. А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 4. С. 8–25.
19. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 8 июня 2012 г. № Пр-1490. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 12.09.2019).
20. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утверждена 31 октября 2018 года) // Официальные сетевые ресурсы Президента России. <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 10.08.2019).
21. Красинец Е. С., Кубишин Е. С., Тюрюканова Е. В. Нелегальная миграция в Россию. М.: Academia, 2000. 96 с.

22. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
23. Международная миграция в России. Профилактика социальных рисков / Под ред. О. И. Бородкиной, Н. В. Тавровского. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2018. 192 с.
24. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2018 год. М.–Омск: "Издательский центр КАН", 2019. 118 с.
25. Миклушевский В. Мы сокращаем квоты на привлечение иностранной рабочей силы // ОТВПрим. [Электронный ресурс]. URL: https://otvprim.ru/news/news_politics/imported_Politika_24177_2013_12_18 (дата обращения: 05.07.2019).
26. Мищук С. Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 6. С. 1028–1040.
27. Мищук С. Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока // Известия РАН. Сер. Географ. 2016. № 1. С. 38–48.
28. Пальников М. С. Миграционная экспансия Китая: Вызовы и угрозы для России // Актуальные проблемы Европы. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-ekspansiya-kitaya-vyzovy-i-ugrozy-dlya-rossii> (дата обращения: 26.07.2019).
29. Программа дополнительных мер снижения напряженности на рынке труда Хабаровского края в 2011 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/32334456-Programma-dopolnitelnyh-mer-snizheniya-napryazhennosti-na-rynke-truda-habarovskogo-kraja-v-2011-godu.html> (дата обращения: 20.08.2019).
30. Путин заявляет о временном характере сокращения квот на мигрантов в РФ // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20081205/156594945.html> (дата обращения: 05.07.2019).
31. Троякова Т. Г. Рабочая сила из КНДР на российском Дальнем Востоке: история и современное состояние // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2. С. 81–90
32. Федеральный закон от 8 мая 2009 г. N 93-ФЗ "Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран - участников форума "Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество" в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Техэксперт. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902155733> (дата обращения: 12.08.2019).
33. Федеральный Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/184755/paragraph/159720:0> (дата обращения: 12.08.2019).
34. Vashchuk A. S. La main d'œuvre nord-coréenne en Russie // Russie – 2018: regards de l'Observatoire franco-russe. L'Observatoire franco-russe. Paris, 2018. С. 330–333. (франц.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Avramenko S. V. Organizatsiya meropriyatij po bor'be s nezakonnoj migratsiej na rossijsko-kitajskoj granitse // KiberLeninka. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-meropriyatij-po-borbe-s-nezakonnoj-migratsiej-na-rossijsko-kitajskoj-granitse> (дата обращения: 26.08.2019).
2. Alekseev M. Kitajskaya migratsiya na rossijskom Dal'nem Vostoke // EHkko Moskvy. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/1324796-echo/> (дата обращения: 27.08.2019).
3. Vashhuk A. S. Migratsionnye trendy i problemnye točki realizatsii migratsionnoj politiki na Dal'nem Vostoke Rossii (2007–2014 gg.) / A. S. Vashhuk // Vos'mye Grodekovskie chteniya. Dal'nij Vostok Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. posvyashh. 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (Khabarovsk, 15–17 apr. 2015 g.). Khabarovsk, 2015. Т. 1. С. 188–196.
4. Vashhuk A. S., Chernolutskaya E. N. i dr. Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX veke. Vladivostok: ИАЕН ДВО РАН. 2002. 229 с.
5. Vashhuk A. S., SHishkina O. E. Sostoyanie administrativnoj deliktности v sfere migratsii v 2010–2014 gg. (na materialakh Primorskogo kraja i Amurskoj oblasti) // Aziatsko-Tikhookeanskij region. EHkonomika. Politika. Pravo. Nauchnyj i obshhestvenno-politicheskij zhurnal. Vladivostok: DVFU, 2015. № 3. С. 90–100.
6. Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. Migranty v Primor'e: mneniya, suzhdeniya, otsenki // Vestnik Instituta sotsiologii. 2016. № 16. С. 43–55.

7. Vlasti Primor'ya vvodyat zapret na rabotu inostrantsev v sfere gorodskogo transporta // BFM.RU – ofitsial'nyj sajt. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.bfm.ru/news/424840> (data obrashheniya: 18 sentyabrya 2019).

8. Galushko A. S. Inostrannaya rabochaya sila na Dal'nem Vostoke budet zameshat'sya rossijskoj // Rambler. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://news.rambler.ru/baltic/38333445-galushka-inostrannaya-rabochaya-sila-na-dalnem-vostoke-budet-zameschatsya-rossijskoj> (data obrashheniya: 24.08.2019).

9. Dar'kin S. M. Tikhookeanskaya Rossiya: strategiya, ehkonomika, bezopasnost'. M.: Delo, 2007. 440 s.

10. Donets E. V., CHudinovskikh O. S. Sovremennye tendentsii migratsii v regionakh dal'nevostochnogo federal'nogo okruga // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2017. № 4 (206). S. 88–94.

11. Zakon RF ot 19.04.1991 N 1032-1 (red. ot 11.12.2018) "O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2019) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/(data obrashheniya: 24.08.2019).

12. Zandanova O. F. Kvotirovanie inostrannoj rabochej sily: regional'nyj aspekt // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya. 2014. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvotirovanie-inostrannoy-rabochej-sily-regionalnyj-aspekt> (data obrashheniya: 12.08.2019).

13. Ivanov S. A. Migratsiya kitajskogo kapitala i truda v Primorskom krae // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2014. № 4. S. 35–46.

14. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina KhKh – nachala KhKh v). Kn. 2. Migratsionnye vyzovy i strategii obespecheniya sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti dal'nevostochnykh territorij. Vladivostok: IIAEH DVO RAN. 229 s.

15. Ikhvanyuk I. Pouchitel'naya istoriya kontseptualizatsii migratsionnoj politiki v Rossijskoj Federatsii // Migratsii v Rossii 2000–2012. Khrestomatiya v trekh t. T. II. M.: Spetskniga, 2013. S. 158–194.

16. Kvotu na privlechenie inostrannoj rabochej sily v Primor'e sokratyat // Bez formata. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://vladivostok.bezformata.com/listnews/kvotu-na-privlechenie-inostrannoj-rabochej/22796985/> (data obrashheniya: 12.09.2019).

17. Kvoty vydavat' ne budem. Kozhemyako vygonyayet inostrannuyu rabsilu iz Primor'ya. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://portofranko-vl.ru/ru/publication/kvoty-vidavat-ne-budem-kozhemyako-vygonyayet-inostrannuyu-rabsilu-iz-primorya> (data obrashheniya: 12.09.2019).

18. Kireev A. A. Vozdejstvie rossijskoj migratsionnoj politiki na dinamiku transgranichnoj migratsii iz Kitaya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2014. № 4. S. 8–25.

19. Kontseptsiya gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda. 8 iyunya 2012 g. № Pr-1490. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (data obrashheniya: 12.09.2019).

20. Kontseptsiya gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na 2019–2025 gody (utverzhdena 31 oktyabrya 2018 goda) // Ofitsial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii. <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (data obrashheniya: 10.08.2019).

21. Krasinets E. S., Kubishin E. S., Tyuryukanova E. V. Nelegal'naya migratsiya v Rossii. M.: Academia, 2000. 96 s.

22. Larin V. L. Rossijsko-kitajskie otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-e gody XX – nachalo XXI veka). M.: Vostok-Zapad, 2005. 390 s.

23. Mezhdunarodnaya migratsiya v Rossii. Profilaktika sotsial'nykh riskov / Pod red. O. I. Borodkinoy, N. V. Tavrovskogo. Sankt-Peterburg: Skifiya-print, 2018. 192 s.

24. Mezhehtnicheskie otnosheniya i migratsionnaya situatsiya v regionakh TSentra, Severo-Zapada, Sibiri Dal'nego Vostoka Rossii. EHkspertnyj doklad za 2018 god. M.–Omsk: "Izdatel'skij tsentra KAN", 2019. 118 s.

25. Miklushevskij V. My sokrashhaem kvoty na privlechenie inostrannoj rabochej sily // OTVPrim. [Elektronnyj resurs]. URL: https://otvprim.ru/news/news_politics/imported_Politika_24177_2013_12_18 (data obrashheniya: 05.07.2019).

26. Mishhuk S. N. Realizatsiya sovremennoj migratsionnoj politiki na Dal'nem Vostoke Rossii: federal'nyj i regional'nyj aspekty // Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika. 2018. T. 16. № 6. S. 1028–1040.

27. Mishhuk S. N. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo v sel'skom khozyajstve Dal'nego Vostoka // Izvestiya RAN. Ser. Geograf. 2016. № 1. S. 38–48.

28. Pal'nikov M. S. Migratsionnaya ehkspansiya Kitaya: Vyzovy i ugrozy dlya Rossii // Aktual'nye problemy Evropy. 2008. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-ekspansiya-kitaya-vyzovy-i-ugrozy-dlya-rossii> (data obrashheniya: 26.07.2019).

29. Programma dopolnitel'nykh mer snizheniya napryazhennosti na rynke truda Khabarovskogo kraja v 2011 godu. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docplayer.ru/32334456-Programma-dopolnitelnyh-mer-snizheniya-napryazhennosti-na-rynke-truda-khabarovskogo-kraja-v-2011-godu.html> (data obrashheniya: 20.08.2019).

30. Putin zavavlyayet o vremennom kharaktere sokrashheniya kvot na migrantov v RF // RIA Novosti. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20081205/156594945.html> (data obrashheniya: 05.07.2019).

31. Troyakova T. G. Rabochaya sila iz KNDR na rossijskom Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 81–90.

32. Federal'nyj zakon ot 8 maya 2009 g. N 93-FZ "Ob organizatsii provedeniya vstrechi glav gosudarstv i pravitel'stv stran - uchastnikov foruma "Aziatsko-tikhookeanskoe ehkonomieeskoe sotrudnichestvo" v 2012 godu, o razvitii goroda Vladivostoka kak tsentra mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Tekhehkspert. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902155733> (data obrashheniya: 12.08.2019).

33. Federal'nyj Zakon RF ot 25 iyulya 2002 g. № 115-FZ "O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federatsii". [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/184755/paragraph/159720:0> (data obrashheniya: 12.08.2019).

34. Vashchuk A. S. La main d'œuvre nord-coréenne en Russie // Russie – 2018: regards de l'Observatoire franco-russe. L'Observatoire franco-russe. Paris, 2018. S. 330–333. (frants.)

Ващук А. С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.).

В статье на основе синтеза исторической методологии и методов политологической социологии с учетом достижений предшественников и разнообразных типов источников выделены наиболее яркие черты в истории привлечения иностранных трудовых мигрантов в начале 2000-х годов. Определены новые тенденции, возникшие в этой политике на юге Дальнего Востока России до и после принятия в 2012 г. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, а также после создания Министерства по развитию Дальнего Востока. Автор приходит к выводу, что процессу иностранной трудовой миграции придавалась очень часто этническая окраска, а это особенно воспринималось местными сообществами. Данное обстоятельство, а также линия поведения регионалов в отношении иностранных мигрантов во многом были продиктованы влиянием официального дискурса.

Ключевые слова: *иностранные трудовые мигранты, миграционная политика, Россия, Дальний Восток, принимающее сообщество, социально-политическая безопасность*

Vashchuk A. S. The policy of attracting foreign labor migrants to the Russian Far East: between the pragmatic course and the security strategy (late XX – early XXI centuries).

On the basis of the synthesis of historical methodology and methods of political science sociology, taking into account the achievements of predecessors and various types of sources, the article highlights the most striking features in the history of attracting foreign labor migrants in the early 2000s. There are identified new trends that have emerged in this policy in the South of Russian Far East before and after the adoption in 2012 of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025, as well as after the creation of the Ministry for the development of the Far East. The author comes to the conclusion that the process of foreign labor migration was often given an ethnic tinge, and this was painfully perceived by local communities. This circumstance, as well as the behavior of the regionals in relation to foreign migrants were largely dictated by the influence of official discourse.

Key words: *foreign labor migrants, migration policy, Russia, the Far East, host community, social and political security*

Для цитирования: Ващук А. С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.). // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 122–134. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/122-134

For citation: Vashchuk A. S. The policy of attracting foreign labor migrants to the Russian Far East: between the pragmatic course and the security strategy (late XX – early XXI centuries) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 122–134. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/122-134

Российские акторы политики развития российского Дальнего Востока: цели и интересы

Постановка проблемы. Значительная территориальная протяженность Российской Федерации обуславливает наличие обширной и асимметричной системы регионов. С целью обеспечения её эффективного функционирования государство стремится к использованию максимально диверсифицированных инструментов управления развитием регионов. Региональная политика федерального центра имеет сложную траекторию формирования, которая определяется результатом торга между основными акторами, руководствующимися собственными интересами и преследующими специфические цели. В нормативном ключе она формируется в процессе диалога между властью и региональным сообществом, строящемся на принципе равноправия и взаимопонимания и исключающем несоразмерное доминирование. Однако в реальности требования всех заинтересованных сторон не учитываются, поскольку торг происходит между "установщиками" и наиболее мощными и политически активными акторами региона.

Представленная работа – попытка очертить теоретическую рамку изучения акторов политики развития Российского Дальнего Востока (РДВ). Цели исследования:

- 1) выделение акторов политики развития РДВ из совокупности её возможных субъектов;
- 2) ранжирование акторов по степени их влияния на формирование и реализацию данной политики;
- 3) описание и анализ комплекса интересов и целей акторов политики развития;
- 4) выявление основных противоречий в интересах и целях различных акторов политики развития.

Система акторов упорядочена с помощью модели Митчелла, созданной в рамках менеджеристской теории заинтересованных сторон и адаптированной под задачи исследования. Цели и интересы акторов выявлены в ходе наблюдения, опроса экспертов, мониторинга СМИ и анализа документов.

Актеры, агенты, заинтересованные стороны. Термин "актор" зачастую употребляется в значении "субъект", есть и более узкий подход к его определению, в рамках которого к характеристикам актора добавляются наличие материальных и нематериальных ресурсов достижения целей [1, с. 188, 13, с. 33]. Мы будем понимать под актерами политики развития РДВ действующих на данном поле игроков, способных принимать собственные решения, исходя из своих предпочтений, ценностей и интересов. Несомненно, акторы политики развития РДВ также являются заинтересованными сторонами, но не все заинтересованные стороны можно представить в качестве акторов, поскольку самостоятельность решений и наличие устойчивых предпочтений и осознанных интересов характерно не для всех заинтересованных сторон. Агентами политики в данном случае будут являться игроки, действующие в интересах какого-либо актора. Это могут быть конкретные органы власти, действующие от имени государства, или дочерние компании, действующие в интересах головного предприятия.

Акторов политики развития РДВ можно условно разделить на коллективных и индивидуальных. К первым относятся органы государственной власти, институты развития, коммерческие предприятия, некоммерческие организации (НКО). Ко вторым – отдельные политические и общественные деятели, чиновники, главы компаний. Исходя из критерия формализованности, акторы могут быть формальными и неформальными. Преобладающая сфера деятельности акторов определяет их принадлежность к социальным, политическим, экономическим и иным группам акторов. Степень влияния актора позволяет отнести его в категорию доминирующих, влиятельных или второстепенных акторов.

Среди наиболее значимых российских акторов политики развития РДВ можно выделить: Президента РФ, Федеральные силовые ведомства (Минобороны, ФСБ, МВД и др. и их территориальные управления); Федеральные экономические ведомства (Минвостокразвития, Минэкономразвития, Минтранс, ФТС и др. и их территориальные управления), федеральный бизнес (госкорпорации ("Газпром", "Роснефть", "РЖД") и негосударственный крупный корпоративный бизнес); региональную законодательную и исполнительную власти; органы местного самоуправления (МСУ); региональный бизнес (малое и среднее предпринимательство); федеральные и региональные НКО, а также индивидуальных акторов в составе коллективных.

Акторами, принимающими решения относительно политики развития РДВ, или "установщиками", являются федеральная законодательная и исполнительная власти (в отдельных случаях также органы судебной власти). Именно они определяют, интересы каких акторов и в какой мере будут учтены при выработке политики развития РДВ. Немаловажным моментом здесь является приоритизация акторов. Чьи интересы удовлетворить в первую очередь, какие акторы могут подождать, а за какими нужно просто наблюдать – на эти вопросы позволяет ответить такой инструмент, как модель Митчелла.

Модель Митчелла. Теоретик менеджмента Роналд Митчелл создал модель, описывающую предприятие как результат взаимодействия заинтересованных сторон (стейкхолдеров), руководствующихся своими целями и интересами. Под стейкхолдерами Митчелл понимает "любую группу или индивида, которые могут повлиять или на которые влияет достижение целей организации" [15, p. 46].

Модель направлена на приоритизацию заинтересованных сторон (стейкхолдеров) с целью построения долгосрочных отношений с ними. Согласно Митчеллу, все заинтересованные стороны ранжируются по значимости, исходя из обладания тремя качествами: власть, легитимность и настойчивость¹ (рис. 1). Значимость заинтересованной стороны пропорциональна количеству ее качеств. Интересы группы, обладающей одним качеством (латентные группы), можно не учитывать; если группа обладает двумя качествами (ожидающие группы), то нужно отслеживать ее интересы; наиболее значимыми оказываются игроки, обладающие всеми тремя качествами (решающая группа) [16].

Модель пригодна для анализа акторов политики развития РДВ, поскольку носит политический характер, основываясь на взаимодействии игроков по поводу их интересов. При этом модель Митчелла описывает широкий круг игроков, в то время как нас интересуют лишь акторы. Это позволяет спрогнозировать трансформацию игроков, которые из заинтересованных сторон могут стать акторами.

Прежде чем классифицировать заинтересованные стороны, представим дефиниции их ключевых качеств (по Митчеллу). Власть понимается как способность одного субъекта заставить другого сделать то, что он иначе не стал бы делать. Легитимность – признание того, что действия субъекта [в отношении установщика] желаемы и приемлемы в рамках данной системы норм.

¹ В российских исследованиях переводится как "законность", но это неверно. Авторское понятие "legitimacy" буквально означает именно легитимность. "Настойчивость" обычно переводят как "срочность", однако, на взгляд автора, этот вариант несколько запутывает. Здесь и далее перевод автора.

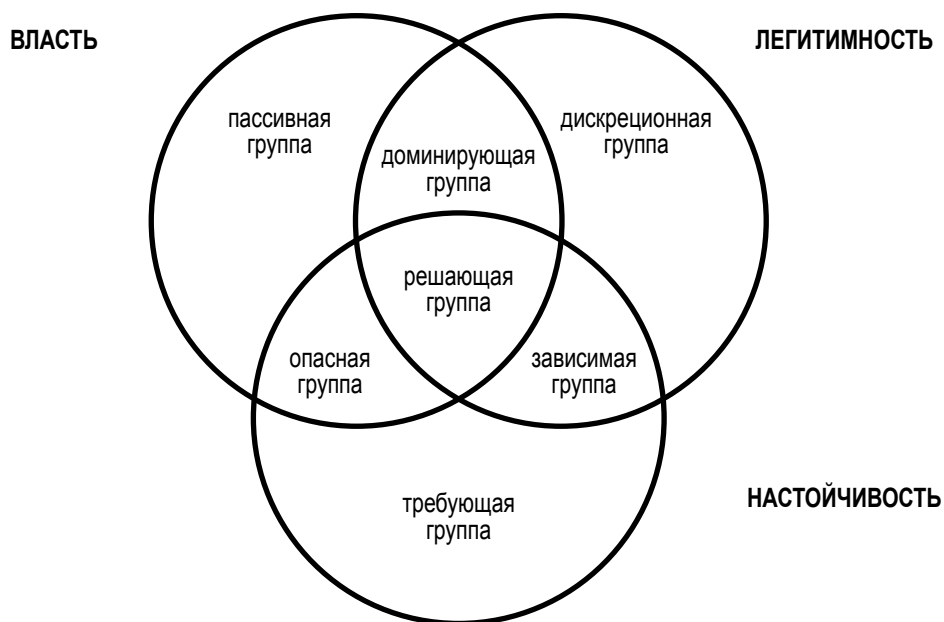

Рис. 1. Модель Митчелла.
Источник: составлено на основе [16].

Настойчивость – наличие у субъекта требований, требующих немедленного удовлетворения. [16, р. 869]

Стейкхолдер может не осознавать наличия у себя каких-то качеств или не пользоваться ими, это не означает, что качества отсутствуют. Также заинтересованные стороны могут приобретать новые качества, обратившись к стейкхолдерам более высокого уровня. Например, рядовой член общества, не обладающий властью, может обратиться к Президенту во время "прямой линии", указать на ущемленные интересы и, получив поддержку, он одновременно получает доступ в группу решающих стейкхолдеров. Это дополнение придает динамизм модели и приближает ее к реальности.

Исходя из модели Митчелла, заинтересованные стороны политики развития РДВ распределились по группам следующим образом (табл. 1).

Далее необходимо выделить из всех заинтересованных сторон акторов, то есть действующих игроков. Во-первых, акторами не будут являться латентные группы игроков. Во-вторых, заинтересованные стороны, не обладающие настойчивостью, то есть не требующие скорейшего удовлетворения своих интересов, также не входят в круг акторов. Это не значит, что их интересы можно вовсе не учитывать, так как они могут получить недостающее качество и трансформироваться в актора. Криминальные группы на текущий момент не обладают достаточным для актора влиянием на политику развития, поскольку наиболее мощные на РДВ группировки в течение двух последних десятилетий по большей части легализовали свою деятельность.

Индивидуальные акторы могут входить в состав коллективного и обладать различными комбинациями трёх качеств: власти, легитимности и настойчивости. В случае, если индивидуальный актор, входящий в группу решающих акторов, занимает ведущую позицию в составе коллективного актора, то он наделяет своими качествами этого коллективного актора, который впоследствии переходит в другую группу. Например, влиятельный глава исполнительной власти в регионе передает ей свое качество власти и переводит из группы зависимых акторов в группу решающих.

Цели и интересы акторов. Под целью мы будем понимать мысленный образ результата деятельности актора, под интересами – осознанные потребности, требующие удовлетворения. Эмпирический анализ целей и интересов акторов политики развития РДВ можно произвести, хотя и не без по-

Таблица 1. Классификация заинтересованных сторон

Группа		Заинтересованная сторона
Латентные группы	пассивная	-
	дискреционная	-
	требующая	непарламентские партии, население РДВ
Ожидющие группы	доминирующая	контрольно-счётные органы (напр., Счётная палата РФ)
	зависимая	региональная законодательная и исполнительная власти, региональный бизнес, органы МСУ, федеральные НКО, региональные НКО
	опасная	федеральные и региональные криминальные группы
Решающие группы		Президент РФ, федеральные силовые и экономические ведомства, федеральный бизнес

Источник: составлено на основе [16].

грешностей, исходя из их практических действий. Однако действия по достижению цели могут быть неэффективными, следовательно, результат (или его промежуточный статус) будет отличаться от запланированного, а цель может быть определена недостаточно точно. Кроме того, следует учитывать возможность иррационального поведения акторов. Описание целей и интересов индивидуальных акторов затруднено тем, что их действия зачастую скрыты от наблюдения.

В таблице 2 представлены интересы акторов политики развития РДВ в их взаимосвязи. Частично они пересекаются, в некоторых случаях с отрицательным знаком, то есть удовлетворение интересов одного актора означает ущемление интересов другого.

Среди решающих акторов имеются разногласия по ряду вопросов. Основное – характерная для дальневосточной политики дилемма безопасности и развития – противостояние между экономическими и силовыми ведомствами. Роль РДВ как восточного форпоста России традиционно предопределяла гегемонию "силовиков". Постановка задачи "поворота на Восток" и интеграции в АТР проблематизировала соотношение сил акторов, поскольку социо-экономическое развитие региона интересует, главным образом, экономические ведомства.

Есть разногласия и в диаде "федеральный бизнес – федеральные экономические ведомства". Во-первых, это строительство инфраструктуры за счёт средств инвесторов либо за бюджетный счёт. Федеральному бизнесу интересно прийти в "браунфилд", где уже существуют объекты инфраструктуры, функционируют логистические коридоры и подведены коммуникации, а экономические ведомства, напротив, заинтересованы в привлечении инвесторов в "гринфилд", поощряя строительство инфраструктуры за счёт предпринимателей. На практике стороны пытаются достичь баланса, и успех диалога зависит от быстроты и эффективности функционирования обратной связи. В частности, для этого предусмотрен ряд сессий Восточного экономического форума, а оперативное взаимодействие осуществляется на местах.

Во-вторых, это характер размещаемых на РДВ предприятий. Интересы экономических ведомств в рамках политики развития региона направлены на создание зон опережающего развития, наукоёмких высокотехнологичных производств и "умных городов" [5]. Интересы крупного федерального бизнеса вращаются вокруг скорейшего получения прибыли, поэтому его представителям выгодно эксплуатировать природно-ресурсную базу региона, продавая сырьё на экспорт. Наукоёмкие венчурные производства в этом смысле гораздо менее привлекательны. Данное противоречие может быть разрешено за счёт всемерной государственной поддержки создания наукоёмких предприятий. Однако на текущий момент проблема состоит ещё и в отставании финансовых

Таблица 2. Интересы акторов политики развития РДВ

Интерес / актор	Региональная законодательная власть	Региональная исполнительная власть	Региональный бизнес	Органы МСУ	Федеральные НКО	Региональные НКО	Президент РФ*	Федеральный бизнес*	Федеральные экономические ведомства в регионе*	Федеральные силовые ведомства в регионе*
Интеграция региона в АТР		+	+	+			+	+	+	-
Политическая стабильность в регионе	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Деэтизация региона, дерегулирование	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
Экономический рост в регионе		+	+	+			+	+	+	
Создание конкурентной среды в регионе		+	-	+			+	-	+	
Создание преференционных режимов в регионе	+	+	+	+			+	+	+	
Привлечение инвестиций	+	+		+			+	+	+	
Эксплуатация природных ресурсов региона			+	-			-	+	-	
Создание наукоёмких производств		+	-	+			+	-	+	
Получение прибыли			+					+		
Получение прибыли в федеральный бюджет							+		+	
Получение прибыли в региональный и местный бюджеты	+	+		+			+		+	
Строительство инфраструктуры за счёт федерального бюджета		+	+	+			-	+	-	-
Строительство инфраструктуры за счёт инвесторов		+	+	+			+	-	+	+
Развитие человеческого капитала региона		+	+	+			+	+	+	+
Повышение качества жизни в регионе	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Безопасность в регионе	+	+	+	+			+	+	+	+
Престиж региона	+	+	+	+		+	+		+	
Создание "хорошей" отчетности	+	+		+	+	+			+	+
Самопиар	+			+	+	+				

* решающие акторы.

** При этом льготы по налогам, взимаемым в региональный и местные бюджеты, не в интересах региональной законодательной и исполнительной власти и органов МСУ соответственно.

*** Представителей регионального бизнеса интересует создание преференциальных режимов, которые могли бы распространяться на уже существующие региональные компании.

Источник: составлено автором.

инструментов, нацеленных на поддержку инноваций, на законодательном уровне.

Третье разногласие – отношение к развитию конкурентной среды. Бизнесу интересно получить как можно больше преференций и занять крупные экономические ниши, монополизировать их. В интересах власти, напротив, растущая конкурентная экономика, в рамках которой повысится качество товаров и услуг, что будет способствовать их продвижению на международные рынки. В данный момент противоречие не актуализировано, поскольку, решая задачи привлечения инвестиций, агенты федеральной власти (Корпорация развития Дальнего Востока, Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и др.) ориентируются на интересы крупного бизнеса, "якорных инвесторов". Таким образом, приоритизация конкурентности экономики достаточно низкая по сравнению с повышением объёма инвестиций и не вносит значительной напряженности в данное пересечение.

Говоря о соотношении интересов остальных, из *таблицы 2* следует, что по ряду направлений интересы большей части акторов политики развития РДВ совпадают. Это политическая стабильность в регионе, экономический рост и привлечение инвестиций, дерегулирование, создание конкурентной среды и преференционных режимов, строительство инфраструктуры, наращивание человеческого капитала, благоприятная социальная обстановка и повышение качества жизни в регионе, усиление безопасности и рост престижа региона. Именно эти направления акцентируют в официальной риторике и документах о развитии РДВ [2; 6; 9].

В то же время в ряде случаев на пересечении интересов акторов наблюдается точечное напряжение. Речь идет о диадах "региональный-федеральный бизнес", "бизнес-органы МСУ", "федеральная власть-органы МСУ".

Интересы регионального и федерального бизнеса конкурируют, в первую очередь, в вопросе создания преференционных режимов. "Регионалам" важно получить преференции для уже существующих предприятий, иначе появление новых мощных игроков создаст для них тяжелые условия. [4] С другой стороны, они могут получить определённую выгоду от строительства инфраструктуры за счёт крупных инвесторов. Кроме того, региональному бизнесу, который функционирует в устоявшейся политико-экономической системе, не интересна дополнительная этатизация региона, поскольку это существенно изменит сложившиеся правила игры. Очевидно, что в любом случае правила не останутся неизменными, но дерегулирование более соответствует интересам "регионалов". Федеральный бизнес, напротив, нуждается в поддержке государства и этатизации региона.

Интересы органов МСУ и бизнеса расходятся в вопросах эксплуатации природного богатства региона и компенсации нагрузки на экосистему. Бизнесу необходимо получить прибыль максимально быстро, невзирая на последствия, что противоречит интересам органов МСУ, представляющих интересы населения, которое крайне чувствительно к ухудшению условий проживания. В случае, когда органы МСУ дисфункциональны, население обращается к другим акторам – НКО, депутатам регионального/федерального уровня и государственным учреждениям. Например, в ситуации, когда при перевалке угля в порту г. Находка образовывалось большое количество пыли, население обратилось в Общественную палату РФ, и в начале 2019 г. Роспотребнадзор зафиксировал снижение концентрации угольной пыли в воздухе, а Минприроды РФ подготовило законопроект о приостановке перевалки за экологические нарушения. [7] В ответ стивидорные компании также пытаются усилить позиции за счёт решающих акторов: написано письмо о несогласии с законопроектом полпреду РФ на ДВ Юрию Трутневу. [8]

Интересы федеральной власти и МСУ также сталкиваются в вопросе деэтатизации. В ситуации ожидаемого привлечения инвестиций и развертывания крупных предприятий в регионе "федералам" – как экономическим, так и силовым ведомствам – необходимо плотно контролировать регион. Это может привести к фактическому снижению роли МСУ, что противоречит его интересам. Также органы МСУ сталкиваются с экономическими ведомствами и их агентами в вопросе реализации поставленных перед ними задач. "Федералам" на местах необходимо показать выполнение с "хорошими" цифрами, что может приводить к выхолащиванию ключевых идей программ

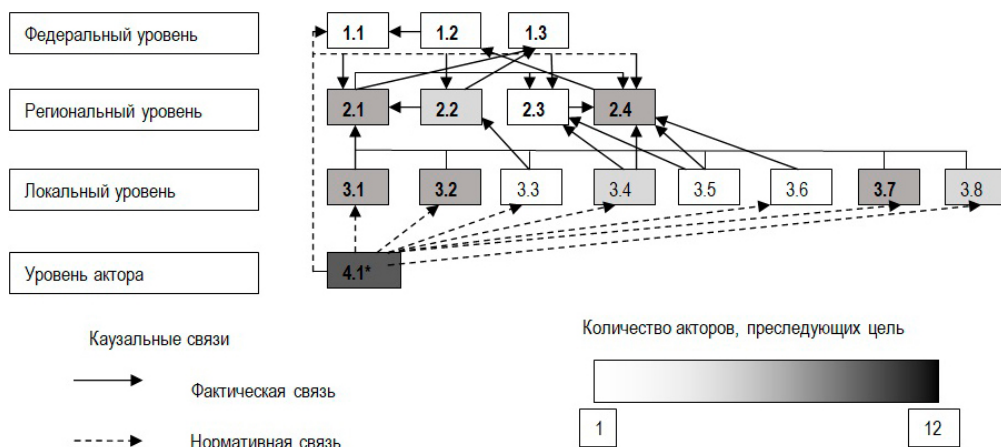

Рис. 2 Схема соподчинения целей акторов политики развития РДВ. Источник: составлено автором

и стратегий развития. Решение проблемы – продуманная система контроля над выполнением задач и личное участие должностных лиц высокого уровня. Например, экс-губернатор Хабаровского края В. Шпорт обращался в региональные уполномоченные органы, представляясь инвестором, и тестировал подчиненных на клиентоориентированность и владение правовой и иной информацией.

Необходимо также отметить, что коллективные акторы формируют индивиды, которые могут быть участниками иного коллективного актора. Например, предприниматели, входящие в состав органа региональной законодательной власти, будут проводниками интересов бизнеса. В зависимости от степени личного влияния таких индивидов коллективные акторы могут приобретать несвойственные им интересы. Направление транзита интересов определяется приоритизацией целей конкретных индивидов.

Интересы акторов являются драйверами их целей. Из всех акторов политики развития РДВ только государственные акторы формально закрепляют свои цели или упоминают их в официальной риторике. В различных документах [2; 9; 10; 11; 12] закреплён набор целей для органов исполнительной власти и институтов развития. Однако эти цели скорее похожи на декларации о намерениях, поскольку они трудно достижимы в указанные сроки [2, с. 3, 9, с. 4], а зачастую противоречивы.

Остальные акторы не озвучивают свои цели в рассматриваемом аспекте, но можно попытаться их сформулировать, исходя из выявленных выше интересов, а также их действий и высказываний в формальной и неформальной обстановке.

В таблице 3 предполагаемые цели всех акторов отсортированы, противоречивые цели элиминированы, оставшиеся разбиты по уровням: федеральный, региональный, локальный и уровень актора. Взаимосвязь целей показана на рисунке 2.

Цели акторов в рамках политики развития РДВ представлены в таблице 4.

Несмотря на разнообразие интересов акторов, их цели в рамках политики развития РДВ во многом совпадают. Однако для каждого игрока существуют нюансы, обусловленные его целями более высокого уровня.

Региональная законодательная власть заинтересована в экономическом росте региона и росте иных показателей, но её основная цель в рамках политики развития РДВ – создание максимально эффективных законов, способствующих реализации политики развития и учитывающих интересы ключевых акторов. Исполнительная власть имеет цель эти законы исполнить, по максимуму привлекая финансирование и иные ресурсы из внешних источников – федерального бюджета и инвесторов. Региональный бизнес – получить комфортные условия для функционирования, созданные за государственный

Таблица 3. Кодировка целей акторов

Уровень	Цель
1. Федеральный уровень	1.1. Национальная безопасность
	1.2. Территориальная целостность
	1.3. Интеграция в АТР
2. Региональный уровень	2.1 Рост экономики региона
	2.2 Повышение наукоёмкости экономики региона
	2.3 Повышение уровня жизни в регионе
	2.4 Закрепление населения РДВ
3. Локальный уровень	3.1 Комфортная среда для бизнеса
	3.2 Создание преференционных режимов
	3.3 Поддержка высокотехнологичных отраслей
	3.4 Комфортная среда проживания
	3.5 Социальный порядок
	3.6 Развитие человеческого капитала
	3.7 Привлечение инвестиций
4. Уровень актора	4.1 Выполнение внутренних задач актора/органа/организации

Источник: составлено автором.

счёт и за счёт крупных инвесторов. НКО используют региональную повестку для реализации целей своих организаций. Например, природоохранные организации муссируют проблемы экологической нагрузки на окружающую среду региона, а ассоциации предпринимателей действуют в интересах представляющих их бизнесменов. Органы МСУ, главным образом, заинтересованы в развитии муниципалитетов, и вся экономическая, политическая и социальная активность в регионе выгодна им именно с этой точки зрения.

Решающие акторы политики развития РДВ также стремятся к похожему по содержанию, но разноуровневым целям. Выступая инициатором "поворота на Восток" и развития РДВ, Президент РФ стремится закрепить периферийный, но стратегически значимый регион и не упустить выгод от интеграции в АТР. Эти же цели преследуют и федеральные ведомства. Экономические – цели развития и интеграции в АТР, а силовые – цели безопасности и территориальной целостности. У федерального бизнеса на первом месте собственная выгода (уровень субъекта), поэтому развитие РДВ под патронажем государства и господдержка крупных инвестпроектов (локальный уровень) отвечают его запросам.

Выводы. В работе приведено концептуальное осмысление акторов политики развития РДВ, их целей и интересов. Акторы политики развития РДВ ранжированы с помощью модели Митчелла. На основании обладания тремя качествами – властью, легитимностью и настойчивостью – выделена группа решающих акторов (Президент РФ, федеральные экономические и силовые ведомства, федеральный бизнес) и ожидающие акторы (региональная законодательная и исполнительная власти, региональный бизнес, органы МСУ, федеральные и региональные НКО).

Несмотря на конфликты интересов в диадах "федеральный бизнес-федеральные экономические ведомства", "региональный-федеральный бизнес", "бизнес-органы МСУ", "федеральная власть-органы МСУ", интересы большин-

Таблица 4. Цели акторов политики развития РДВ

№	Актор	Цель в рамках политики развития РДВ	Кодировка цели
1	Региональная законодательная власть	Создание региональных законов в рамках федерального законодательства, способствующих реализации политики развития РДВ, во взаимодействии со всеми акторами политики развития РДВ.	4.1
2	Региональная исполнительная власть	Политика развития РДВ должна способствовать стимулированию экономики региона, предотвращению оттока населения из региона и наполнению регионального бюджета с помощью финансовых и организационных возможностей Москвы.	2.1 2.4 3.7 4.1
3	Региональный бизнес	Политика развития РДВ должна создать комфортную для бизнеса среду: преференционные режимы (которые будут распространяться на существующие в регионе предприятия), снижение административного давления, дерегулирование и развитие человеческого капитала	3.1 3.2 3.6 4.1
4	Федеральные НКО	Реализация целей организаций с помощью региональной повестки.	4.1
5	Региональные НКО	Реализация целей организаций с помощью региональной повестки, создание комфортной среды проживания в регионе.	3.4 4.1
6	Органы МСУ	Политика развития РДВ должна способствовать стимулированию экономики муниципалитетов, наполнению бюджетов и строительству инфраструктуры с помощью финансовых и организационных возможностей Москвы и инвесторов.	3.1 3.4 3.5 4.1
7	Президент РФ*	Политика развития РДВ должна способствовать удержанию РДВ в поле тяготения федерального центра и экономическому закреплению региона в АТР.	1.1 1.2 1.3
8	Федеральный бизнес*	Политика развития РДВ должна создать комфортную для бизнеса среду: преференционные режимы, снижение административного давления, развитие человеческого капитала и всемерная государственная поддержка.	3.1 3.2 3.6 4.1
9	Федеральные экономические ведомства в регионе*	Выполнение поставленных задач развития РДВ.	1.3 2.1 2.2 2.3 2.4 3.1 3.2 3.3 3.6 3.7 4.1
10	Федеральные силовые ведомства в регионе	Выполнение поставленных задач обеспечения безопасности на РДВ.	1.1 1.2 4.1

* решающие акторы.

Источник: составлено автором.

ства акторов схожи: политическая стабильность в регионе, экономический рост и привлечение инвестиций, дерегулирование, создание конкурентной среды и преференционных режимов, строительство инфраструктуры, наращивание человеческого капитала, благоприятная социальная обстановка и повышение качества жизни в регионе, усиление безопасности и рост престижа региона.

Цели, разделяемые наибольшим количеством акторов (включая решающих акторов), – это рост экономики региона (2.1), закрепление населения РДВ (2.4), создание комфортной среды для бизнеса (3.1), создание предпочтительных режимов (3.2) и развитие человеческого капитала (3.6). Кроме того, в рамках политики развития РДВ акторы решают свои внутренние задачи (4.1). Учитывая фактор политической воли одного из решающих акторов – Президента, к важнейшим целям относятся также национальная безопасность (1.1), территориальная целостность государства (1.2) и интеграция России в АТР (1.3). Однако достижению целей высокого уровня должна способствовать реализация целей нижележащих уровней. Ориентация на цели и интересы решающих акторов приводит к приоритизации целей бюрократии и крупного бизнеса. При этом "выпадают" цели более низких уровней, "закрытие" которых должно повлиять на приоритетные цели.

Так, проблематично закрепить население на РДВ, игнорируя его цели, интересы и потребности. Развитие человеческого капитала в некомфортной среде проживания приведет к его утечке в более благополучные регионы. Типичная для РДВ стимуляция роста экономики за счёт господдержки крупного бизнеса на фоне пренебрежения малым и средним предпринимательством не является прорывным управленческим решением. В то время как в развитых странах доля предприятий МСП в ВВП составляет 50-60%, и они являются двигателем экономики, обеспечивают создание новых рабочих мест, конкуренцию, способствуют росту благосостояния населения, в России этот показатель всего 21,9%, а сами предприниматели сталкиваются с непреодолимыми институциональными барьерами. [3; 14, с. 186]

Выявленные интересы и цели позволяют разделить акторов на протагонистов и антагонистов целей политики развития, заявленных на федеральном уровне. К первым можно отнести Президента РФ, федеральные экономические ведомства, в меньшей степени федеральный бизнес, НКО, региональную власть, органы МСУ; ко вторым – федеральные силовые ведомства.

Таким образом, система управления развитием РДВ всё ещё несколько хаотична, а акцент политики развития, учитывая цели и интересы решающих акторов, помещен на текущий момент прежде всего в область создания комфортной среды для крупного бизнеса, что создаёт препятствия для достижения иных целей. Более того, цели государственных органов власти даже в рамках одного документа могут быть взаимоисключаемы. Результаты исследования позволяют предположить, что с наибольшей вероятностью могут быть реализованы локальные цели создания предпочтительных режимов и, в какой-то мере, комфортной среды для бизнеса, а также привлечения инвестиций, что несколько оживит экономику региона. Выполнение целей повышения наукоёмкости экономики и уровня жизни в регионе находится в зоне высокого риска, а закрепление населения на РДВ – дело не ближайшей перспективы. Что касается, собственно, "поворота на Восток" и интеграции в АТР, содействие реализации этой цели могут оказать такие акторы, как федеральный и региональный бизнес, в некоторой степени региональная власть, органы МСУ, а также НКО.

Необходимо отслеживать изменение статусов акторов и появление новых игроков. Например, государственные институты развития, на текущий момент являющиеся агентом экономических ведомств, имеют потенциал трансформации в актора. Более детальное изучение и проработка целей и интересов ключевых акторов политики развития РДВ позволили бы усовершенствовать создание и реализацию нормативных документов и повысить эффективность государственной политики на данном направлении.

Литература

1. Аксёнова О. В. Изменение роли политического субъекта: агент или актор? (на примере экополитической сферы) // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Отв. ред. А. Ю. Сунгуров. М., 2008. С. 181–193.
2. Государственная программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона": утв. постановлением Правительства РФ № 308

от 15.04.2014. URL: <https://minvr.ru/activity/gosprogrammy/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye-dalnego-vostoka/> (дата обращения: 14.05.2019).

3. Доля малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 14.05.2019).

4. Лёвушкина А. О. "Верните НДС!" – резиденты высказались о механизмах свободного порта Владивосток на сессии ВЭФ. URL: <https://www.newsvl.ru/eef17/2017/09/07/162673/#ixzz5mT22fFa7> (дата обращения: 14.05.2019).

5. Публичная декларация целей и задач Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: <https://minvr.ru/opened-ministry/publichnaya-deklaratsiya/> (дата обращения: 24.04.2019).

6. Путин назвал ключевые направления развития Дальнего Востока. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/106751> (дата обращения: 24.04.2019).

7. Роспотребнадзор заявил о снижении концентрации угольной пыли в Находке. URL: <https://ria.ru/20190124/1549811012.html> (дата обращения 24.04.2019).

8. Стивидоры Приморья выступили против законопроекта о приостановке перевалки за экологические нарушения. URL: <http://nhknews.ru/stivitory-primorya-vystupili-protiv-zakonoproekta-o-priostanovke-perevalki-za-ekologicheskie-narusheniya/> (дата обращения 25.04.2019).

9. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ № 2094-р от 28.12.2009. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/strategy/dv-25.php> (дата обращения: 25.04.2019).

10. Цели и задачи АО "КРДВ". URL: <https://erdc.ru/about/#goals> (дата обращения: 2.05.2019).

11. Цели и задачи Фонда развития Дальнего Востока. URL: https://www.fondvostok.ru/about/goals_and_objectives/ (дата обращения: 2.05.2019).

12. Цель деятельности Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. URL: <https://hcfе.ru/agency/about/> (дата обращения: 2.05.2019).

13. Пыганков П. А. О содержании термина "международный актор": вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Под ред. А. Ю. Мельвиля. М., 2007. Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. С. 30–42.

14. Чебогарёв В. С., Ионов В. А. Малое и среднее предпринимательство как важнейший фактор роста экономики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4(36). С. 184–192.

15. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston, 1984. 276 p.

16. Mitchell R. K., Agle B. R., Wood D. J. Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts // Academy of Management Review. 1997. Vol. 22. N 4. PP. 853–886.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Aksyonova O. V. *Izmenenie roli politicheskogo sub"ekta: agent ili aktor? (na primere ehkopoliticheskoy sfery) // Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshhestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodejstviya / Otv. red. A. Yu. Sungurov. M., 2008. S. 181–193.*

2. Gosudarstvennaya programma RF "Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitiye Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona": utv. postanovleniem Pravitel'stva RF № 308 от 15.04.2014. URL: <https://minvr.ru/activity/gosprogrammy/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye-dalnego-vostoka/> (дата obrashheniya: 14.05.2019).

3. Dolya malogo i srednego predprinimatel'stva v valovom vnutrennem produkte. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата obrashheniya: 14.05.2019).

4. Lyovushkina A. O. "Vernite NDS!" – rezidenty vyskazalis' o mekhaniz-makh svobodnogo porta Vladivostok na sessii VEHF. URL: <https://www.newsvl.ru/eef17/2017/09/07/162673/#ixzz5mT22fFa7> (дата obrashheniya: 14.05.2019).

5. Publichnaya deklaratsiya tselej i zadach Ministerstva Rossijskoj Federatsii po razvitiyu Dal'nego Vostoka. URL: <https://minvr.ru/opened-ministry/publichnaya-deklaratsiya/> (дата obrashheniya: 24.04.2019).

6. Putin nazval klyuchevye napravleniya razvitiya Dal'nego Vostoka. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/106751> (дата obrashheniya: 24.04.2019).

7. Rospotrebnadzor zayavil o snizhenii kontsentratsii ugol'noj pyli v Nakhodke. URL: <https://ria.ru/20190124/1549811012.html> (дата obrashheniya 24.04.2019).

8. Stivitory Primorya vystupili protiv zakonoproekta o priostanovke perevalki za ehkologicheskie narusheniya. URL: <http://nhknews.ru/stivitory-primorya-vystupili-protiv-zakonoproekta-o-priostanovke-perevalki-za-ekologicheskie-narusheniya/> (дата obrashheniya 25.04.2019).

9. Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'sko-go regiona na period do 2025 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF № 2094-r ot 28.12.2009. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/strategy/dv-25.php> (data obrashheniya: 25.04.2019).

10. TSeli i zadachi AO "KRVD". URL: <https://erdc.ru/about/#goals> (data obrashheniya: 2.05.2019).

11. TSeli i zadachi Fonda razvitiya Dal'nego Vostoka. URL: https://www.fondvostok.ru/about/goals_and_objectives/ (data obrashheniya: 2.05.2019).

12. TSel' deyatel'nosti Agentstva po razvitiyu chelovecheskogo kapitala na Dal'nem Vostoke. URL: <https://hcfе.ru/agency/about/> (data obrashheniya: 2.05.2019).

13. TSyngankov P. A. O soderzhanii termina "mezhdunarodnyj aktor": vklad sotsiologii // Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: materialy 4 Konventa RAMI. V 10 t. / Pod red. A. Yu. Mel'vilya. M., 2007. T. 1: Aktory v prostranstve i vremeni mirovoj politiki / pod red. M. M. Lebedevoy. S. 30–42.

14. Shebotaryov V. S., Ionov V. A. Maloe i srednee predprinimatel'stvo kak vazhnejshij faktor rosta ehkonomiki // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 4(36). S. 184–192.

15. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston, 1984. 276 r.

16. Mitchell R. K., Agle B. R., Wood D. J. Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts // Academy of Management Review. 1997. Vol. 22. N 4. PR. 853–886.

Лёвущкина А. О. Российские акторы политики развития российского Дальнего Востока: цели и интересы.

Региональная политика федерального центра имеет сложную траекторию формирования, которая определяется результатом торга между ключевыми акторами. Статья предлагает вариант методики изучения акторов политики развития Российского Дальнего Востока с помощью менеджеристской модели Митчелла. Цели акторов систематизированы, определены фактические и предполагаемые каузальные связи между ними. Описаны конфликты интересов и возможные способы их преодоления. Автор указывает на расхождения в целях решающих акторов и настаивает на более детальном наблюдении деятельности акторов, изучении и проработке целей и интересов ключевых игроков для усовершенствования нормативной документации и повышения эффективности реализации государственной политики на данном направлении.

Ключевые слова: *Дальний Восток, акторы, региональная политика, цели, интересы*

Lyovushkina A. O. Russian actors of the Russian Far East development policy: goals and interests.

Regional policy of the Russian Federation is developed in a complex way as a result of bargaining between the key actors. The article suggests the actors of the Russian Far East development policy research method within the Mitchell's model. Actors' goals are arranged into a system and shown as the actual and anticipated nexus junctions. The article reviews the interest conflicts and looks for the possible ways to solve them. The author claims the controversies of the definitive actors' goals and argues monitoring and more detailed key players' goals and interests research and design in order to improve the official documents standards and to boost the effects of the regional governmental policy.

Key words: *Far East, actors, regional policy, goals, interests*

Для цитирования: Лёвущкина А. О. Российские акторы политики развития российского Дальнего Востока: цели и интересы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 135–146. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/135-146

For citation: Lyovushkina A. O. Russian actors of the Russian Far East development policy: goals and interests // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 135–146. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/135-146

Проблемы адаптации и интеграции латиноамериканских иммигрантов в США во второй половине XX – начале XXI вв.

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что в истории США этнический фактор определяет становление и развитие американского государства, которое происходило под влиянием иммигрантов-переселенцев из различных государств. "США имеют огромный опыт приема мигрантов, на котором базируется вся государственная система. Соединенные Штаты по-прежнему остаются единственной высокоразвитой страной мира, в которой население продолжает расти высокими темпами в среднем на 2 млн человек в год за счет естественного прироста и на 1 млн вследствие иммиграции" [4, с. 8].

Крупной языковой общностью¹, оказывающей заметное влияние на ход истории США, стали *latinos* – испано- и португалоязычные народы, которые населяли и населяют территорию современной Латинской Америки. С течением времени на территории США стали формироваться влиятельные латиноамериканские диаспоры, что было спровоцировано захватом американцами мексиканских и испанских земель вместе с населением, проживавшим на них. Этот фактор, а также общая граница земель США с землями Мексики, определили доминирование мексиканской диаспоры среди всего испаноязычного населения. Начиная с 60-х годов XX в., прослеживается тенденция стремления к доминированию *latinos*, или испаноязычного компонента, в социально-экономической жизни США, что связано как с количественными, так и качественными изменениями данной общности в структуре американского общества. *Латинос* оказывают значительное воздействие на политическую ситуацию в виде влияния на политическую базу Демократической и Республиканской партий, иных политических институтов и формирование внешнеполитического курса страны.

Сегодня США переживают четвертую иммиграционную волну, что остро ставит вопрос об успешной интеграции мигрантов в социально-экономическое и политическое пространство США. Тема испаноязычных диаспор в США существует "на стыке" интересов различных научных дисциплин, тесно связана с целым комплексом проблем. Междисциплинарный характер в значительной мере обусловил специфику научных публикаций. В исследованиях в рамках данной тематики испаноязычное меньшинство США редко рассматривается комплексно как особая часть мультикультурной североамериканской цивилизации, в то время как акцент делается на отдельные элементы (культурные, политические, экономические, социальные, правовые). В этой связи, исследование проблемы адаптации и интеграции как комплексного явления находится в процессе развития и является актуальным.

¹ В отличие от американского, культуроцентрического, дискурса, в отечественной научной традиции к таксонам такого уровня применяется понятие "метаэтническая общность", под которой понимается совокупность культурно и лингвистически близких этносов. Метаэтнические общности занимают высшее положение в этнической таксономии (см., например [17]), включающей в себя также этнические общности (в т.ч. нации), субэтноты и этнические группы (разновидностью которых выступают диаспоры).

Цель исследования – изучение проблем адаптации и интеграции латиноамериканцев в США во второй половине XX – начале XXI вв.

Теоретической основой работы является теория аккультурации, характерной чертой которой является преимущественное внимание к культурным аспектам этнических и миграционных процессов. Изначально мы исходили из того факта, что современное американское общество является культурно плюралистическим обществом с большим количеством иммигрантов и этнических групп, которые существуют в повседневном взаимодействии с доминирующей группой (национальным большинством) и между собой. Существуют две базовые модели сосуществования различных групп в таком плюралистическом обществе, а именно модель "плавильного котла" (существует основное общество, которое состоит из людей с общим менталитетом и языком, а все остальные кто не вписываются в него, живут на задворках данного общества), и мультикультурная модель (есть общественное пространство с общими законами и институтами, в котором существуют люди разных менталитетов и языков и все эти культурные сообщества равны). Основываясь на работах канадского кросс-культурного психолога Джона Берри, мы исходим из того, что процесс интеграции в новую культуру связан с двумя главными проблемами для латиноамериканского иммигранта: отношение к своей культуре (сохранение в той или иной степени культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах. В зависимости от их соотношения Дж. Берри [1; 18; 19; 20] выделил четыре стратегии аккультурации²: ассимиляцию³, сегрегацию⁴, маргинализацию⁵, интеграцию⁶. Эти стратегии отвечают на вопрос: как происходит процесс аккультурации?

Первоначально, успешной стратегией аккультурации было принято считать ассимиляцию с культурой доминантной группы. Как правило, доминирующая группа так или иначе ограничивает выбор стратегий и чаще выстраивает рамки, приводящие либо к ассимиляции (идея "плавильного котла" культур), либо к сегрегации, или, в случае дискриминационных действий, к сегрегации ("давящий пресс"). Наименее редко встречаемый вариант – маргинализация, возникающий в результате попыток сочетать насильственную ассимиляцию с насильственной сегрегацией. Однако в настоящее время в США целевым ориентиром аккультурации принято считать интеграцию, т. е. стратегию взаимного приспособления (стратегия мультикультурализма), что приводит к становлению бiculturalной или мультикультурной личности. Это возможно только в случае взаимного принятия ценностей и установок друг друга доминантной и интегрирующейся группой (культурой). При анализе стратегий аккультурации, зарубежные исследователи выделяют несколько соотношений аккультурации с (культурной) идентичностью. Стратегия интеграции соотносится с позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, ассимиляция – с негативной этнической идентичностью и этнической толерантностью, сегрегация – с позитивной этнической идентичностью и этнической интолерантностью, а маргинализация – с негативной этнической идентичностью и этнической интолерантностью.

² Аккультурационная стратегия – это способ реагирования на инокультурное окружение.

³ Ассимиляция – отказ от своих культурной идентичности и традиций и переход в более крупное сообщество. Это может происходить путем абсорбции недоминирующей группы в устоявшуюся доминирующую группу, или путем соединения многих групп с целью создания нового общества, что называется "вариться в одном котле".

⁴ Сегрегация – полное отрицание другой культуры при сохранении идентификации со своей. В данном варианте, как правило, наблюдается некоторая степень изоляции от доминантной культуры. В случае навязывания стратегии изоляции доминантной группой речь идет о сегрегации.

⁵ Маргинализация – потеря собственной культурной идентичности в сочетании с отсутствием идентификации с культурой доминантной группы. Возникает, как правило, при невозможности сохранения своей идентичности, а также при отсутствии интереса к получению новой (по причине сегрегации, дискриминации со стороны доминантной культуры).

⁶ Интеграция – сохранение некоторой культурной целостности своей группы (то есть реакция на перемены или некоторое сопротивление переменам) и в то же время стремление стать неотъемлемой частью большего сообщества (то есть некоторое приспособление).

По мнению Дж. Берри, целью и результатом аккультурации является долговременная адаптация к жизни в иной культуре (и даже социализация). Этот процесс можно охарактеризовать стабильными изменениями в индивидуальном или групповом сознании в ответ на требования внешней среды. Сам процесс адаптации рассматривается в психологическом и социокультурном аспектах. Психологическая адаптация – достижение психологической удовлетворенности в рамках новой культуры, что связано с психологическим благополучием. Социокультурная адаптация – возможность свободно ориентироваться в новой культуре и обществе, включенность в социальные процессы и институты. В настоящее время включается еще одна важная целевая составляющая адаптации – экономическая адаптация, как показатель вовлеченности в трудовую и экономическую сферы и удовлетворенности работой, профессиональными достижениями, уровнем благосостояния.

Приведенные выше стратегии аккультурации можно рассматривать с позиции адаптации⁷. С этой точки зрения, стратегии ассимиляции и интеграции трактуются Берри и его последователями как ведущие к успешной адаптации. Напротив, стратегии маргинализации и сепарации – как приводящие к дезадаптации.

Таким образом, исходя из обзора рассматриваемой проблематики, можно говорить, что выбор той или иной стратегии аккультурации, как правило, осуществляется под воздействием доминирующей (принимающей) культурной группы. В данном контексте мультикультурализм отражает ожидание доминирующей этнической группы выбора иммигрантами стратегии интеграции в новое культурное пространство, а концепция "плавильного котла" – требование полной ассимиляции иммигрантов.

Истоки латиноамериканского меньшинства в США связаны с итогами войны 1846–1848 гг. и присоединением части территорий Мексики к США. В результате этого несколько десятков тысяч мексиканцев, оставшихся на присоединенных территориях и получивших американское гражданство, основали особую автохтонную по происхождению этническую и социальную общность – "чиканос". Кроме этого, значительную по численности группу латиноамериканцев составляют кубинцы. Данная группа сформировалась еще в XIX веке как за счет кубинских плантаторов, так и трудовых мигрантов и борцов за независимость.

Латиноамериканское население США условно можно разделить на две неравнозначные по численности части. 10% от его общей численности составляют "чиканос" как коренная группа в составе американской нации, остальные 90% – недавние иммигранты, а также потомки иммигрантов во втором, третьем и четвертом поколениях. В статье основное внимание будет уделено именно пришлой, иммигрантской части латиноамериканцев, в том числе национальным диаспорам.

Кардинальное увеличение притока иммигрантов латиноамериканского происхождения в США произошло в XX веке и было связано с бурным экономическим ростом Соединенных Штатов, снижением притока иммигрантов из стран Европы, а также скачкообразным ростом отягощенного бедностью населения в странах Латинской Америки. Именно эти факторы определили как высокий спрос на рабочую силу в США, так и предложение дешевой рабочей силы со стороны мигрирующего населения стран Латинской Америки.

На сегодняшний день латиноамериканская община является крупнейшим языковым меньшинством в США. С 1980 г. она регистрируется в переписи населения США и официально именуется испаноговорящей (Spanish Speaking). В испанском языке общепринятый термин, обозначающий латиноамериканскую общность, отсутствует, наиболее часто употребляемым обозначением является термин *latinos*.

К концу 2017 г. численность латиноамериканцев составила 17,6% населения страны, что делало их второй по величине культурно-языковой общностью [27]. Скорость ее прироста на сегодняшний день составляет 2,0% [27]. По прогнозам "Центра исследований Пью" ("Pew Research Center"), к 2065 г. численность латиноамериканского населения вырастет до 107 млн чел.

⁷ Адаптация – долговременный результат процесса аккультурации, мера приспособленности к культурной среде.

В структуре латиноамериканской общности в США выделяются 64% выходцев из Мексики, 9% иммигрантов из Пуэрто-Рико (свободного ассоциированного государства Пуэрто-Рико или Содружества Пуэрто-Рико), зависимой от США территории со статусом "неинкорпорированной организованной территории", 3% представлены выходцами из Кубы [27].

Необходимо отметить, что основную часть иммигрантского населения составляют представители либо приграничных территорий (Мексика), либо территорий, обладающих статусом "неинкорпорированной организованной территории" (Пуэрто-Рико), что, по сути, делает их внутренними мигрантами. В некотором смысле, особый статус имеют американцы кубинского происхождения, представляющие третью по численности группу латиноамериканского населения США и пользующиеся благоприятным отношением властей США. Значительную долю кубинцев в США составляют беженцы, покинувшие Кубу после революции 1959 г. и поддерживающие антикастровские настроения. Остальные 24% иммигрантов неравномерно распределены между странами Южной и Центральной Америки. Стоит отметить, что эта категория в большей степени связана с преступностью и нелегальной иммиграцией.

По данным аналитиков в ближайшие десятилетия в этническом составе населения США ожидаются серьезные качественные изменения, в первую очередь затрагивающие доминирующую на сегодняшний день общность белых американцев. До 2050 г. ожидается снижение числа белых американцев с 89 % до 50 % по причине массовой "иноэтничной" миграции и высокого уровня рождаемости в испаноязычных семьях [13]. В этой связи ожидается нарушение сложившегося цивилизационного баланса в пользу доминирования латиноамериканской общности.

Крупнейшим центром сосредоточения латиноамериканцев в США является Калифорния. Здесь проживает 15,2 млн латиноамериканцев [26]. Начиная с 2000 г., в Калифорнии отмечается 39% прироста латиносов [26]. Техас занимает второе место по численности латиноамериканского населения (10,7 млн. чел.), но при этом отмечается больший темп прироста этой категории населения по отношению к Калифорнии (60,4%) [26]. При общей численности латиноамериканцев в 1 млн человек в штате Джорджия, здесь наблюдается абсолютный рекорд по их приросту – 118,8% [26]. На втором месте по приросту традиционно находится Флорида (85,6%) (рисунк 1).

При анализе территориального распределения групп (в зависимости от страны происхождения) латиноамериканских иммигрантов необходимо отметить следующее. Наибольшая концентрация латиноамериканцев мексиканского происхождения отмечается в Техасе, а также в Лос-Анджелесе, достигая значения соответственно 80 и 49% от общей численности населения данных территорий [21]. Кроме того, достаточно многочисленные диаспоральные группы латиноамериканцев мексиканского происхождения сконцентрированы в штатах Колорадо и Нью-Мексико.

70 % латиноамериканцев кубинского происхождения, являющихся третьей по численности латиноамериканской группой в США, сконцентрировано в южной части штата Флорида, что связано с географической близостью к Кубе [21]. В ряде городов этого штата численность латиноамериканцев кубинского происхождения достигает значения 60%. Также крупнейшим центром проживания кубинцев является Майами, где кубинцы составляют 34 % от численности населения. Необходимо отметить, что именно в Майами общая численность представителей латиноамериканского населения составляет 70% [27]. Данная ситуация создает предпосылку для формирования собственного экономического предпринимательства, для широкого использования испанского языка и, как следствие, формирования компактной этнолингвистической общины. Однако "замкнутость" кубино-американской диаспоры существенно замедляет процесс аккультурации, который остается самым низким по сравнению с другими испаноязычными общинами.

Кубинцы, иммигрировавшие в США, характеризуются большей, чем другие общины, привязанностью к своей эмигрантской среде и представляют собой устойчивый феномен "гражданства на расстоянии". Кубинская община на сегодняшний день обладает наибольшим экономическим и политическим влиянием среди испаноязычных общин. Уровень образования и экономический статус кубино-американцев по сравнению с другими иммигрантами в

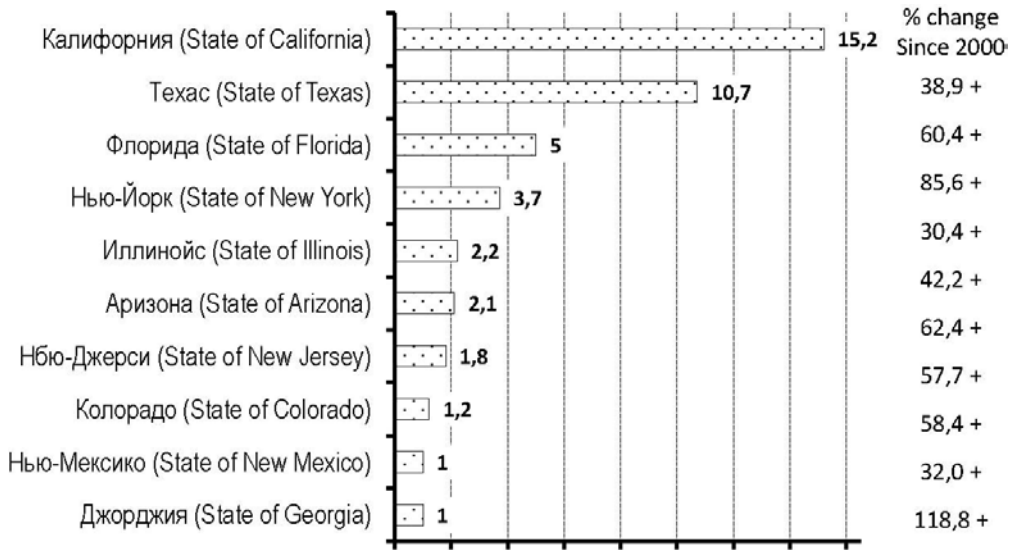

Рис. 1. Распределение латиноамериканского населения по штатам США (в млн. чел.)

Америке достаточно высок. 43 % кубинцев во втором поколения имеют высшее университетское образование [21]. Средний уровень их зарплаты приближается к показателям среди белых американцев: 36 193–40 645 долларов в год [21].

Обратимся к динамике роста численности латиноамериканских мигрантов в США. Значительный прирост латиноамериканского населения в США наблюдается с 1970-х гг. Известно, что в указанное время лишь около 300 тысяч мексиканцев и 40 тысяч латиноамериканцев получили легальное разрешение на проживание в Соединенных Штатах [32]. На протяжении данного временного отрезка количество мексиканских и латиноамериканских мигрантов в Америке стремительно увеличивалось вплоть до начала XXI в. [26].

Иммигранты мексиканского происхождения всегда являлись самой крупной группой латиноамериканского населения США. К концу 2015 г. латиноамериканское население США, представляющее Мексику, составило 63,3% (36 млн чел.) [27]. К концу 2016 г. латиноамериканское население в США достигло значения 57,5 млн человек, и, начиная с 2000 г., оно является основным фактором демографического роста страны (1970 – 9,6 млн; 1980 – 14,5 млн; 1990 – 22,6 млн; 2000 – 35,5 млн; 2010 – 50,8 млн; 2016 – 57,5 млн) [26].

Тем не менее, начиная с 2000 г., наблюдается тенденция увеличения доли мигрантов из других латиноамериканских стран (Пуэрто-Рико, Колумбия, Сальвадор, Венесуэла, Республика Куба, Доминиканская Республика). Так, с 2007 по 2015 гг., число иммигрантов выросло на 25%, при отмечающейся тенденции уменьшения притока иммигрантов из Мексики (рисунки 2) [30].

Что касается нелегальной иммиграции, можно привести следующие данные: с 2005 по 2015 гг. число нелегальных мигрантов из Мексики выросло на 44%, Сальвадора – на 47 %, из Гватемалы – на 81%, Гондураса – на 108 % [16, с. 112–114; 7, с. 127–135].

Если в период с 1980 по 2000 г. именно иммиграция являлась основным источником роста латиноамериканского населения США, то, начиная с 2000 г. и по настоящее время, аналитиками отмечается тенденция к увеличению латиноамериканского населения не за счет притока иммигрантов в страну, а за счет увеличения рождаемости на территории США (рисунки 3) [21]. Данный факт обусловлен высоким уровнем естественного прироста этой группы населения США. Так, коэффициент суммарной рождаемости испаноя-

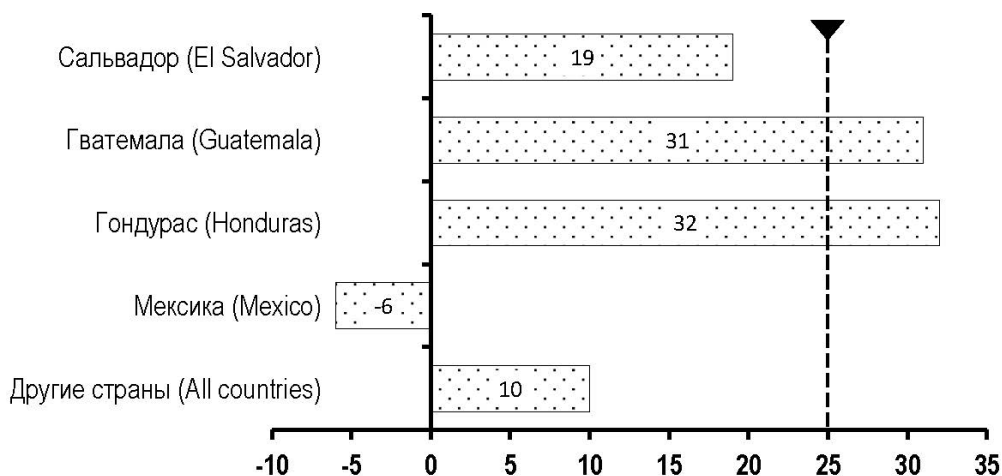

Рис. 2. Соотношения числа иммигрантов в США из различных стран (в %)

зычного (латиноамериканского) населения в США, по данным Бюро переписи населения США 2010 г., составил 2,818, тогда как тот же показатель для населения белой расы – 2,098.

В этой связи, по мнению ряда источников, основной демографический рост населения США в ближайшее время может осуществляться за счет именно испаноязычного населения [21].

В качестве одной из базовых характеристик включенности латиноамериканской метаэтнической общности в американское общество, является частота бракосочетаний, выбор брачного партнера по этническому принципу, а также частота смешанных браков. Частота бракосочетаний между латиноамериканцами остается относительно высокой начиная с 1980 г. Так, в 2015 г. только 25,1% женщин латиноамериканского происхождения вышли замуж не за латиноамериканцев [24]. При этом доля состоящих в браке латиноамериканок, родившихся в США и имеющих мужа не латиноамериканского происхождения, составила 39%. Данная тенденция смешанных браков привела и приводит к смешанным семьям в двух поколениях. Согласно опросу, 18% латиноамериканцев США констатируют наличие хотя бы одного нелатиноамериканского родителя или прародителя (бабушка, дедушка) в своей семье. Данная тенденция наблюдается в 29% относительно второго поколения иммигрантов и доходит до 65% в третьем поколении [24].

Нельзя также не остановиться на вопросах социально-экономической сферы. В последние годы практически вдвое увеличилась доля латиноамериканцев, проживающих в США, которые констатируют ухудшение своего социально-экономического статуса. Данная ситуация актуальна как для латиноамериканцев, не имеющих гражданства США либо *green card*, так и для граждан США в первом поколении, а также латиноамериканцев во втором поколении, родившихся в США [24].

Особенно остро эта проблема стоит перед латиноамериканцами, не имеющими гражданства США – 42% респондентов этой группы отмечают ухудшение положения по сравнению с 24% в 2014 г. [24]. Аналогичную оценку своего социально-экономического статуса демонстрируют латиноамериканцы, имеющие гражданство США – 38% и 21% соответственно, а также родившиеся в США (второе поколение) (29% и 17% соответственно) [24].

Таким образом, проанализировав основные характеристики латиноамериканской общности в США, можно говорить об ее устойчивом и стабильном развитии на протяжении рассматриваемого периода.

В общей массе испаноязычного населения США выделяются две диаметрально расположенные группы: мексиканская – самая многочисленная, с низким уровнем экономического, социального статуса, без сформированно-

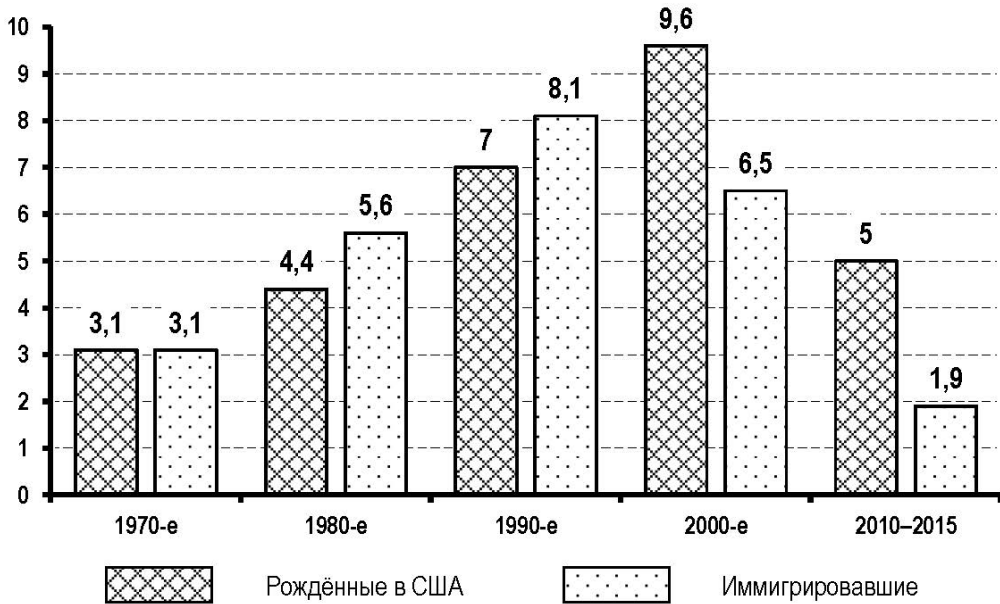

Рис. 3. Соотношение численности рожденного в США и иммигрировавшего населения латиноамериканского происхождения в США (в млн чел.)

го единого этнического самосознания и с тенденцией к снижению этнической и культурной идентичности; кубинская – обладающая мощным экономическим и политическим влиянием, имеющая довольно высокий социально-экономический статус. Именно кубинская диаспора в Майами создала модель процветающего анклавного существования.

Постоянное изменение состава латиноамериканского населения США – приток легальных и нелегальных иммигрантов из Мексики, стран Центральной и Южной Америки приводит к тому, что социально-экономический статус всей общности латиноамериканцев является относительно невысоким.

По данным исследовательского "Центра исследований Пью", 39 % латиноамериканцев, родившихся в США, считают, что вопрос иммиграции должен быть приоритетным при формировании национальной политики, аналогичную позицию занимают и 52% латиноамериканцев, родившихся за рубежом [31]. Из них 48% латиноамериканцев, родившихся за рубежом и являющихся гражданами США, 47% законно проживающих на постоянной основе жителей и 61% из тех, кто не является гражданами США или законными постоянными жителями, также считают, что иммиграция должна быть главным приоритетом политики США [31].

Если рассматривать оценки данной проблемы с точки зрения политической ориентации латиноамериканского населения США, то наблюдается следующее распределение: среди латиноамериканских республиканцев 53% считают, что иммиграция должна быть главным приоритетом, по сравнению с 45% латиноамериканских демократов и 46% независимых латиноамериканцев [22].

Одним из базовых вопросов для иммигрантов является желание и возможность получения гражданства, что является свидетельством желания перестать быть диаспорой и стать частью американской нации. Так 98% законных иммигрантов из Мексики и 94% из других стран Латинской Америки хотят стать гражданами США и пройти процедуру натурализации [22]. Аналогичные данные характерны для группы нелегальных мигрантов, проживающих на территории США. 91% респондентов этой группы говорит о желании натурализации, а 32% об изучении процесса подачи заявки на получение гражданства [22].

Изучают и рассматривают процесс подачи заявки на получение гражданства 67% иммигрантов из Мексики и 80% – из других стран Латинской Америки [23].

Из въехавших и проживающих в США на законных основаниях 70% мексиканцев и 66% из других стран Латинской Америки хотят остаться в США (не возвращаться на родину) и получить гражданство [23].

При этом уровень натурализации иммигрантов из стран Латинской Америки демонстрирует несколько иные показатели. Так, уровень натурализации для представителей латиноамериканцев мексиканского происхождения составляет 42%, а для представителей других стран Латинской Америки – 64% соответственно [23]. При анализе причин такого уровня ненатурализации 43% опрошенных ссылаются на личные причины, а 57% на административные барьеры [23].

При этом среди личных причин называются такие, как отсутствие достаточного уровня владения английским языком – 65%, а также содержательная сложность теста на гражданство – 23% [23]. В причинах, относящихся к административным барьерам, фигурирует только одна – высокая стоимость заявки на гражданство (680 долларов США). Об этой причине заявляют 94% респондентов рассматриваемой группы [22].

Проведение реформ, ограничивающих иммиграцию, заметно усложнило режим пребывания мигрантов в США, в том числе и латиноамериканцев. Именно это является причиной того, что нелегальные латиноамериканские мигранты не спешат легализовать свой статус, выказывая опасения по поводу их принудительной депортации с территории США.

Усиление иммиграционного контроля в США будет способствовать временному сокращению иммиграции латиноамериканцев в Соединенные Штаты. Однако даже незначительное сокращение легальной части миграционных потоков не приведет к их спаду. Наоборот, они будут расти за счет нелегальной миграции из Латинской Америки.

Массовая миграция мексиканцев на юго-запад США в будущем может привести к опасности превращения мексиканцев в подавляющее большинство на этой территории и к территориальным требованиям со стороны Мексики. Таким образом, в дальнейшем интеграция проживающих в Соединенных Штатах выходцев из Мексики в принимающее общество будет только усложняться. Поэтому интеграция латиноамериканцев в американское общество является важнейшей целью американской миграционной политики и натурализации [10].

Стоит отметить одну из неоднозначных тенденций, сложившихся на сегодняшний день из-за неустойчивости миграционного законодательства и иммиграционной системы, – тенденцию активного противостояния жесткой миграционной политике США со стороны латиноамериканцев в связи с усилением информационного противоборства между "двумя Америками". Наиболее ярко она стала проявляться при администрации Дж. Буша-младшего и продолжается в настоящее время.

В качестве основных информационных операций со стороны латиноамериканского сообщества могут быть рассмотрены мультикультурные технологии, связанные с сохранением своих культурных ценностей и распространением их среди всего населения США. В частности, одним из показателей является распространение влияния испанского языка через средства массовой информации, сеть Интернет. Также можно рассмотреть медийный контент, в том числе латиноамериканские сериалы, снятые на территории США, основной идеей которых выступает борьба латиноамериканцев за свои права в чужой стране, их дискриминация.

В качестве дополнительных средств информационной борьбы латиноамериканцев США можно назвать создание испаноязычных СМИ и веб-сайтов, а также деятельность лоббистских организаций, продвигающих интересы латиноамериканцев в правительстве, бизнесе и социальной среде.

Огромную роль играет также сотрудничество с правительствами латиноамериканских стран, а также создание своих СМИ, таких как *El Diario La Prensa*, *El Mensajero*, *Vida en el Valle*, *La Vibra*, *La Opinion* [13].

В качестве основного примера здесь можно выделить положительную роль информационного агентства "Пренса Латина", которое ежедневно ин-

формирует латиноамериканцев и мировое сообщество не только о делах в Латинской Америке, но и о положении дел латиноамериканцев в США.

Примером лоббистской организации может послужить Национальный совет "Ла Раза". Совет начал зарождаться еще в 60-х гг. XX в. В 1973 г. деятельность совета "Ла Раза" вышла за рамки юго-западных штатов, и организация стала национальной. Начиная с 2000-х гг., "Ла Раза" работает по нескольким направлениям: пропаганда и расширение прав латиноамериканской диаспоры, проблемы детей и молодежи, гражданские права и юстиции, экономика трудовых ресурсов, образование, здравоохранение, иммиграция, построение благосостояния и различные исследования [13].

В целом, можно говорить, что в США, в отличие от таких стран классической иммиграции, как Канада и Австралия, до сих пор отсутствует федеральная политика интеграции мигрантов. Соответственно, в структуре институтов государственной власти отсутствуют органы, отвечающие за вопросы комплексной интеграции мигрантов. Большинство интеграционных программ реализуются на уровне гражданского общества, в том числе некоммерческих и религиозных организаций, местных общин, школьных преподавателей, работодателей.

В основу современного иммиграционного законодательства США заложена поддерживаемая Республиканской партией концепция "иммиграции как контракта" – "играй по нашим правилам или уезжай" [29, p.10]. Доминирование данной модели в современной миграционной политике США препятствует легализации и интеграции иммигрантов. Одновременно данная модель способствует росту нелегальной миграции и маргинализации потока иммигрантов из стран Латинской Америки, а также усиливает мигрантофобию со стороны населения США. В настоящее время наметился переход от модели "иммиграции как контракта" к модели "иммиграция как присоединение" с акцентом на постепенное включение иммигрантов в общество – "по мере их трудоустройства, рождения детей, получения гражданства новой страны, укрепления социальных связей" [12, с. 227-228]. Переход к данной модели приходится на период президентства Б. Обамы.

На уровне "человеческого фактора", отдельного человека и семьи в плюралистических обществах возникает острейшая проблема социально-экономической адаптации, т.е. сохранения или повышения социального статуса, удовлетворения материальных и духовных потребностей в складывающихся новых условиях. Не менее болезненно протекает психологическая адаптация в связи с разрушением привычного порядка вещей, неуверенностью в завтрашнем дне. В связи с этим появляются новые побудительные мотивы к поиску решения своих проблем не только внутри, но и вне национальных границ [6, с. 142].

Одним из главных вопросов, связанных с интеграцией в новое национальное пространство, является сохранение собственной культурной идентичности. В этой связи интересным является представление о себе как личности, связь с родителями и семьей вообще у иммигрантов латиноамериканского происхождения. Идентифицируют себя по стране происхождения ("я – кубинец", "я – мексиканец" и т.д.), употребляя описание той страны, из которой они приехали, 50% латиноамериканцев рассматриваемой группы. 23 % считают себя латиноамериканцами, т.е. идентифицируют себя со своей культурно-языковой общностью (латиноамериканской цивилизацией) (Я – латиноамериканец) [24]. Такое же количество латиноамериканцев демонстрируют идентификацию с американской нацией (Я – американец) – 23% [24]. Если рассмотреть данное соотношение внутри группы, то мы увидим несколько иную картину, исходя из приуроченности к разным поколениям иммигрантов. Из иммигрировавших лично идентификация себя по стране происхождения и, соответственно, описание себя как личности и связей со своей семьей фиксируется у 65 % респондентов [24]. У латиноамериканцев второго поколения данный показатель уже составляет 36 %, а у представителей третьего поколения – 26 % (это наиболее устойчивое ядро латиноамериканских диаспор) (рисунок 4) [24].

Между тем, доля латиноамериканцев, которые идентифицируют себя с американцами и используют именно этот образ для описания себя и своих семейных связей, возрастает от 7 % среди собственно иммигрантов до 56 % ре-

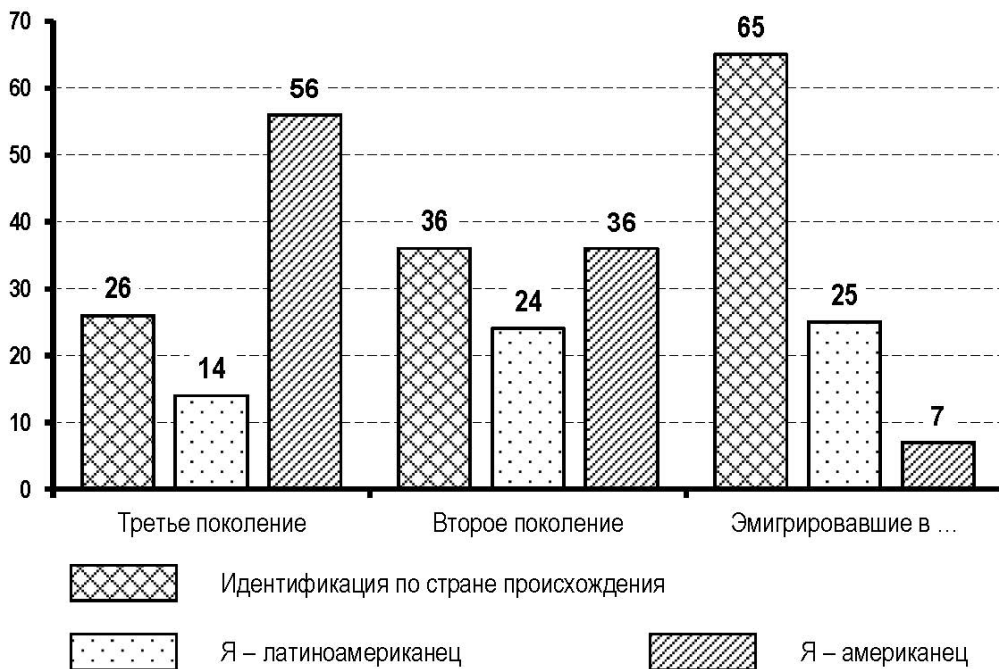

Рис. 4. Понятия, используемые иммигрантами латиноамериканского происхождения в США для описания своей идентичности, в зависимости от поколения (в %)

спондентов в третьем поколении, что свидетельствует о более сильных связях данной категории с национальной идентичностью США [24]. Еще одна мера идентичности выражается в том, насколько латиноамериканцы ощущают общую идентичность со своей культурно-языковой общностью (я – латиноамериканец). Как видно из *рисунка 4*, здесь также прослеживается тенденция утраты связей. Если собственно иммигрировавшие в 25 % случаях используют этот образ для описания себя, то в третьем поколении данный образ используют только 14 % опрошенных [24]. При этом необходимо заметить, что разрыв между поколениями в данном случае не кардинальный.

В целом, можно отметить тенденцию утраты связи идентичности со своей материнской нацией при переходе от одного поколения к другому. Так, если группу второго поколения составляют латиноамериканцы, рожденные в США, но которые имеют хотя бы одного родителя-иммигранта, то уровень их идентификации со своей материнской нацией гораздо выше, чем в группе третьего поколения – родившихся в США, чьи родители также были рождены на территории США, и имеющих в некоторых случаях только бабушку (дедушку) иммигранта.

Еще одним фактором, характеризующим социокультурные особенности латиноамериканских диаспор и затрудняющим интеграцию латиноамериканских иммигрантов, является то, что их родные страны находятся в относительной территориальной близости от США, а современный нам уровень развития коммуникационных технологий дает современным мигрантам более широкие возможности контактировать с родными странами, чем это было в прошлые века. Это фактор, способствующий устойчивости диаспор, их сопротивляемости интеграционным и ассимиляционным процессам, дает стимул мигрантам сохранять свою самобытность, не забывая о прошлой жизни.

Внутри США они также имеют сегодня больше возможностей для сохранения своей культуры и языка – развитие системы масс-медиа, функционирование многочисленных испаноязычных теле- и радиоканалов и т. п. позволяет постоянно оставаться в сфере воздействия родного языка. Согласно данным Бюро переписей, сегодня 78% *latinos* в США говорят по-испански, даже если они в достаточной степени владеют английским. Выясняется, что

молодежь даже в большей степени, чем их родители, стремится сохранить родной язык. Исследование университета штата Калифорния, проведенное среди детей иммигрантов (до 18 лет), показало, что хотя 90% респондентов хорошо знают английский и могут свободно им пользоваться, 97% мексиканских подростков предпочитают говорить по-испански. Данные факты свидетельствуют о том, что бикультурность и двухуровневая идентичность сохраняется даже после интеграции мигрантов и вхождения их в латиноамериканские группы американской нации.

Многие американские ученые и общественные деятели считают, что стать полноправными членами американского общества латиноамериканские иммигранты смогут только в том случае, если они или хотя бы их дети перейдут на английский язык, не будут избегать смешанных браков, усвоят американские ценности и культуру. Существует и другое мнение: стремиться к полной ассимиляции вновь приезжающих совершенно необязательно, ассимиляция в наши дни может уступить место плюрализму (или сосуществовать с ним). Сторонники плюрализма считают, что нет смысла стирать расовые и этнические границы, поддерживая ситуацию "плавильного котла", которой ранее так гордились американцы. Сохранение расовыми и этническими группами своих традиций, религии, языка пойдет на пользу Соединенным Штатам, укрепит имидж мирового лидера демократии, толерантности и веротерпимости. Основное возражение, выдвигаемое приверженцами реализации концепции "плавильного котла", заключается в том, что поддерживать единство столь разнородного общества чрезвычайно сложно, и может наступить момент, когда центробежные силы превратятся в серьезную проблему [14, с. 26–29].

Латиноамериканские диаспоры не создают однородной культурной общности на территории США, а сохраняют аналог своей исторической родины в ситуации иммиграции. На территории США воспроизводится некий прототип культурной принадлежности по странам происхождения Латинской Америки и поддержание связей со своими соотечественниками. Массовая латиноамериканская иммиграция в США укрепляет диаспоральную модель уклада жизни. Постоянное пополнение состава проживающих в США "свежей кровью" из латиноамериканских стран замедляет процессы ассимиляции. Несмотря на это, необходимо отметить тенденцию, скорее, к ассимиляции, нежели интеграции латиноамериканских иммигрантов, которая возрастает при переходе из одного поколения в другое. Основным доказательством может являться утрата идентификации со своей материнской нацией в зависимости от поколения.

В настоящее время проблема билингвизма является одной из актуальных для США. Под билингвизмом (от *bi* – "двойной", "двойкий" и *lingua* – "язык") мы понимаем комплексное явление лингвистических и внелингвистических факторов речевого поведения человека [2, с. 67]. Билингвизм (или двуязычие) представляет собой практику попеременного пользования двумя языками.

В США идет непрерывный процесс противостояния между двумя сторонами политкорректности: официальным американизмом и официальным мультикультурализмом. Современные интеграционные процессы не снижают степени социального расслоения общества и социальной стратификации языка, меняются лишь их формы. Кроме того, социальная дифференциация, по-видимому, становится более универсальным и более существенным фактором употребления английского языка в США [9].

Более 40 млн жителей США используют испанский язык как основной [22]. На протяжении как минимум двух последних десятилетий языковой фактор является основным признаком американской идентичности. По мнению С. Хантингтона, в настоящее время в стране идет "битва за английский", представляющая один из основных фронтов войны за американскую идентичность [14, с. 222].

В США достаточно давно действует двуязычное образование, которое, по сути, является испаноязычным, а сам термин "двуязычное образование" является всего лишь политкорректным аналогом понятия "испаноязычное образование". В школах США за последние 40 лет число испаноговорящих детей увеличилось в 8 раз и составило порядка 24–25% учащихся городских

общественных школ, что сказывается на снижении мотивации освоения английского языка [9].

Система двуязычного или билингвального образования действует на территории США с 1974 г., на основании решения Верховного суда США по делу *Lau vs. Nichols*. С 1998 г. в Калифорнии, например, родителям испаноязычных школьников предоставляется возможность выбора между билингвальной и англоязычной образовательной программой.

95% испаноязычных американцев, в том числе родившихся в США, высказываются за использование испанского языка будущими поколениями латиноамериканцев США. 70% испаноговорящих родителей поддерживают и поощряют использование своими детьми испанского языка в повседневной жизни. В 92% семей латиноамериканцев и 55% смешанных семей, где один из родителей не является латиноамериканцем, родители говорят со своими детьми по-испански [28].

По данным исследования 2015 г. наблюдается доминирование испанского языка в контексте использования в повседневной жизни среди латиноамериканцев второго и третьего поколения иммигрантов. В этой связи интересной представляется статистика преемственности передачи испанского языка в ряду поколений при использовании [28]. Так, в 97 % семей, где родители являются иммигрантами в первом поколении, говорят со своими детьми на испанском языке [28]. Некоторая тенденция к снижению (71%) данного показателя наблюдается в семьях, где родители (или один родитель) родились в США и являются иммигрантами во втором поколении [28]. В отношении семей, которые являются представителями латиноамериканской иммиграции в третьем поколении, фиксируется самое низкое значение (49%), которое, однако, не является критическим и демонстрирует использование испанского языка в половине семей данной категории [28].

Бурный рост испаноязычного населения США и увеличение влияния латиноамериканских диаспор на социальные и политические институты приводит к позиционированию (скрытому или открытому) следующих задач:

- предотвращение ассимиляции и интеграции латиноамериканских иммигрантов в англо-протестантское общество и создание автономного социально-культурного сообщества;
- преобразование США из цивилизационного гомогенного в цивилизационно гетерогенное общество (гражданскую нацию).

Сторонники "испанизации" не признают концепцию единого национального общества, идею однородной культурной общности и определяют стремление к признанию английского языка как проявление ксенофобии и шовинизма. Можно говорить о тенденции переопределения национальной лингвистической идентичности.

Лидеры испаноязычного сообщества позиционируют необходимость уравнивания в правах испанского языка с английским. Такое стремление к билингвизму как стандарту жизни поддерживается не только испаноязычным сообществом, но и некоторыми либеральными правовыми организациями, представителями, прежде всего, католической конфессии, приобретающей все большее количество прихожан из числа латиноамериканских иммигрантов, а также демократической и республиканской политическими партиями. Необходимо отметить и интересы бизнес-сообщества США, которое во многом ориентировано на испаноговорящее население. Кроме того, билингвизм в последнее время стал влиять и на уровень доходов, профессиональное и социальное продвижение. Во многих профессиональных сферах на территории отдельных штатов США уровень заработной платы зависит от владения испанским языком наряду с английским.

С. Хантингтон высказывает мнение, что для полноценной интеграции или ассимиляции, превращения в полноценного члена общества латиноамериканские иммигранты должны "научиться думать по-английски", иными словами, впитать базовые ценности североамериканского общества [15, с. 86]. Как видим, С. Хантингтон рассматривает иммигрантов из стран Латинской Америки, и, в первую очередь, мексиканцев как носителей ценностей другой цивилизации. При этом их желание сохранить свою культуру, язык, обычаи рассматривается как помеха вхождению в американское общество.

Конституция США формирует в обществе программную установку на решение проблем через легальные институты власти. В США основным механизмом вовлечения граждан в политику является электоральный процесс. Содержанием электорального процесса выступает формирование органов государственной власти и местного самоуправления. Электоральный процесс является основой американского политического процесса и политической истории. Другой наиболее распространенной формой представительства интересов общества является лоббизм. Именно в США лоббизм существенно влияет на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Традиционно, свое влияние диаспоры демонстрировали через Демократическую партию. Однако с начала 2000-х годов заметно увеличивается доля протестантов среди представителей латиноамериканских диаспор, что повлекло изменение политической ориентации и переключение фокуса на Республиканскую партию. В настоящее время можно говорить о следующем разделении политических интересов на религиозной основе: протестанты предпочитают голосовать за республиканцев, католики – за демократов. Исключение составляет кубинская община, представители которой отдают свои голоса преимущественно Республиканской партии (55%), а Демократическую партию поддерживают лишь 20% [25]. Причины этого коренятся в поддержке республиканцами антикоммунизма, а также в принятии политических решений с Кубы. Представители еще одной доминирующей по численности латиноамериканской общины – выходцев из Пуэрто-Рико – предпочитают отдавать голоса за Демократическую партию – 52% [25].

В целом, примерно 50% представителей латиноамериканского меньшинства являются сторонниками Демократической партии, около 35% – колеблющимися избирателями, и только 15% – убежденными приверженцами Республиканской партии [25].

Социально значимым проявлением политической активности латиноамериканского населения является лоббистская деятельность. Среди различных латиноамериканских групп наибольшее влияние на политику США оказывает мексикано-американская община, которая, традиционно, занимается проблемами социально-экономического направления, лоббируя реформы в данной сфере для улучшения социально-экономического статуса испаноязычного населения в целом. Другим направлением лоббистских интересов данной группы является борьба за равные возможности в политике [11, с. 18-19].

Так, в 1960–1970-е гг. ими была предпринята успешная попытка сплотить всех представителей стран Латинской Америки, иммигрировавших в США, в рамках общенациональных организаций, отстаивающих интересы всех латиноамериканцев в рамках политической системы США. Важнейшим направлением работы этих структур стало устранение дискриминационных барьеров и расширение избирательных прав латиноамериканского меньшинства [3, с. 128].

В 1975 г. благодаря лоббистским усилиям Фонда юридической защиты и образования американских мексиканцев положения Закона об избирательных правах были распространены на все испаноязычное население США, что привело к усилению политической активности латиноамериканцев и увеличению их представительства в органах региональной и федеральной власти.

Другим важным направлением деятельности мексиканской диаспоры на протяжении последних 50 лет является повышение их статуса в США. Мексикано-американцы добились официального признания "испаноязычных" в качестве отдельной этнической группы (1960–1990-е годы), распространения на представителей латиноамериканского населения "Программы позитивных действий" (1960–1970-е), развития билингвизма (1980–2000-е), либерализации миграционного законодательства (1990–2000-е).

Гораздо меньшее влияние мексиканская община оказывает на внешнюю политику Вашингтона. Исключением можно считать лоббирование соглашения о НАФТА в 1994 г., что связано с проекцией данного законопроекта на социально-экономическое положение мексиканской общины в США.

Если говорить о кубинской общине, то основные ее лоббистские усилия сосредоточены на внешней политике США, в частности на формировании государственного курса в отношении Кубы. Кубинские иммигранты выделяются на общем фоне латиноамериканских диаспор в США наибольшим среди

латиноамериканских общин экономическим и политическим влиянием. Среди внешнеполитических приоритетов кубинцев на протяжении последних 50 лет можно отметить радикальный антикастризм.

С 1981 г. ведущей лоббистской организацией экс-кубинцев является Кубино-американский национальный фонд (CANF), созданный при поддержке администрации Р. Рейгана. Основным каналом воздействия кубинской диаспоры на принятие политических решений являлось лоббирование законодательных проектов через представителей Конгресса США кубинского происхождения, также депутатов, придерживающихся консервативных взглядов в отношении Кастро, а также через взносы в предвыборные фонды кандидатов. Кубино-американцы превратили внешнюю политику в один из самых актуальных вопросов внутренней политики, так как благодаря своему компактному проживанию оказывали решающее влияние на исход выборов в штате Флорида [8].

Со второй половины 1990-х годов наметилось снижение политического влияния CANF. Еще в ходе президентской кампании 2000 г. голоса кубино-американцев определили исход выборов во Флориде в пользу Буша-младшего, что определило победу этого кандидата на общенациональном уровне. Однако уже в 2001 г. произошел раскол кубинской диаспоры по причине расхождения мнений о возможности сотрудничества с Кубой. После этого влияние кубинского лобби стало снижаться, и в 2008 г. Барак Обама сумел победить во Флориде без его поддержки. Обама стал первым за 20 лет победителем президентских выборов, который не использовал финансовые пожертвования кубинской диаспоры и потому не был связан с ее внешнеполитическими интересами. На сегодняшний день можно констатировать постепенный упадок влияния кубинской диаспоры в США на общегосударственном уровне при сохранении сильных позиций на уровне штата Флорида [10, с. 27-28].

Фактор влияния латиноамериканских диаспор на результаты президентских выборов долгое время не имел существенного значения. Данная ситуация связана с рядом причин, в том числе, с низким уровнем владения английским языком, возрастом, большим количеством нелегальных мигрантов, не являющихся гражданами США. Ситуация изменилась в 2008 г., когда постоянно растущая латиноамериканская общность выразила недовольство курсом Джорджа Буша-младшего и проголосовала за социально-экономическую программу Барака Обамы в пику его республиканскому оппоненту Маккейну, но в 2016 г. голосов латиноамериканских избирателей не хватило Х. Клинтон для победы над Д. Трампом.

Таким образом, на основании изложенного, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, испаноязычное население является крупнейшим языковым меньшинством в США. Оно с 1980 г. регистрируется в переписи населения США и официально именуется испаноговорящим. К концу 2017 г. численность латиноамериканцев составила 17,6% населения страны, что сделало их второй по величине культурно-языковой общностью США. Скорость ее прироста на сегодняшний день составляет 2,0%. По прогнозам аналитиков к 2065 г. численность латиноамериканского населения вырастет до 107 млн человек.

Во-вторых, в структуре латиноамериканского меньшинства США можно выделить две диаметрально противоположные группы:

- мексиканская – самая многочисленная, с низким уровнем экономического, социального статуса, без сформированного единого этнического самосознания и с тенденцией к снижению этнической и культурной идентичности;
- кубинская – обладающая мощным экономическим и политическим влиянием, имеющая довольно высокий социально-экономический статус, создавшая модель процветающего анклавного существования и обладающая наибольшим среди латиноамериканских общин экономическим и политическим влиянием.

В-третьих, постоянное изменение состава латиноамериканского населения США из-за притока легальных и нелегальных иммигрантов из Мексики, стран Центральной и Южной Америки приводит к тому, что его социально-экономический статус является относительно невысоким.

В-четвертых, латиноамериканская культурная общность в США является довольно рыхлой, поскольку входящие в нее отдельные диаспоры

тяготееют, прежде всего, к своим материнским нациям. На территории США воспроизводится некий прототип культурной принадлежности по странам происхождения Латинской Америки и поддержание связей со своими соотечественниками. Массовая латиноамериканская иммиграция в США укрепляет диаспоральную модель уклада жизни. Постоянное пополнение состава проживающих в США "свежей кровью" из латиноамериканских стран замедляет процессы ассимиляции.

В-пятых, социально значимым проявлением политической активности латиноамериканских групп является лоббистская деятельность. Среди различных латиноамериканских групп наибольшее влияние на политику США оказывают мексиканская и кубинская общины. Мексикано-американская община занимается проблемами социально-экономического направления, лоббируя реформы в данной сфере для улучшения социально-экономического статуса испаноязычного населения в целом. Другим направлением лоббистских интересов данной группы является борьба за равные возможности в политике. Для кубинской общины характерна сосредоточенность лоббистских усилий на внешней политике США, в частности на формировании государственного курса в отношении Кубы. Среди внешнеполитических приоритетов кубинцев на протяжении последних 50 лет можно отметить радикальный антикастризм.

В-шестых, лидеры испаноязычного сообщества позиционируют необходимость уравнивания в правах испанского языка с английским. Стремление к билингвизму как стандарту жизни поддерживается не только испаноязычным сообществом, но и некоторыми либеральными правовыми организациями, представителями, прежде всего, католической конфессии, приобретающей все большее количество прихожан из числа латиноамериканских иммигрантов, Демократической и Республиканской политическими партиями, а также некоторыми представителями бизнес-сообщества США.

В-седьмых, в США, в отличие от таких стран классической иммиграции, как Канада и Австралия, до сих пор отсутствует федеральная политика интеграции мигрантов. В структуре институтов государственной власти отсутствуют органы, отвечающие за вопросы комплексной интеграции мигрантов. Большинство интеграционных программ реализуются на уровне гражданского общества, в том числе некоммерческих и религиозных организаций, местных общин, школьных преподавателей, работодателей.

В-восьмых, в основу современного иммиграционного законодательства США заложена поддерживаемая Республиканской партией концепция "иммиграции как контракта", в терминологии Х. Мотомура – "играй по нашим правилам или уезжай". Доминирование данной модели в современной миграционной политике США препятствует легализации и интеграции иммигрантов. Одновременно данная модель способствует росту нелегальной миграции и маргинализации потока иммигрантов из стран Латинской Америки, а также усиливает мигрантофобию со стороны населения США. Переход от модели "иммиграции как контракта" к модели "иммиграция как присоединение" с акцентом на постепенное включение иммигрантов в общество, начатый при Б. Обаме, фактически свернут при нынешней администрации Д. Трампа, что девальвирует ранее принятые меры по выработке новой иммиграционной политики и государственной политики интеграции иммигрантов в американское общество.

Литература

1. Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 554 с.
2. Вишневецкая Г. М. Билингвизм и межкультурная коммуникация // Вестник Ивановского государственного университета. Серия "Гуманитарные науки". Вып. 1 "Филология". 2001. С. 67–76.
3. Гарусова Л. Н., Пигинешева А. П. Испаноязычные американцы как фактор политической жизни США (1960-2000-е гг.) // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 127–133.
4. Гарусова Л. Н., Журбей Е. В., Владимирова Д. А. Китайские иммигранты в США: историческая ретроспектива // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 8–16.
5. Иванов М. М. США: правовое регулирование иммиграционного процесса. М.: Международные отношения, 1998. 480 с.
6. Латиноамериканские диаспоры в США / Отв. ред. Коваль Б. И. М.: Наука. 2003. 280 с.
7. Кудеярова Н. Ю. Проблемы нелегальной латиноамериканской миграции в США: пространство непримиримого противостояния / Н. Ю. Кудеярова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 127–135.
8. Национальные интересы и лоббизм в США // Американские исследования. Научно-образовательный центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://american-studies.org/natsionalnyie-interesy-i-lobbizm-v-ssha/> (дата обращения: 12.03.2019).
9. Нигматуллина Л. М., Скуратова А. А. Языковая ситуация в США // Молодой ученый [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14380/> (дата обращения: 12.03.2019).
10. Пигинешева А. П. Кубинское лобби в США: внешнеполитический аспект влияния // Актуальные проблемы мировой политики: региональное и международное измерение. Владивосток: Изд-во ВГУЭС. 2008. С. 27–36.
11. Пигинешева А. П. Влияние латинос на политическую жизнь в США: электро-ральный аспект // Международники и регионоведы об актуальных проблемах мировой политики: сб. научн. ст. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. С. 18–32.
12. Розанова М. С., Предпосылки для реализации политики интеграции мигрантов в США // Политическая экспертиза: Политгэкс. 2013. Т. 9. № 4. С. 223–231.
13. Филатова А. А. Сопротивление латиноамериканских диаспор иммигрантской политике Дж. Буша - мл. в США в XXI веке // Мировая политика. [Электронный ресурс]. URL: https://e-notabene.ru/wi/article_726.html (дата обращения: 12.03.2019).
14. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Изд-во АСТ, 2004. 635 с.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003. 603 с.
16. Чагдуров А. Б., Зайцев А. С. Иммиграционная системы США, ее история и перспективы // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. 2015. № 10 (36). С. 112–114.
17. Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6: М.: ИЭА РАН, 1995. 216 с.
18. Berry J. W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies // Wiley online library [Электронный ресурс]. URL <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x> (дата обращения: 12.03.2019).
19. Berry J. W., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative studies of acculturative stress // International Migration Review. 1987. № 21. P. 491–511.
20. Berry J. W., Annis R. C. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. № 5. P. 382–406.
21. Facts on U. S. Latinos. 2015 // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/09/18/facts-on-u-s-latinos/> (дата обращения: 12.03.2019).
22. Key facts about U. S. immigration policies and proposed changes. // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/02/26/key-facts-about-u-s-immigration-policies-and-proposed-changes/> (дата обращения: 12.03.2019).
23. Key findings about U. S. immigrants // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/03/key-findings-about-u-s-immigrants/> (дата обращения: 12.03.2019).
24. Hispanic Identity Fades Across Generations as Immigrant Connections Fall Away // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/12/20/hispanic-identity-fades-across-generations-as-immigrant-connections-fall-away/> (дата обращения: 12.03.2019).
25. Hispanic Churches in American Public Life: Summary of Findings. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20110409083331/http://>

- latinostudies.nd.edu/pubs/pubs/HispanicChurchesEnglishWEB.pdf (дата обращения: 12.03.2019).
26. How the U. S. Hispanic population is changing // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/18/how-the-u-s-hispanic-population-is-changing/> (дата обращения: 12.03.2019).
27. Modern Immigration Wave Brings 59 Million to U. S., Driving Population Growth and Change Through 2065 // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2015/09/28/modern-immigration-wave-brings-59-million-to-u-s-driving-population-growth-and-change-through-2065/> (дата обращения: 12.03.2019).
28. Most Hispanic parents speak Spanish to their children, but this is less the case in later immigrant generations // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/04/02/most-hispanic-parents-speak-spanish-to-their-children-but-this-is-less-the-case-in-later-immigrant-generations/> (дата обращения: 12.03.2019).
29. Motomura H. Americans in Waiting: the Lost Story of Immigration and Citizenship in the United States. / H. Motomura. England: Oxford University Press, 2006. 256 p.
30. Rise in U. S. Immigrants From El Salvador, Guatemala and Honduras Outpaces Growth From Elsewhere // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/12/07/rise-in-u-s-immigrants-from-el-salvador-guatemala-and-honduras-outpaces-growth-from-elsewhere/> (дата обращения: 12.03.2019).
31. Statistical portrait of Hispanics in the United States // Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/09/18/facts-on-u-s-latinos/> (дата обращения: 12.03.2019).
32. Yearbook of Immigration Statistics. Department of Homeland Security (DHS). Washington, DC, various years // Department of Homeland Security. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook> (дата обращения: 12.03.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

- Berri Dzh., Purtinga A. Kh., Sigall M. Kh., Dasen P. R. Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye / Dzh. Berri, A. Kh. Purtinga, M. Kh. Sigall, P. R. Dasen. Khar'kov: Gumanitarnyj TSentr, 2007. 554 s.
- Vishnevskaya G. M. Bilingvizm i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki". Vyp. 1 "Filologiya". 2001. S. 67–76.
- Garusova L. N., Piginesheva A. P. Ispanoyazychnye amerikantsy kak faktor politicheskoy zhizni SSHA (1960-2000-e gg.) // Rossiya i ATR. 2008. № 3. S. 127–133.
- Garusova L. N., Zhurbej E. V., Vladimirova D. A. Kitajskie immigranty v SSHA: istoricheskaya retrospektiva // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 2. S. 8–16.
- Ivanov M. M. SSHA: pravovoe regulirovaniye immigratsionnogo protsessa. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. 480 s.
- Latinoamerikanskije diaspori v SSHA / Otv. red. Koval' B. I. M.: Nauka. 2003. 280 s.
- Kudeyarova N. Yu. Problemy nelegal'noj latinoamerikanskoj migratsii v SSHA: prostranstvo neprimirimogo protivostoyaniya / N. Yu. Kudeyarova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 3. S. 127–135.
- Natsional'nye interesy i lobbizm v SSHA // Amerikanskije issledovaniya. Nauchno-obrazovatel'nyj tsentr. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://american-studies.org/natsionalnye-interesy-i-lobbizm-v-ssha/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
- Nigmatullina L. M., Skuratova A. A. YAzykovaya situatsiya v SSHA // Molodoj uchenyj [Elektronnyj resurs]. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14380/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
- Piginesheva A. P. Kubinskoe lobbij v SSHA: vneshnepoliticheskij aspekt vliyaniya // Aktual'nye problemy mirovoj politiki: regional'noe i mezhdunarodnoe izmerenie. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS. 2008. S. 27–36.
- Piginesheva A. P. Vliyanie latinos na politicheskuyu zhizn' v SSHA: ehlektoral'nyj aspekt // Mezhdunarodniki i regionovedy ob aktual'nykh problemakh mirovoj politiki: sb. nauchn. st. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2006. S. 18–32.
- Roanova M. S., Predposylki dlya realizatsii politiki integratsii migrantov v SSHA // Politicheskaya ehkspertiza: Politehks. 2013. T. 9. № 4. S. 223–231.
- Filatova A. A. Soprotivivlenie latinoamerikanskikh diaspor immigrantskoj politike Dzh. Busha - ml. v SSHA v XXI veke // Mirovaya politika. [Elektronnyj resurs]. URL: https://e-notabene.ru/wi/article_726.html (data obrashheniya: 12.03.2019).
- Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noj identichnosti. M.: Izd-vo AST, 2004. 635 s.

15. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsij. M.: Izd-vo AST, 2003. 603 s.
16. CHagdurov A. B., Zajtsev A. S. Immigratsionnaya sistema SSHA, ee istoriya i perspektivy // Nauchnoe soobshhestvo studentov XXI stoletiya. Obshhestvennye nauki. 2015. № 10 (36). S. 112–114.
17. Ehtnicheskie i ehtno-sotsial'nye kategorii: Svod ehtnograficheskikh ponyatij i terminov. Vyp.6: M.: IEHA RAN, 1995. 216 s.
18. Berry J. W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies // Wiley online library [Ehlektronnyj resurs]. URL <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x> (data obrashheniya: 12.03.2019).
19. Berry J. W., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative studies of acculturative stress // International Migration Review. 1987. № 21. P. 491–511.
20. Berry J. W., Annis R. C. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. № 5. P. 382–406.
21. Facts on U. S. Latinos. 2015 // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/09/18/facts-on-u-s-latinos/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
22. Key facts about U. S. immigration policies and proposed changes. // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/02/26/key-facts-about-u-s-immigration-policies-and-proposed-changes/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
23. Key findings about U. S. immigrants // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/03/key-findings-about-u-s-immigrants/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
24. Hispanic Identity Fades Across Generations as Immigrant Connections Fall Away // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/12/20/hispanic-identity-fades-across-generations-as-immigrant-connections-fall-away/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
25. Hispanic Churches in American Public Life: Summary of Findings. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20110409083331/http://latinos-studies.nd.edu/pubs/pubs/HispChurchesEnglishWEB.pdf> (data obrashheniya: 12.03.2019).
26. How the U. S. Hispanic population is changing // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/18/how-the-u-s-hispanic-population-is-changing/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
27. Modern Immigration Wave Brings 59 Million to U. S., Driving Population Growth and Change Through 2065 // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2015/09/28/modern-immigration-wave-brings-59-million-to-u-s-driving-population-growth-and-change-through-2065/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
28. Most Hispanic parents speak Spanish to their children, but this is less the case in later immigrant generations // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/04/02/most-hispanic-parents-speak-spanish-to-their-children-but-this-is-less-the-case-in-later-immigrant-generations/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
29. Motomura H. Americans in Waiting: the Lost Story of Immigration and Citizenship in the United States. / H. Motomura. England: Oxford University Press, 2006. 256 p.
30. Rise in U. S. Immigrants From El Salvador, Guatemala and Honduras Outpaces Growth From Elsewhere // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/12/07/rise-in-u-s-immigrants-from-el-salvador-guatemala-and-honduras-outpaces-growth-from-elsewhere/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
31. Statistical portrait of Hispanics in the United States // Pew Research Center. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pewhispanic.org/2017/09/18/facts-on-u-s-latinos/> (data obrashheniya: 12.03.2019).
32. Yearbook of Immigration Statistics. Department of Homeland Security (DHS), Washington, DC, various years // Department of Homeland Security. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook> (data obrashheniya: 12.03.2019).

Журбей Е. В., Гарусова Л. Н. Проблемы адаптации и интеграции латиноамериканских иммигрантов в США во второй половине XX – начале XXI вв.

В статье дается анализ проблем адаптации и интеграции латиноамериканских иммигрантов в американское общество. Миграционные процессы всегда являлись одним из наиболее значимых факторов формирования американской нации, поэтому проблемы интеграции зарубежных иммигрантов в американское общество на протяжении многих лет занимают одно из главных мест в общественно-политической жизни страны. Массовая латиноамериканская иммиграция в США укрепляет диаспоральную модель уклада жизни. Постоянное пополнение состава проживающих в США "свежей кровью" из латиноамериканских стран замедляет процессы ассимиляции. Исследование констатирует тот факт, что в США, в отличие от таких стран классической иммиграции, как Канада и Австралия, до сих пор отсутствует федеральная политика интеграции мигрантов. В структуре институтов государственной власти отсутствуют органы, отвечающие за вопросы комплексной интеграции мигрантов. Большинство интеграционных программ реализуются на уровне гражданского общества, в том числе некоммерческих и религиозных организаций, местных общин, школьных преподавателей, работодателей.

Ключевые слова: *иммиграция, миграция, латиноамериканцы, латинос, иммиграционная политика, иммиграционное законодательство, латиноамериканское меньшинство, США, Латинская Америка*

Zhurbey E. V., Garusova L. N. Problems of adaptation and integration of Latin American immigrants in the United States in the second half of the XX-early XXI centuries.

This article provides an analysis of the problems of adaptation and integration of Hispanic immigrants in American society. Migration processes always have been one of the most meaningful factors of formation the American nation. That is why the problems of integration of foreign immigrants in American society has been playing one of the most important roles in country public affairs for many years. The massive Hispanic immigration in the USA strengthens the expat community lifestyle. "New blood" from the Latin American countries is the main reason of the constant growth of the number of the USA residents which makes the assimilation processes slower. The research acknowledges the fact that federal policy of migrants' integration is lack in the USA, in stark contrast to the "classic immigration" countries, as Canada and Australia. There are no any authorities which would deal with the problems of the complex migrants integration in the system of government specific institutions. The most of the integrational programs are implemented at the civil society level, including uncommercial and religious organizations, local communities, school teachers and employers.

Key words: *immigration, migration, Hispanics, latinos, immigration policy, immigration law, Latin American minority, USA, Latin America*

Для цитирования: Журбей Е. В., Гарусова Л. Н. Проблемы адаптации и интеграции латиноамериканских иммигрантов в США во второй половине XX – начале XXI вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 147–165. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/147-165

For citation: Zhurbey E. V., Garusova L. N. Problems of adaptation and integration of Latin American immigrants in the United States in the second half of the XX-early XXI centuries // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 147–165. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/147-165

Д. С. Полянский – штрихи к портрету (по воспоминаниям крымчан)

Вековой юбилей революции крымчане отметили широко – как и жители других регионов России, оказавшихся в круговороте событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны. При этом ряд круглых дат, который также знаков для судьбы полуострова, остался за пределами внимания общественности. Среди них – столетие со дня рождения человека, роль которого в жизни Крыма и всего СССР в своё время была чрезвычайно велика.

Уроженец Донбасса, Дмитрий Степанович Полянский (1917–2001) известен как один из руководителей КПСС и Советского союза [2, с. 433–436]. Членство в Президиуме/Политбюро ЦК Компартии (1960–1976 гг.) он совмещал с должностями председателя Совмина РСФСР (1958–1962 гг.), заместителя (1962–1965 гг.) и первого заместителя (1965–1973 гг.) главы союзного Правительства, министра сельского хозяйства СССР (1973–1976 гг.).

Предшествовала взлёту карьеры Полянского работа в регионах, которая началась в Сибири и продолжилась в Крыму. Здесь в 1949 г. ему доверили пост второго секретаря областного комитета ВКП(б), спустя почти два года избрали в ВС РСФСР, в 1952-ом назначили председателем исполкома. В возрасте тридцати шести лет политический функционер и чиновник возглавил ОК КПСС и стал депутатом Верховного Совета СССР¹. При этом первым секретарём Обкома на полуострове он проработал вплоть до перевода на аналогичную должность в Чкаловскую/Оренбургскую область в 1955 г. [2, с. 436].

Причастность Полянского к таким событиям, как присоединение Крыма к Украине (1954 г.), разгром "антипартийной группы" (1957 г.), "Рязанское дело" (1960 г.), "Новочеркасский расстрел" (1962 г.), заговор против Н. С. Хрущёва (1964 г.), ввод войск в Чехословакию (1968 г.), арест и высылка А. И. Солженицына (1974 г.), отразилась на восприятии многих сторон его личности. Этому представителю власти будто бы ставят в укор, что в годы войны он не попал на фронт, оказавшись на партработе в тылу, где вдобавок избежал расстрела ввиду заступничества И. В. Сталина. Среди других "обвинений" в его адрес – якобы организация травли А. А. Галича, сокрытие еврейского происхождения, богемный образ жизни семьи, сервильность и ретроградство.

Наиболее распространённые мифы о Полянском отразились в трудах Джона Баррона (Barron), В. Н. Войновича, А. Р. Галичина, Н. А. Зеньковича, Я. И. Кормана, Н. С. Михалкова, Л. М. Млечина, Е. Н. Сарома и Ю. М. Сушко. Не преодолел их и кинематограф (И. В. Дыховичный, С. О. Снежкин). С другой стороны, противоположные характеристики Полянского массовые издания и СМИ как будто бы не замечают, хотя свидетельства, которые опровергают сомнительные отзывы о нем, десятки. Самые заметные из них описаны А. А. Богомоловым, С. Д. Довлатовым, И. Г. Конновым, Я. И. Корманом, И. А. Латышевым, Н. А. Митрохиным, Н. М. Молевой, Т. Ч. Норбу, В. Н. Салощенковым, С. Н. Семановым, И. И. Синягиным, В. Н. Сопряковым, Н. М. Сорокиным, Ю. М. Сушко, В. А. Сырокомским, Уильямом Таубманом (Taubman), С. Н. Хрущёвым, Е. И. Чазовым, Е. С. Чири-

¹ О выдвижении и избрании Д. С. Полянского депутатом советов различных уровней см.: (ГАРК – Государственный архив Приморского края). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 5730. Л. 1, 1 об., 2, 11, 16).

ковым, В. Н. Шевелевым и др. Эти авторы рассказывают о роли одного из лидеров КПСС и СССР в развитии страны, укреплении её международных связей, борьбе против обскурантизма в отечественной науке и в искусстве, вкладе в защиту А. В. Дьякова, И. М. Шевцова и А. Е. Мачехина, поддержке С. Н. Сергеева-Ценского, В. С. Высоцкого, В. С. Пикуля и т. п.

Работ, посвящённых Крыму, в литературе о Полянском нет, в то время как его связь с Донбассом, Уралом и Кубанью, напротив, изучается и освещается все чаще. Написанные журналистами и публицистами, эти повествования отталкиваются от свидетельств лиц, которые знали партийного и государственного деятеля и много слышали о нем. Цель настоящей статьи – воссоздать образ Полянского на материале воспоминаний крымчан². Отсутствие публикаций, связанных с данной темой, определяет главный метод ее разработки – интервьюирование. Актуальность исследования продиктована отсутствием жизнеописания одного из представителей коммунистической и советской номенклатуры, которое учитывало бы всю совокупность данных о нем и осмысливало бы его влияние на судьбы России в прошлом и настоящем.

Лучше других жителей полуострова с Полянским общалась дочь его младшего брата Ивана Ольга (р. 1951). Основу её воспоминаний о родственнике составляет материал семейно-бытового содержания, включая темы их встреч в Москве, на госдачах и за границей, где в юности она регулярно проводила каникулы и много общалась с его детьми (ПМА)³. Однако есть среди этих свидетельств и такие, которые помогают лучше понять одного из руководителей КПСС и Советского союза как регионального лидера. Например, рассказы о регулярно предпринимаемых им рейдах по магазинам Симферополя. Таковые Полянский, привыкший просыпаться рано и живший вблизи административных зданий, а потому ходивший на службу пешком, успевал обойти до начала рабочего дня – заглядывая за прилавки и поддерживая борьбу с продавцами "из-под полы". Также Ольга Ивановна приписывает "дяде Мите"⁴ и возвращение практики проведения в городах Крыма сельскохозяйственных ярмарок, которые позволяли контролировать положение дел с ассортиментом товаров на продовольственном рынке.

С 1946 по 1956 гг. Антонина Полянская (1913–2007) занимала должность начальника Управления Министерства юстиции СССР при Крымском облисполкоме (ПМА)⁵. Работа под началом однофамильца не раз приводила к курьезам, о которых она помнила и в глубокой старости. Один из них произошёл тогда, когда Антонина Фёдоровна стала свидетелем разговора двух прохожих, которые, обсуждая происходящее в "верхах", глубокомысленно заключили, что власть на полуострове "захватила" семья Полянских, в которой "Она судит, а Он руководит". Другая история приключилась в буфете Театра имени Горького, куда местная элита приехала с семьями по случаю праздника. Наткнувшись на свою коллегу, Полянский в шутку пожаловался жене, что Антонина Фёдоровна не признает их родства. Последняя не растерялась и ответила, что раз её жалование уже отдают Дмитрию Степановичу, кровная связь с ним – доказанный и общеизвестный факт. О деньгах Полянская говорила правду, поскольку оба читали лекции на курсах для госслужащих, что и приводило к путанице в ведомостях на зарплату.

К достижениям партназначенца и чиновника Антонина Фёдоровна относилась проблема ранее осуждённых крымчан. По её словам, при По-

² Автор исследования – двоюродный внук Д. С. Полянского. Сбор материалов, связанных с его жизнью в Крыму, был начат в 2006 г., накануне 90-летия со дня рождения партийного и государственного деятеля. Помощь в организации работы оказали Л. И. Грач, Ю. Н. Хлынов, Э. И. Малиенко и Л. М. Валуйко, а также Н. В. Багров и А. А. Форманчук. В статье цитируются родственники и сослуживцы Полянского, на момент участия в интервьюировании проживавшие в Крыму, итоги разысканий публикуются впервые.

³ ПМА – полевые материалы автора.

⁴ В кавычках представлены высказывания авторов воспоминаний, приводимые в оригинале.

⁵ Даты в статье воспроизводятся со слов участников интервьюирования.

лянском было предпринято сразу несколько мер, которые помогли ускорить процесс их возвращения к нормальной жизни. Согласно нововведениям, труд в местах лишения свободы стал оплачиваться, а вырученные средства делились пополам между государством и самим заключённым. При этом деньги последнего переводились на специальный счёт, доступ к которому у него появлялся сразу после освобождения. На воле судьба такой категории граждан находилась под пристальным вниманием властей, в лице отобранных инспекторов милиции или дружинников. Также гарантировалось их право на работу. Для этого лицам с судимостью предлагалась одна из двух вакансий на предприятиях, которые систематически формировались областью в виде спецрезерва.

Серьёзным отношением к нуждам людей Антонина Фёдоровна объясняла и слухи о связях Полянского с архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), который также славился отзывчивостью. Будущему Исповеднику и Святителю её однофамилец якобы помог получить не только квартиру, но и некий дом неподалёку от моря, который церковь использовала для нужд прихожан.

Лев Кляритский (р. 1925) познакомился с Полянским, когда был инструктором в Симферопольском горкоме партии, с 1953 по 1960 гг. (ПМА). По словам этого деятеля, о лидерах Крыма за свою жизнь он слышал разное, но лишь Дмитрия Степановича в его присутствии с теплотой вспоминали все и всегда.

Важнейшим из качеств политика и госаппаратчика Лидия Цыганкова (1927–2014) также называла организованность (ПМА). Будучи стенографисткой Обкома в 1951–1954 гг., она не раз наблюдала за тем, как руководители разного уровня перекладывали свою работу на заместителей и секретарей. По её утверждению, стиль Дмитрия Степановича был иным. В кабинете он засиживался допоздна, порой диктуя ей "по тридцать страниц за раз", и требовал от подчинённых быть с ним на связи даже в глубокою ночь. Собеседование Лидия Васильевна проходила лично с Полянским, на приём к которому в первый раз попала, "как в храм". Знакомясь с ней, второй секретарь обкома пошутил, что ищет "молодую и симпатичную секретаршу", но в действительности испытательный срок Цыганковой продолжался три месяца. Проверка была как долгой, так и взыскательной, с расчётом оценить пределы возможностей стажёра. И когда через несколько лет после трудоустройства Лидия Васильевна получила повышение, став заведующей протокольной частью, Полянский продолжал просить её об услугах стенографистки, в связи с чем однажды включил в состав официальной делегации в Киев, куда ездил с предисполкома М. Г. Кузьменко для участия в Пленуме ЦК КПУ.

Усердие Дмитрий Степанович уважал и, как рассказывает его племянница Ольга, гордился своим происхождением из крестьян. Домашних он приучал к самостоятельности, повторяя, что его положение во власти – явление временное, к которому лучше не привыкать. Характерно, что супруга Полянского, Галина Даниловна, за чистотой и порядком в доме также следила сама, хотя и имела в распоряжении экономку.

Нина Баранова (1929–2007), работая в обкоме в 1954–1958 гг., занимала должность технического секретаря (ПМА). Она рассказывала, что главы крымских райкомов и регионов старались отчитываться перед Полянским "без прикрас", поскольку знали о его привычке лично приезжать с проверкой на места. И прерывать их выступления словами: "А теперь я тебе расскажу, что у тебя происходит". Примечателен случай, когда директору одного из местных аэропортов Полянский прямо на совещании протянул конфету "Взлётная" и предложил её попробовать. Смысл жеста оказался понятен тогда, когда выяснилось: обёртка с изделия почти не снимается, а липнет к нему и рвётся, возмущая пользователей авиатранспорта в Крыму.

Валентина Дробышева (р. 1930), секретарь "первой" приёмной обкома с 1951 по 1958 гг., подтверждает, что в отношениях с людьми Полянский предпочитал словам дела (ПМА). Пример тому – история с её мужем Анатолием Чижовым, который находился под следствием по делу о причинении ущерба государству в размере 1800 рублей. В ходе разбирательства было установлено, что имущество он списывал по приказу своего начальства, а, совершив противоправные действия, полностью компенсировал недостачу. Но поскольку прокуратура требовала наказания для всех, кто был замешан в престу-

плении, свидетеля переквалифицировали в обвиняемого, в итоге осудив его на три года лишения свободы. На момент оглашения приговора Чижев уже был отцом грудного ребёнка, и Валентина Александровна отправилась искать справедливости в Москву. Полянский принял бывшую подчинённую и пообещал помочь, после чего ситуацией занялся лично Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко. В итоге решение облсуда было обжаловано, дело Чижева пересмотрено, а сам осуждённый помилован. По словам Дробышевой, о его судьбе быстро узнали в народе, и за помощью к влиятельному экс-крымчанину вскоре начали обращаться другие жители страны, чьи родственники также находились в заключении.

Своей участливостью Полянский обескураживал и в бытность местным лидером, не жалея для, казалось бы, чужих ему людей даже денег. Дробышева рассказывает, что Анне Волковой, курьеру областного комитета партии, на юбилей он подарил шестьсот рублей, а самой Валентине Александровне решил помочь в тот самый день, когда она устраивалась в приёмную. Накануне заведомо административных органов А. А. Куценко рассказал Полянскому о том, что в его штате работает девушка с непростой судьбой, и предложил вмешаться. Тот согласился на разговор, в ходе которого узнал, что родители Дробышевой умерли, муж служит в Румынии, а сама она учится в библиотечном техникуме и не имеет денег даже на то, чтобы одеться в холод. Сотруднику Дмитрий Степанович пожалел и согласился взять к себе, прямо на собеседовании дав ей четыреста рублей для покупки пальто.

Главной чертой Полянского, которая не часто встречалась у людей его круга, Алексей Шведов (1916–2007) называл простоту (ПМА). Будучи водителем в гараже обкома, он не просто "возил" Дмитрия Степановича с 1949 по 1955 гг., но и поддерживал с ним близкие отношения. Реликвиями Алексей Карпович считал часы с дарственной надписью от главы региона и общую фотографию с ним и членами своей семьи. На похороны близких и поминки в родной Славяносербск Полянский ездил именно со Шведовым, виделись оба и после смены руководства Крыма. Сам Алексей Карпович рассказывал, что по приглашению бывшего начальника и друга гостил в Москве и раздумывал над его предложением перевестись на материк, которое, по словам Нины Барановой и Валентины Дробышевой, тот, не забывая о полуострове, делал многим его жителям.

Поведение Полянского также впечатляло Елизавету Епанешникову (1922–2010), секретаря "первой" приёмной обкома в 1953–1955 гг. (ПМА). Дмитрия Степановича она запомнила, в первую очередь, "корректным" управленцем, который не просто общался с "самыми мелкими работягами", включая уборщиц, но и всегда вникал в их дела.

В продолжение этой мысли Лидия Цыганкова утверждала, что крымский лидер не повышал голос никогда и ни на кого. По словам Ольги Полянской, "дядя Митя" держал в памяти не только имена дворников и продавщиц, но также и подробности их частной жизни, о которых всегда вспоминал при встречах с ними на улице. Алексей Шведов и в девяносто лет помнил, как вновь прибывший в Симферополь второй секретарь обкома, которого нужно было забрать с вокзала летом 1949 г., при знакомстве расположил его к себе искренностью и неподдельной приветливостью. Наконец, Валентина Дробышева доньше вспоминает фразу Полянского, которую он, всегда относясь с заботой к рядовому персоналу, любил повторять: "Плачь не подружкам, а подушкам". И удивляется, как Дмитрий Степанович, оказавшись в кругу истеблишмента, принял её в Москве, куда она, вызволяя мужа из тюрьмы, приехала, "как доярка" – с перманентом, оранжевым нарядом и ботинками на толстых каблуках, вызывавшими косые взгляды со стороны.

Радующие Полянского даже по отношению к подчинённым, видимо, выходило за грани обывательской нормы. Потому Валентина Дробышева спустя шесть десятилетий не может забыть о редчайших по тем временам "вафлях в шоколаде", которыми Дмитрий Степанович угостил её, когда она пришла к нему домой по делам службы. В свою очередь, Алексей Шведов рассказывал, как политический и государственный назначенец "сажал" его с собой за стол, выезжая на охоту и шашлыки. А Лидия Цыганкова вспоминала, как в одной из командировок Полянский поделился с ней "мочёным арбузом и квашеной капустой", приготовленными Галиной Даниловной, а накануне, высказав на-

рекание за опоздание стенографистки на работу, тут же предложил ей "виноградный сок", от которого та, вопреки желанию попробовать "деликатес", отказалась.

Но доброта не мешала секретарю и predisполкома проявлять волю в делах. Алексей Шведов утверждает, что в отношениях с украинским ЦК и Кабмином его начальник был твёрд и бесстрашен. Лев Кляритский, ссылаясь на Дмитрия Степановича, с которым он виделся и после смены власти на полуострове, утверждал, что выступление по делу "антипартийной группы" на пленуме ЦК в 1957 г. привело того не просто к ссоре с Председателем Президиума ВС СССР К. Е. Ворошиловым [2, с. 97]. Дело кончилось потасовкой, в ходе которой легендарный командарм подскочил к Полянскому и сторяча схватил его "за грудки". Лидия Цыганкова вспоминала истории о кляузниках, которые, добившись личного приёма у главы Крыма, выбегали из его кабинета с перепуганными глазами и судорожно крестились. Сам же Полянский конфликтов старался избегать, в целом выглядя миролюбивым человеком. Его племянница Ольга, в частности, считала своего родственника настроенным дружелюбно ко всем коллегам – хотя впечатление близких на неё производили отношения "дяди Мити" с К. Т. Мазуровым, также занимавшим в правительстве СССР должность Первого зампреда [2, с. 327].

Валентина Юнда (1943–2018), дочь старшего брата Полянского, Григория, утверждала, что "беды людей" Дмитрий Степанович понимал хорошо, потому что сам вырос в крестьянской семье (ПМА). Этим же он вызывал раздражение некоторых членов партии и правительства, уже в то время тяготевших к образу жизни аристократии и завидовавших "выскачке" из низов. По словам Валентины Григорьевны, черты характера, впечатлявшие окружающих, Полянский унаследовал от своего отца, порядочность и трудолюбие которого она считала беспримерными всю жизнь. Родителей политпаратчик и чиновник боготворил, и после гибели Степана Лукича, подстроенной "антисоветчиками" в колхозе, взял на себя заботу о матери, Прасковье Тихоновне. Не владевшая грамотой и потому расписывавшаяся крестиком, та отличалась религиозностью и продолжала регулярно посещать церковь даже в годы СССР, отступив от привычки лишь тогда, когда стало известно о пьянстве местного попа. Ольга Полянская также вспоминает, что ребёнком, воспитанным в духе атеизма, пугалась, когда "бабушка Паша", молясь в канун сна или после него на заре, истово била поклоны перед иконой, висевшей в углу её комнаты. Знаковым она считала то, что гибель одного из своих сыновей, Александра, Прасковья Тихоновна почувствовала, когда он, школьником, тонул при купании – хотя в момент трагедии, находясь в другом месте, ничего не знала о ней. При этом духовную жизнь матери Дмитрий Степанович не осуждал и относился к ней с почтением, даже оказавшись в рядах высшей номенклатуры. На торжествах в Славяносербске, куда приезжали члены большой семьи, она всегда была в центре внимания, на "Вы" к ней обращались не только внуки, но и дети. Когда наступала зима, Полянский привозил её в Крым, в квартиры родственников или на дачи, чтобы переждать холода, а после перевода в Москву усердствовал в обустройстве родного посёлка, где "бабушка Паша" прожила до самой смерти.

Таковы отзывы жителей полуострова, близко знавших Полянского и работавших с ним в органах власти. Представляют они этого деятеля в первую очередь человеком, и уже во вторую характеризуют его как управленца. Ответственностью и компетентностью, твёрдостью и находчивостью, чутким отношением к людям и скромностью – вот чем Полянский запомнился крымчанам, сохранившим добрую память о нем и после его переезда на материк в 1955 г. В целом их оценки созвучны мнениям, которые распространены в других регионах России, и рисуют образ крепкого, но деликатного администратора, умевшего показать результат и всюду пользовавшегося популярностью [1, с. 162–165; 3, с. 238–240, 243–256]⁶ Но воспоминания крымчан, помимо ответов, содержат и сведения, не учтённые литературой о Полянском. Связаны они с именами В. Ф. Войно-Ясенецкого, К. Е. Ворошилова, К. Т. Мазурова и Р. А. Руденко – и, шире, с общественным мнением в стране накануне

⁶ О репутации Полянского в Донбассе и на Урале см.: "Оренбургский край". 2016. № 3–4 (66–67). С. 36–37; "Славяносербские вести". 2006. № 50. С. 3.

"оттепели" и после неё. Вдобавок, приведённая информация интересна своей несогласованностью с критикой, которая, упрощая Полянского и даже компрометируя его, ставит под сомнения показательность благосклонных откликов об этом представителе элит. Заявления жителей полуострова убеждают: симпатия к нему людей разного круга не была и не является подлогом, поскольку черты личности, отличавшие одного из лидеров КПСС и СССР от других руководителей, формировались под влиянием культов семьи, труда и, отчасти, православной веры.

Сказанное делает очевидной необходимость как систематизировать, так и переосмыслить представления о Полянском в их полноте, приступив к написанию его биографии – изложение которой было бы свободно от домыслов и пристрастных оценок.

Литература

1. Антонов В. И. Имена в мировой политике: мозаика портретов и образов: вторая половина XX и начало XXI столетия: в 2 ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН, 2010. 250 с.
2. Зенькович Н. А. Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 767 с.
3. Салошенко В. Н. Первые: наброски к портретам, или Ретроспективный взгляд на деятельность первых секретарей Краснодарского крайкома ВКП(б)-КПСС за 54 года – с 1937 по 1991. Краснодар: Северный Кавказ, 2000. 734 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Antonov V. I. Imena v mirovoj politike: mozaika portretov i obrazov: vtoraya polovina XX i nachalo XXI stoletiya: v 2 ch. CH. 2. Ulan-Udeh: Izd-vo Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN, 2010. 250 s.
2. Zen'kovich N. A. Samye zakrytye lyudi. EHntsiklopediya biografij. M.: OLMA-PRESS, 2002. 767 s.
3. Saloshenko V. N. Pervye: nabroski k portretam, ili Retrospektivnyj vzglyad na deyatel'nost' pervykh sekretarej Krasnodarskogo krajkoma VKP(b)-KPSS za 54 goda – s 1937 po 1991. Krasnodar: Severnyj Kavkaz, 2000. 734 s.

Минчик С. С. Д. С. Полянский – штрихи к портрету (по воспоминаниям крымчан).

Исследование посвящено Дмитрию Степановичу Полянскому – одному из руководителей КПСС и СССР, чья причастность к крупнейшим скандалам эпохи стала поводом для его обвинений в сервильности и ретроградстве. Но в большинстве повествований об этом представителе элит игнорируются источники, которые убеждают: его личность много лет упрощается и незаслуженно демонизируется. В статье образ исторического деятеля воссоздаётся на основе не учтённых в литературе и масс-медиа характеристик, которые принадлежат его родственникам в Крыму и бывшим коллегам. В оборот вводятся факты, объясняющие генезис личности Полянского как человека и гражданина.

Ключевые слова: *биография, кремлинология, интервьюирование, крымоведе-ние, история России, воспоминания*

Minchik S. S. Dmitry Polyansky in the Memories of Crimeans.

Dmitry Polyansky is known as one of the CPSU and USSR leaders who was involved in a number of events: the transfer of the Crimean Oblast (1954), the defeat of the Anti-Party Group (1957), the 'Ryazan affair' (1960), the 'Novocherkassk massacre' (1962), the Nikita Khrushchev's ouster (1964), the Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia (1968) and the harassment of Aleksander Solzhenitsyn (1974). The article introduces unknown characteristics of the man which belong to his relatives and former colleagues in the Crimea. The features of Polyansky's image are recreated, the genesis of his personality is also revealed.

Key words: *biography, kremlinology, interviewing, Crimea local study, history of Russia, memoirs*

Для цитирования: Минчик С. С. Д. С. Полянский – штрихи к портрету (по воспоминаниям крымчан // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 166–172. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/166-172

For citation: Minchik S. S. Dmitry Polyansky in the Memories of Crimeans // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 166–172. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/166-172

О международной летней школе, наследии Януша Корчака, научных конференциях и межкультурных коммуникациях

С 1 по 30 сентября 2019 г. в Университете Марии Гржегоржевской в Варшаве (Польша) проходила 12-я международная летняя школа на тему "Гендерное равенство и равенство детей в либеральных и консервативных дискурсах. Последствия для языка и общества". В 2019 г. стипендии ЮНЕСКО для участия в школе получили 10 исследователей из Албании, Аргентины, Ирана, Нигерии, Пакистана, Республики Молдова, Российской Федерации, Турции и Украины. Я представляла Россию.

Начиная с 2006 г., более 120-ти студентов и преподавателей из 30 стран мира приняли участие в международных летних школах в Варшаве. Темой предыдущей 11-й школы – "Международный опыт в области адаптации детей-беженцев и мигрантов – теория, исследования, практики".

Двенадцатая школа была насыщена разнообразными социально-культурными мероприятиями – участники школы побывали в музее Польского восстания, музее Фредерика Шопена, Дворце культуры и науки, погуляли по старому городу, были в школе Монтессори, еврейской школе, одной частной и одной публичной школах Варшавы. Особое впечатление произвела организация школьного пространства, по настоящему дружественного ребенку,

Фото 1. В университете Марии Гржегоржевской

Фото 2. В еврейской школе

ориентация на здоровое питание, "мягкое" регулирование школьной жизни (например, через таблички, где можно и нельзя пользоваться телефоном).

Ключевой фигурой для педагогической науки в целом и польской педагогики в частности, а также для нашей летней школы стал Януш Корчак. Можно сказать, что я открыла его для себя заново не только как защитника прав детей, великого гуманиста, но и как идейного вдохновителя "новой" социологии детства наряду с такими учеными, как Алан Праут, Крис Дженкс, Йенс Квортруп и др. Его идеи созвучны социологическим идеям переоткрытия мира детства – важности изучения ребенка "здесь и сейчас", обращения к ребенку как к равноправному участнику социальных процессов, а не объекту воздействия взрослых, находящемуся в процессе становления. Корчак создал другой образ ребенка и показал другой способ восприятия ребенка, отношения к нему, другой способ воспитания детей.

Поляки гордятся Янушем Корчаком наравне с Фредериком Шопеном и Николаем Коперником. Польская национальная библиотека в Варшаве насчитывает около 675 публикаций в каталоге по запросу "Януш Корчак", включая 419 наименований в польской коллекции. Basia Vucic, докторант, Великобритания/Австралия, в рамках школы провела интересную экскурсию "По следам Януша Корчака в Варшаве" и мастер-класс "Суд Корчака", привела в качества примера много интересных фактов из жизни сиротского дома и жизни самого Януша Корчака.

На летней школе состоялись два важных научных мероприятия – 10-й польский педагогический конгресс (17 сентября 2019 г.) и конференция международной социологической ассоциации (26–27 сентября 2019 г.).

Польский педагогический конгресс открыли профессор Stefan M. Kwiatkowski, университет Марии Гржегоржевской, профессор Joanna Madalińska-Michalak, Варшавский университет, доктор Anna Odroważ-Coates, университет Марии Гржегоржевской, доктор Katarzyna Białożyт, педагогический университет в Кракове.

Фото 3. Участники школы перед Сиротским домом Януша Корчака

На пленарном заседании профессор Bogusław Śliwerski, Лодзинский университет, рассказал о "Зрелости и страсти начинающих исследователей", о том, как важно проводить исследования с самоотдачей, увлечением. После этого профессор Ingrid Gogolin, Гамбургский университет, сделала доклад "Публиковать на международном уровне или погибнуть? О взаимоотношениях между публикациями и качеством в образовательных исследованиях".

Профессор Conor Galvin, Университетский колледж Дублина, провел мастер-класс на тему "Как организовать исследование в сфере образования", на котором поделился секретами успешного применения качественной методологии. Профессор рассказал о дизайне исследования, конструируемой валидности и поделился информацией о публикационных новинках в области качественных исследований.

В панельных секциях выступили участники школы ЮНЕСКО, представив направления своих исследований: Ledia Kashahu (Албания) "Высшее образование в Албании"; Alexandra Filipova (Россия) "Лестница детского участия: право детей на город, в котором они живут"; Viorica Postica (Республика Молдова) "Многоязычное образование в Молдове: актуальные вопросы"; Maria Cecilia Zsogon (Аргентина) "Детский труд и формальное образование в периферийном регионе Латинской Америки"; Ekwuttosi Essien Offiong (Нигерия) "Исследование социальных проблем в Нигерии"; Chinyere Lilian Okam (Нигерия) "Коломбо и его дальнейшее существование: пересмотр утраченного гуманизма и родительский импульс"; Michalina Grzelka (США), "Уход за взрослыми инвалидами – гендерный вопрос"; Kinza Alizai (Пакистан) "Доступ к образованию и основные права в пакистано-афганском районе"; Anzhela Popuk (Украина) "Роль агентов по социализации в транснациональном переходе и социальной адаптации детей-мигрантов в Польше"; Yamila Rodriguez (Аргентина) "Права детей на участие в судах для взрослых. Работа в направлении создания дружественного детям правосудия"; Seran Demiral (Турция) "Влияние цифровых медиа на культуру (ы) детей и повседневную жизнь или Детский опыт в цифровую эпоху: тематическое исследование в

Турции"; Sanaz Etemadi Bousheri (Иран) "Образование, базирующееся на детских потребностях".

На педагогическом конгрессе две секции были англоязычными, три – велись на польском языке.

Вторым значимым научным мероприятием, собравшим более 80-ти исследователей из 50 разных стран, стала конференция Language and Society. Research Advances in Social Sciences, организованная исследовательским комитетом "Язык и общество" (RC25) Международной социологической ассоциации в университете Марии Гржегоржевской. Целью конференции стало обсуждение социологами, социолингвистами и другими социальными исследователями взаимоотношений языка и общества в двух аспектах. Первый аспект связан с рассмотрением гендерного равенства и равенства детей в рамках либеральных и консервативных дискурсов. Второй аспект основан на базовом для RC25 подходе – язык как цель, а не язык как средство с выделением исследовательских направлений: Язык и власть; Язык в общественной и частной сферах; Мультилингвизм; Язык и транснационализм; Язык и миграция; Язык и глобальная сеть; Язык и идентичность; Принципы языковой политики и др.

Открыли конференцию доктор Stephanie Cassilde, президент RC25 ISA и доктор Anna Odrowaź-Coates, университет Марии Гржегоржевской. На конференции работали секции "Дискурсы здоровья". "Взгляд на ранние навыки в отношении языка", "Язык молодежи", "Дискурсы идентичности", "Судебный дискурс", "Методология и концепции взаимоотношения языка и общества", "Язык и политика", "Язык и различия".

Приглашенные спикеры конференции выступили с докладами "О дискурсе мнимой безопасности в американских школах" проф. Darrick Smith; "Об автоматизации процесса интерпретации политических и экономических документов: машинное обучение с использованием семантической и синтаксической информации" проф. Jean-Louis Arcand; "Вепонизация языка", проф. Celine-Marie Pascale.

Итогом работы участников международной летней школы станут публикации в тематическом выпуске польского журнала Society Register и, конечно, бесценный опыт межкультурных коммуникаций, новые научные связи и исследовательские проекты.

Филипова А. Г. О международной летней школе, наследии Януша Корчака, научных конференциях и межкультурных коммуникациях.

Filipova A. G. About the international summer school, the heritage of Janusz Korczak, scientific conferences and intercultural communications.

Для цитирования: Филипова А. Г. О международной летней школе, наследии Януша Корчака, научных конференциях и межкультурных коммуникациях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4. С. 173–176. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/173-176

For citation: Filipova A. G. About the international summer school, the heritage of Janusz Korczak, scientific conferences and intercultural communications // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 4. P. 173–176. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/173-176

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент (*г. Находка*)
- Бартоломей Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гайе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Филипова Александра Геннадьевна** – доктор социологических наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Шестаков Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиозоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редакция журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2019 № 4 (51)

Подписано к печати 04. 12. 2019 г. Вышло в свет 24. 12. 2019 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,64. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

